ГЛАВА I

„СОЗВЕЗДИЕ ПСОВ"

ПОМОЩНИКУ И ДРУГУ

Летом 1912 года в английском городке Кембридже готовились к торжественному дню. Университет должен был вручить известному русскому ученому, академику Ивану Петровичу Павлову почетный диплом доктора. Для академика была сшита мантия и изготовлена шапочка, ибо только в таком традиционном облачении мог появиться ученый на торжественной церемонии. Наконец, этот день наступил. В актовом зале собрались почетные гости, ученые, профессора; вверху, на хорах, толпились студенты. Вот уже процессия направилась через весь зал к кафедре.

И. П. Павлов уже поднимался по ступенькам, когда перед ним повис какой-то предмет, его на тонком шнуре спустили с хоров. Машинально взглянув вверх, ученый увидел веселые лица студентов, они дружелюбно приветствовали русского академика. Один из них держал конец шнура, знаками показывая, что «посылка» адресована гостю.

Павлов перевел взгляд и увидел белую игрушечную собачку, утыканную разными стеклянными и резиновыми трубочками. Сняв собачку с веревочки и прижав ее к груди, ученый продолжил свой путь. Так, с игрушкой в руках, он участвовал в церемонии.

Позднее И. П. Павлов встретился с молодежью и узнал, что студент, спускавший ему игрушку, был внуком знаменитого Чарльза Дарвина. Студенты рассказали Ивану Петровичу о том, что такие подарки по традиции вручают самым уважаемым ученым и подобным же способом Ч. Дарвину была в свое время подарена обезьянка.

Собачка очень понравилась И. П. Павлову, он привез ее домой и с гордостью всегда показывал друзьям.

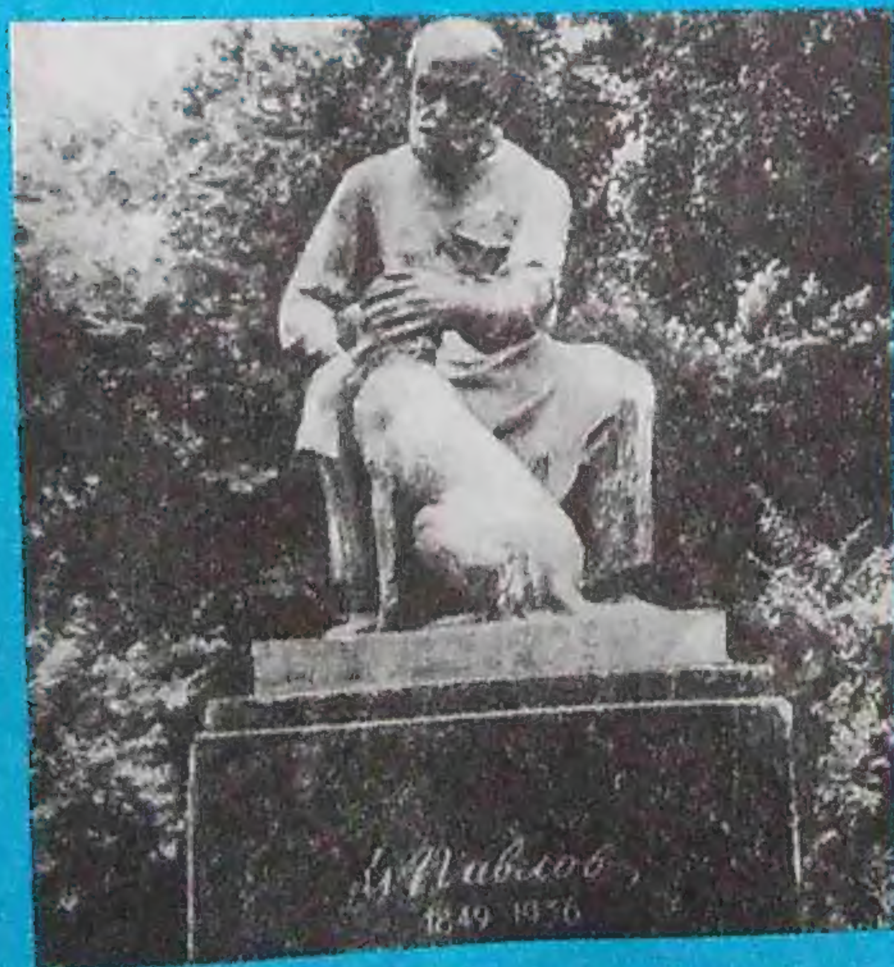
Иван Петрович и его ученики в своих опытах использовали множество собак разных пород. Нередко они оперировали животных, оставляя в их теле стеклянную или резиновую

«Безымянной собаке» — в саду Института экспериментальной медицины в Ленинграде

Памятник-фонтан во дворе института

И. П. Павлов с собакой (Сухуми)

Монумент в Колтушах (пос. Павлово)

трубочку, соединяющую какой-нибудь внутренний орган с поверхностью тела. Такая трубочка называется «фистулой». Собака жила с торчащей трубочкой, совершенно не страдая от этого. Такая операция позволяла ученым следить за работой внутренних органов собаки в различных условиях.

Много лет вынашивал знаменитый академик мечту о создании памятника своей помощнице — собаке. Долго и внимательно он обсуждал со скульптором-архитектором И. Ф. Беспаловым различные варианты. Наконец на одном из эскизов появилась надпись: «Предпочитаю этот проект. И. Павлов».

Памятник-фонтан представляет собой круглый бассейн, выложенный из серого гладкого камня, посредине его возвышается пьедестал цилиндрической формы, на котором сидит бронзовая собака.

В качестве модели художником был взят доберман-пинчер по кличке Рабур, у которого очень отчетливо выделялась мускулатура. А чтобы было ясно, что не только доберманы использовались учеными в экспериментальной работе, по верхнему бордюру постамента размещены восемь горельефов — голов собак различных пород, ниже — четыре барельефа с изображением экспериментов над собакой и текстами из трудов И. П. Павлова, разъясняющими содержание барельефов. Вот одна из этих надписей: «Пусть собака, помощница и друг человека с доисторических времен, приносится в жертву науке, но наше достоинство обязывает нас, чтобы это происходило непременно и всегда без ненужного мучительства. И. Павлов».

Так сбылась мечта И. П. Павлова: памятник «безымянной собаке» 5 августа 1935 года был открыт в Ленинграде в саду Института экспериментальной медицины, где Иван Петрович проработал 45 лет. «Я лично памятником доволен, — говорил ученый. — Я ведь о нем давно мечтал. Это апофеоз собаки, благодарность человечества».

Во втором дворе института в том же 1935 году появился еще один памятник-фонтан, связанный с научными экспериментами И. П. Павлова. И. Ф. Беспалов, являющийся автором и этого монумента, выполнил его в виде гранитной стелы с небольшим бассейном у ее подножия. На лицевой грани вырублены фигуры двух собак.

А в Колтушах — сейчас этот поселок носит имя ученого — воздвигнут другой памятник. На невысоком постаменте стоит академик И. П. Павлов. Он в медицинском халате. Его левая рука в кармане, а пальцы правой руки протянуты к голове собаки, сидящей у ног ученого. Автор — скульптор В. В. Лишев. Открыт памятник в 1951 году.

С этим монументом перекликается памятник Павлову, воздвигнутый возле физиологического лабораторного корпуса Института экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук СССР в городе Сухуми. Установлен он по инициативе самих ученых, ведь со времени основания института одним из ведущих направлений его работы является развитие идей И. П. Павлова. И поскольку опыты институт вел преимущественно на собаках, при заказе памятника было оговорено условие — в его композиции должна быть фигура собаки. Памятник отлит из бронзы и установлен на мраморном постаменте (скульптор Д. Т. Рябичев, архитектор Ф. Н. Андреев). Открыт 29 сентября 1969 года.

В БОРЬБЕ СО СТИХИЕЙ

То в одном, то в другом издании попадалась история о ездовой собаке, спасшей на Аляске жизнь многим людям, за что ей поставили бронзовый монумент. Но меня смущали некоторые расхождения в рассказах об этом событии. Вот, например, авторы пишут, что памятник стоит в городе Ном, у других указано, что он установлен и в Номе, и в Нью-Йорке. Но по сути события во всех рассказах более или менее совпадали. Вот что писали авторы, а я добросовестно повторял вслед за ними.

В одном из парков Нью-Йорка на мраморном постаменте стоит бронзовый пес с оборванными постромками. Второй подобный памятник стоит в городе Ном на Аляске. Оба монумента воздвигнуты в честь собаки по имени Бальт.

...В начале нынешнего века в Номе разразилась эпидемия, грозившая погубить в городе всех детей. Нужна была вакцина для прививки. В Номе ее не оказалось. А до ближайшего места, где имелась вакцина, не менее 300 километров.

За вакциной отправился владелец лучшей в городе собачьей упряжки. До цели удалось добраться благополучно, лекарство взято, но на обратном пути началась пурга. Собаки шли сквозь пургу 200 километров и выбились из сил. Только Бальт не сдавался. Хозяин выпряг его, прикрепил к ошейнику пакет с лекарством и приказал: «Домой!» Пес понял это.

Когда теряющий сознание хозяин с трудом открыл глаза, он увидел Бальта. Вернулся, не найдя дороги? А где лекарство? Но к лежавшему человеку уже спешили люди. Они объяснили: лекарство доставлено. Бальт привел людей к хозяину...

К сожалению, у меня не было фотографии памятника. Тогда я обратился к известному ленинградскому собирателю Н. С. Тагрину (1907—1981), владельцу крупнейшей коллекции иллюстрированных открыток. У него изображения этого памятника не было. Не оказалось его и в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Как-то в Ленинграде открылась выставка архитектуры США. Я обратился к одному из гидов: не знает ли он, как раздобыть фотографию памятника, но ни он, ни его коллеги и о самом событии-то ничего не знали.

Еще и еще перечитывал я разные материалы, невольно отмечая разночтения: у одного автора пакет с лекарством прикрепляют на шею собаки, а у другого — на спину. Ну, казалось бы, не все ли равно? Мне было не все равно. Многое теперь вызывало у меня сомнение. Начнем по порядку.

Почему-то никто из авторов не сообщает, как назывался населенный пункт, где была вакцина. Это еще предстоит выяснить...

Далее. Туда и обратно собаки пробежали без отдыха 300 плюс 200, то есть 500 километров. Вот в такое уже не очень-то верится... Пошел в клуб служебного собаководства посоветоваться со знатоками. Те в один голос: не могут собаки бежать без отдыха 500 километров.

И, кстати, почему расстояния упорно указывают в километрах?

Ведь в Америке они должны исчисляться в милях. (Одна сухопутная миля, как ее называют, уставная миля составляет 1,6 км.)

Наконец, самое существенное. От эпидемии нужно спасать население целого города. Тут нужны не две-три ампулы, а скорее всего целый ящик.

Как же его могли прикрепить к ошейнику или на спину собаки?

Чтобы избежать подобных вопросов, я перестал рассказывать о легендарной собаке Бальт и решил: напишу-ка я прямо в город Ном.

Кому же писать письмо — я там никого не знаю. Но ведь есть же в Номе школы, учителя. Написал: «Учителю одной из школ». Долго ждал, но ответа так и не получил. Тогда написал письмо с более конкретным адресом: «Мэру города Ном». И вот, наконец, пришел ответ.

Как я был рад, поймет тот, кто увлекается собирательством, коллекционированием. Но в такой же степени я и растерялся... Впрочем, судите сами.

В ответе сообщалось, что в городе Ном нет памятника собаке. Но мэр узнал, что в их городе эпидемия дифтерии действительно была в 1925 году, в доставке сыворотки отличился пес Болто (а не Бальт), ему, оказывается, поставлен памятник в Нью-Йорке. Мэр благодарил меня за интерес, проявленный к этому событию, и сообщал, что, получив мое письмо, возбудил ходатайство о переносе памятника из Нью-Йорка в Ном, где ему и надлежит стоять. Вот уж никак не думал вмешиваться во внутренние дела двух штатов Америки!

Между тем мэр города Ном переслал мое письмо в Нью-Йорк, откуда вскоре пришел солидный пакет. В нем оказались две большие фотографии памятника собаке Болто, план Центрального парка с обозначением места, где памятник установлен, и несколько фотокопий из

газет 1925 года, где подробно описан героический поход, в котором участвовало более сотни собак...

Вот что на самом деле произошло зимой 1925 года. Когда единственный доктор (звали его Куртис Уэлч) пришел утром в единственную больницу портового города Ном, что на самом севере Аляски, у первого же пациента он обнаружил налеты в горле. Дифтерия!.. Больной сказал, что и жена жалуется на горло. Доктор попросил медсестру приготовить шприц и противодифтерийную сыворотку. И тут выяснилось, что в больнице такой сыворотки нет.

Доктора охватил ужас.

Искать, искать сыворотку! Заработали телефоны, телеграф... Первым откликнулся город Фербенкс: «Сыворотка есть, и наготове три аэроплана, но вылететь мешает ураган». (Учтите, что дело происходило в 1925 году — это не реактивные, а винтовые аэропланы.)

Рекомендовали обратиться в город Ненана, где тоже есть сыворотка и, что главное, есть прекрасные собачьи упряжки, готовые включиться в доставку сыворотки.

От Ненана немедленно в путь пустился опытный каюр, на нартах которого лежал упакованный и укрытый от холода двадцатифунтовый ящик с лекарством. Путь шел вниз по реке Танана, затем вниз по замерзшему Юкону (реке, всем хорошо известной по рассказам Джека Лондона).

Началась героическая эстафета собачьих упряжек, в которой приняли участие десяток опытных каюров и сотни ездовых собак. Каюры говорят, что если идти днем и ночью, то потребуется примерно девять суток, чтобы преодолеть 660 миль до Нома! Пока несколько первых упряжек мчались по ровно замерзшему льду Юкона, все было ладно, но вот там, где Юкон сворачивает на юг, очередному каюру пришлось оставить гладь льда и идти к поселку Шактулик, что на берегу залива Нортон.

В поселке эстафету принял каюр Леонард Сеппала. Обогнув по льду залива мыс Дарби, он должен доставить груз в поселок Головнин, где его уже ждет следующая упряжка.

Но тут вмешалась стихия: ураган достиг неимоверной силы, скорость ветра превысила 100 километров в час! Лед на заливе взломало, и огромные льдины стали громоздиться одна на другую.

— Леонард, на лед спускаться опасно! — уговаривали каюра.

— Что же вы советуете?

— Иди на север, обогни замерзшие болота и сверни на Головнин.

— Это лишние пятьдесят миль. А время? Там больные, — угрюмо ответил Леонард и пустил на лед упряжку со знаменитыми вожаками Скотти и Того.

Того! О, этот умница не ждет команды, он и так понимает, что надо делать. Пожалуй, смышленее и сильнее его только знаменитый Болто. Взбираясь на торосы и ныряя вниз, рвется Леонард Сеппала вперед, в темень, в пургу...

Эстафету принял знакомый ему Чарли Олсон. Это был предпоследний этап гонки. Чарли преодолел его на пределе сил. Его короткошерстные собаки совсем закоченели. Холм, низина, еще холм... Вдалеке послышался лай. Это была упряжка Гуннара Кессона. Именно ему предстоял последний и самый трудный этап пути — снова спуститься на лед залива и пройти вдоль береговой линии до Нома. Олсон пожелал ему удачи. Могучий великан Гуннар, молча улыбнувшись, пустил упряжку на

Эта схема поможет проследить маршрут собачьих упряжек

Фербенкс
Танана
Ненана
Анкоридж
Руби
Юкон
зал. Нортон
Сент-Майкл
Ном

Сравнительно легкий путь в [illegible] миль от Ненана до Шактулика.

Самый трудный путь в [illegible] миль по торосам залива Нортон сквозь пургу и ночь.

Болто. «...Выносливость. Верность. Смышленость» — такова надпись на памятнике этой удивительной собаке

лед. Вожак этой упряжки из тринадцати собак знаменитый Болто был в свое время вожаком в упряжке у Амундсена, когда великий путешественник именно здесь готовился к штурму Северного полюса.

Из Блафа Гуннар выехал рано утром. К исходу дня разыгралась сильнейшая пурга. Густые хлопья снега били в лицо, слепили глаза, мешали дышать. Уже в начале пути Гуннар отморозил себе щеку и, хотя он был в двойной меховой одежде, это не спасало от пронизывающего ветра.

Гуннар лег на ящик с сывороткой, чтобы хоть немного защитить драгоценный груз от мороза. Иногда собаки останавливались, визжа от боли: острые льдинки застревали между пальцами и резали перепонки до крови. Тогда каюр сползал с нарт, помогал им очистить лапы и снова: «Марш!» Время от времени он всматривался в черноту ночи, но даже свою вытянутую вперед руку он не видел, и не заметил, как миновал поселок Соломон, где его ждали с приказом из Нома: задержаться и переждать ураган.

Управлять собаками Гуннар уже больше не мог. Вожак Болто сам повел упряжку.

Невероятно, как Болто учуял, что ему следует свернуть вправо и подняться на высокий берег, но в половине шестого утра 2 февраля полуослепший Гуннар Кессон буквально ввалился в город со своей упряжкой.

Вместо девяти суток, сыворотка была доставлена в Ном за пять с половиной!

В окнах домов вспыхнули огни, захлопали двери, побежали за доктором... Гуннара звали в больницу, а он, стоя на коленях, чистил израненные лапы Болто.

— Глупыш ты мой, — шептал хозяин, — ну что я без тебя? Только ты мог это сделать...

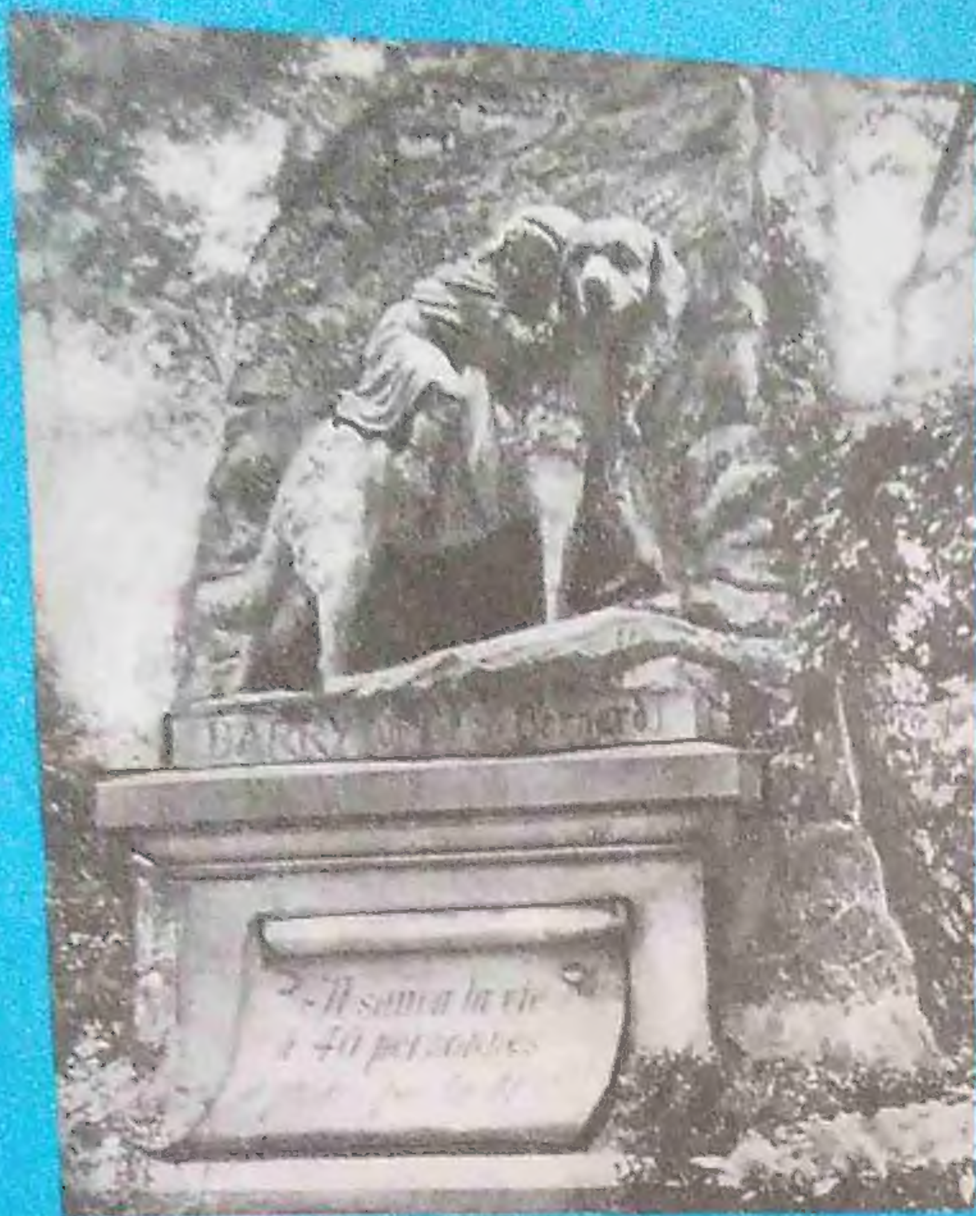
Уже утром нью-йоркские газеты «Геральд Трибюн», «Литерари Дайджест» и «Уорлд» рассказывали об эстафете жизни. А через 50 с лишним лет в фотокопиях их страниц для меня вновь воскресла эта история...

Памятник Болто был воздвигнут на средства, собранные школьниками, в Центральном парке Нью-Йорка (скульптор Ф. Рот).

На гранитной скале бронзовый Болто в упряжке.

«Неукротимому духу ездовых собак, которые через суровые льды и вероломные воды, через арктические снега прошли эстафетой 600 миль и доставили зимой 1925 года из Ненана для помощи в пораженный инфекцией Ном противодифтерийную сыворотку. Выносливость. Верность. Смышленость». Такова надпись на памятнике этой удивительной собаке. (Когда эта книга готовилась к печати, в газете «Известия» от 27 июля 1990 года появилась любопытная заметка М. Глебова: „Премьера советско-японского художественного фильма «Под северным сиянием» прошла в московском кинотеатре «Октябрь».

Днем на экране этого зала сокрушал врагов неутомимый Рэмбо, а вечером зрители увидели эту удивительно добрую, трогательную картину. Реальная история дружбы волка с людьми, случившаяся в 20-е годы на Аляске (волк стал вожаком собачьей упряжки и спас детей от эпидемии, доставив вакцину), подтверждена памятником волку в Нью-Йоркском центральном парке. Японский писатель Юкио Тогава, положив в основу эту историю, сочинил рассказ, ставший популярным не

Памятник Барри в Париже. Эта собака спасла сорок человек...

Барри в Бернском музее

рах. Этот эпизод и отображен на памятнике Барри в Париже. А вот как, по всей вероятности, закончилась карьера Барри.

...Стояла зима 1812 года. Наполеон разбит в России. Остатки его войск преследует армия Кутузова. Атакуют партизаны. Мороз, стаи голодных волков — все против горе-завоевателей...

После перехода Березины начинается массовое дезертирство из армии. Солдаты бегут в Швейцарию, Италию. Только не во Францию, где их ждет военный трибунал.

Один из дезертиров, переходя из Швейцарии в Италию через перевал Большой Сен-Бернар, голодный и обессиленный, провалился в расселину. Барри нашел солдата, когда тот уже забылся в предсмертном сне. Пес раскопал его, лег рядом и стал лизать лицо. Полуочнувшись, дезертир приоткрыл глаза — о, ужас! Над ним склонилась морда громадного зверя... «Волк! Русский волк! Нужно защищаться!..» Солдат выхватил нож и вонзил его в тело собаки. Барри пополз в монастырь, оставляя за собой кровавый след...

Барри выжил. Весть об этом трагическом происшествии быстро распространилась. Один фабрикант из Берна, проезжая мимо монастыря, упросил настоятеля отпустить с ним Барри в Берн, там, в ветеринарной лечебнице животному окажут умелую помощь.

Весь монастырь вышел провожать Барри до перевала. В Берне собаку продолжали лечить, но ранение и возраст взяли свое, и в 1814 году Барри не стало. С разрешения монастыря было изготовлено чучело знаменитой собаки, которое до сих пор хранится в музее в Берне.

Как же получилось, что почти через 85 лет в Париже появился памятник Барри? Дело в том, что пока не было этого кладбища, парижане выбрасывали погибших животных в Сену. Можно представить, во что превратилась река... Многочисленные жалобы принудили муниципалитет города открыть специальное кладбище, и как символ любви и признательности к верным друзьям человека было решено установить памятник Барри, хотя погиб и похоронен он в Швейцарии.

„Таро и Дзиро выжили!"

В конце 1960 года пластинка с таким названием была выпущена большим тиражом в Японии и мгновенно разошлась. Известие, заключенное в этих четырех словах, — собственно, финал весьма драматичной истории. А начиналась она так.

В 1956 году на севере острова Хоккайдо, в парке города Вакканай, стали готовить сорок собак сахалинской породы для работы на японской антарктической станции Сёва (японцы произносят «Сеуа»).

После длительных тренировок двадцать лучших собак были отправлены в Иокогаму, откуда на корабле «Соя» антарктическая экспедиция, возглавляемая доктором Нагато, взяла курс на шестой континент — в Антарктиду. Весь 1957 год группа успешно работала на станции. Когда наступило время возвращения, четыре оранжевых домика станции Сёва законсервировали и вертолет, забрав первую партию людей, доставил их на корабль.

У подножия телебашни в Токио

Памятник Радости

Они служили людям в Антарктиде

Памятник Грусти

Начинался шторм, и летчик очень торопился. Тяжело оторвалась от палубы винтокрылая машина и отправилась за оставшимися у базы сотрудниками. Собак этим рейсом взять не было возможности. Их связали в одну упряжку (чтобы не разбежались), решив забрать третьим рейсом. С огромным трудом пилот посадил вертолет на палубу корабля. А шторм тем временем перешел в ураган. Еще раз поднять вертолет в воздух было невозможно. Ждать же, когда стихнет ураган, начальник экспедиции не имел права. Связанные одним ремнем, пятнадцать собак остались среди льдов...

В конце того же года в Токио, у подножья телевизионной башни, а также в городе Сакаи были установлены необычные монументы — памятники пятнадцати погибшим в Антарктиде служебным собакам.

Если в Токио пятнадцать скульптур расположены на земле, то в Сакаи фигуры собак размещены на пьедестале. Сидят они тесной группой и внимательно смотрят вверх, словно ожидая появления машины, которая улетела с их добрыми друзьями — людьми...

На этом, казалось бы, и закончилась трагическая история, но ведь на пластинке, с которой мы начали рассказ, пелось не о погибших пятнадцати собаках, а о Таро и Дзиро?

Через год на базу Сёва отправилась очередная экспедиция. Когда вертолет приблизился к станции и уже показались оранжевые домики, один из тех, кто работал здесь в прошлом году, — Оцука воскликнул:

— Смотрите! Это собаки! Видите, две черные точки на льду! Это не пингвины! Пингвины не могут так быстро бегать!..

Вертолет сел на лед. Люди вышли. Оцука узнал собак.

— Таро! Дзиро! Ко мне!..

Весть о том, что две собаки целый год прозимовали в Антарктике, вызвала ликование в Японии. Каким же чудом они выжили? Доктор Нагата объяснил это так.

Мороз в ту зиму в районе базы доходил до 42 градусов, при этом кожа ошейников и упряжи стала настолько хрупкой, что собаки смогли без труда сломать их и освободиться.

От холода и ветров собаки укрывались в снегу, выкапывая себе пещеры, как они обычно поступают в подобных случаях. Питались, видимо, мясом выброшенного на лед кита, пингвинятами, с которыми они легко справлялись, яйцами пингвинов. Они оказались наиболее жизнестойкими — они боролись и выжили. Вот этим двум собакам и была посвящена песня, записанная на пластинку.

Весть о спасшихся собаках вызвала особую гордость и восторг у тех, кто вырастил Таро и Дзиро. Это событие следовало отметить именно там, где их воспитали. И в середине 1960 года на Хоккайдо в парке города Вакканай, где проводятся тренировки и обучение собак, был открыт памятник в честь Таро и Дзиро. Интересно, что моделью, с которой скульптор К. Като лепил свое произведение, был пес по кличке Пара (брат Таро и Дзиро).

На высоком, сложенном из обтесанных камней постаменте, установлена фигура идущей собаки с надетой на нее ременной упряжкой. Это был памятник Радости. На его открытии не было ни Таро, ни Дзиро: они участвовали в это время в четвертой антарктической экспедиции. В Японию из этой экспедиции вернулся только Таро, Дзиро же заболел и погиб.

Не могли и не должны были на

Хоккайдо забыть и тех собак, которые не вернулись с зимовки. В 1961 году в том же парке, неподалеку от памятника Радости, был воздвигнут памятник Грусти: большая каменная пирамида, на одной из граней которой высечен барельеф с изображением головы собаки.

Так в Японии почтили память трагически погибших собак. Таро прожил пятнадцать лет. Его чучело поместили в Музей агрономического факультета Хоккайдского университета. А на базу Сёва была отправлена статуэтка богини милосердия Каннон...

„Я потерял друга"

Не берусь утверждать, что Белый клык Джека Лондона, Каштанка А. П. Чехова, Белый пудель А. И. Куприна, Муму И. С. Тургенева, Белый Бим Г. Н. Троепольского — это портреты реально существовавших собак. Скорее всего, это собирательные образы. Но когда Есенин обращается к собаке Качалова*:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду...

то он обращается к конкретному псу, да так доверительно, как можно обратиться только к доброму, верному, испытанному другу.

Ты за меня лизни ей нежно руку...

Как это перекликается с отношением шотландского поэта Роберта Бернса к своему псу! Рассказывают, что в субботний вечер, когда молодежь плясала в маленьком зальце таверны, овчарка Бернса Люат (что в переводе со старошотландского значит Резвый) прибежала наверх и с восторженным визгом бросилась на грудь своему хозяину.

— Вот бы мне найти девушку, которая полюбила бы меня так преданно, как мой пес! — воскликнул поэт.

---

*Качалов В. И. (1875—1948) — выдающийся актер МХАТа, народный артист СССР.

Бернс сохранил для нас «портрет» Люата:

...А пес другой был сельский колли,
веселый дома, шумный в поле,
товарищ пахаря и друг,
и самый преданный из слуг.
(Перевод С. Я. Маршака)

Так эти две собаки — Р. Бернса и В. И. Качалова — вошли в литературу.

Теперь я расскажу о собаках писателей, чьи образы увековечены в скульптуре. Каждый из этих писателей, потеряв своего любимца, произнес простые, но искренние и трогательные слова: «Я потерял друга...»

Карета миновала Ноттингем и углубилась в Шервудский лес. Двадцатилетний Джордж Гордон Байрон, только что окончивший Тринити Колледж Кембриджа и получивший звание магистра, вместе со своим другом Гобхаузом следовал в Ньюстэдское Аббатство, поместье, принадлежавшее семье Байрона.

Молодых людей встретил старый слуга Джо, служивший еще отцу поэта, и пятилетний пес — любимец Байрона ньюфаундленд Ботсвайн. С каким восторгом бросился пес к хозяину. Он прыгал к нему на грудь, стараясь лизнуть лицо, отбегал, воз-

вращался и снова кидался к Байрону...

Здесь, в Ньюстэде, под заботливым уходом верного Джо, в забавах с любимым псом Байрон был намерен отдохнуть от хлопот, треволнений и грустных переживаний.

Молодые люди писали: один — стихи, другой — записки по философии. Развлекались они, купаясь в озере, а в ненастную погоду плавали в бассейне, оборудованном в монастырском погребе.

Любимой забавой Байрона было бросаться одетым в воду, изображая тонущего, и призывать Ботсвайна спасти его (Байрон, кстати, прекрасно плавал). Пес кидался в воду — начиналась возня, хохот, веселье.

Здесь, в Ньюстэде, 30 октября 1808 года поэт написал стихотворение «Надпись на могиле собаки». Вот строки из него:

Когда кончается почтенный сын людей,
Бесславный, но великий лишь фамилией своей,
Задача скульптора изобразить и пышно и умильно
Скорбь о лежащем под холмом могильным.
Готово все. А образ, что был скрыт под покрывалом,
Предстал не кем покойным был, а кем быть надлежало.
А бедный пес, вернейший из друзей,
Приветствующий первым, всех в защите злей,
Чье сердце благородное принадлежит ему,
Хозяину, и жизнь, дыхание и труд лишь одному,
Раним без почестей, недооценен в делах,
Земную душу чью не примут в небесах...

Заканчивается стихотворение словами:

[illegible] останки друга сей камень водружен,
[illegible] больше нет... Вот здесь он погребен.
(Перевод автора)

Много отвратительного и несправедливого видел и перенёс молодой поэт, тем нужнее и дороже была ему бесхитростная преданность любимого Ботсвайна.

Как будто сердцем чувствовал поэт надвигающуюся разлуку: через две недели после того, как стихотворение было написано, Ботсвайн заболел. Хозяин преданно ухаживал за ним, и пес угас на его руках... «Я потерял все», — сказал Байрон: он потерял друга.

Похоронив Ботсвайна в саду усадьбы, Байрон поставил на могиле памятник. Надпись на нем перекликается с пророческими стихами, сочиненными незадолго до гибели собаки: «Здесь покоятся останки существа, соединявшего в себе красоту без тщеславия, силу без дерзости, храбрость без жестокости и все добродетели человека без его пороков. Это похвальное слово было бы бессмысленной лестью, если бы оно было высечено над прахом человека. Здесь — только надлежащая дань памяти Ботсвайна — собаки, родившейся на острове Ньюфаундленд в мае 1803 года и опочившей в Ньюстэдском Аббатстве 18 ноября 1808 года».

Мне часто задают вопрос: как я нахожу памятники животным? Ответить на это довольно трудно. По-разному бывает: вылавливаю сведения

из газетных заметок, из различных журналов, из промелькнувших кадров телепередачи, из книг, с помощью друзей и, наконец, попросту «на ловца и зверь бежит!».

Так случилось, что побывал я в школе, группа педагогов которой совершила туристскую поездку в Англию. Зашел разговор о моем увлечении, и совершенно неожиданно мне показали любительскую фотографию памятника собаке. О нем я никогда не слышал и не читал. Это была фотография памятника собаке Вальтера Скотта в Абботсфорде. Никаких подробностей больше я получить не смог.

Решил написать в Абботсфорд, где расположено поместье писателя. И вот среди моих зарубежных корреспондентов появился новый—прапраправнучка В. Скотта, госпожа Патриция Максвелл-Скотт, которая в своих милых и очень доброжелательных ответах поведала мне историю взаимоотношений писателя с его любимой собакой Майдой.

В. Ирвинг*, посетивший поместье шотландского барда, писал: «...Большая часть пограничной Шотландии раскинулась передо мною, и я мог увидеть собственными глазами те места, в которых происходили действия поэм и романов, очаровавших весь просвещенный мир...»

Здесь В. Скотт в течение многих лет строил дом, похожий на феодальный замок. Поместье свое он назвал Абботсфорд.

В раннем детстве В. Скотт перенес полиомиелит, и на всю жизнь остался хромым. Ему трудно было совершать пешие прогулки, поэтому он часто выезжал верхом, в сопровождении своей любимой собаки Майды.

В конце октября 1824 года его сын Чарльз, находившийся в Оксфорде, получил от отца письмо. Вот несколько строк из него: «...У меня к тебе небольшое, домашнего характера, сообщение: старый Майда умер спокойно на своей соломе на прошлой неделе, после сытного обеда. Видимо, общая слабость и привела к кончине. Похоронен он под его скульптурой с надгробием, написанным по-латыни:

«Под изваянием, похожим на тебя,
когда ты жил,
Спокойно, Майда, у дверей хозяина лежи».

Памятник работы скульптора Д. Смира был установлен в 1824 году перед входной дверью Абботсфорда. Поэт опирался на изваяние, когда садился на лошадь. Видимо, больной ногой с земли ему невозможно было достать до стремени, и Майда, уже в виде монумента, продолжал служить своему другу.

Расскажу еще об одной собаке, служившей другому писателю; речь пойдет о Кадо — любимце Николая Алексеевича Некрасова.

В декабре 1971 года в Чудовской усадьбе Н. А. Некрасова* собрались видные писатели из многих республик Советского Союза, зарубежные гости, литературоведы, местные жители. В день 150-летия со дня рождения великого русского поэта в торжественной обстановке состоялось открытие Дома-музея и памятника Н. А. Некрасову. Когда с монумента спало покрывало, все увидели исполненную в бронзе фигуру поэта (работа скульптора П. М. Криворуцкого). В охотничьем костюме поэт сидит на пеньке. У его ног — пойн-

---

* Ирвинг Вашингтон (1783—1859) — американский писатель-новеллист.

* Носит название Чудовская Лука, расположена в излучине реки Керести (Новгородская обл.).

«Почтить останки друга сей камень водружен».
Ботсвайну — собаке Байрона

Майде — любимой собаке В. Скотта

Н. А. Некрасов со своим Кадо

тер, доверчиво положивший голову на колени хозяина.

Сюда, в Чудово, Николай Алексеевич приезжал отдыхать от издательских дел, от схваток с цензурой. Здесь родились многие его стихи, полные любви к народу.

В этих местах были великолепные угодья для охоты. Здесь поэт держал лошадей, охотничьих собак. И был среди них пес по кличке Кадо, которого хозяин любил больше всех. «...Нам жаль будет покидать только Кадошку... что это за умник, если бы вы знали!» — писал Н. А. Некрасов своему брату.

Сюда, в Чудовскую Луку, приезжал охотиться член совета Главного Управления по делам печати В. М. Лазаревский. Дружескими отношениями с ним Некрасов очень дорожил, нередко авторитет этого человека в какой-то мере смягчал удары, которые цензура обрушивала на журнал, издаваемый Некрасовым. Лазаревский приезжал сюда охотиться и один, в отсутствие хозяина. В одном из своих писем к Лазаревскому из Висбадена (Некрасов ездил туда лечиться) поэт обратился к нему с просьбой: «...Вам ничего не будет стоить навести справки о житье-бытье вселюбезнейшего нашего Кадо... Пишите нам, друг, как он? Главное, здоров ли и не чинится ли ему каких притеснений...»

2 мая 1875 года вместе с женой Зинаидой Николаевной поэт приехал в Чудовскую Луку отдохнуть, поохотиться. Был ясный, теплый солнечный день. Вывели оседланных коней. Некрасов помог жене сесть на лошадь. Егерь взял ружья и патроны, и все, в сопровождении Кадо, радостно повизгивающего от предвкушения охоты и близости любимого хозяина, тронулись к лесу.

Все радовались весне, солнечному теплу, свежей зелени листвы. Добравшись до леса, сошли с коней. Некрасов присел отдохнуть, Кадо лег рядом, а Зинаида Николаевна, увидев через редкий лесок, что на озере взлетели и снова сели на воду две утки, взяла у егеря ружье, патроны и побежала к озеру.

Это увидел Кадо. Он знал, что если человек взял в руки этот длинный предмет, он, Кадо, должен быть рядом. Но хозяин не двигался. Поглядывая на него, Кадо стал медленно отползать в сторонку, а затем припустил вскачь за Зинаидой Николаевной. Некрасов проводил Кадо взглядом и улыбнулся: «Изменник!»

Вскоре на озере раздался выстрел, а вслед за ним — вой собаки и раздирающий душу крик.

— Она выстрелила в себя! — воскликнул Некрасов, едва не теряя сознание.

Егерь бросился к озеру и сразу же прибежал обратно.

— Зинаида Николаевна жива и здорова! Она случайно попала в собаку...

Теперь все поспешили к озеру. На берегу сидела рыдающая женщина с истекающей кровью собакой на коленях.

Некрасов схватил пса, стал целовать его.

Кадо лизнул его в лицо и затих...

— Сегодня я лучшего друга лишился... — грустно промолвил поэт.

Вернувшись в усадьбу, Николай Алексеевич велел похоронить Кадо в палисаднике возле дома. В августе он снова приехал в Чудово и привез гранитную плиту, которую уложили на могилу Кадо; на ней надпись: «Здесь похоронен Кадо, черный пойнтер. Был превосходен на охоте. Незаменимый друг дома. Родился 15 июля 1868 г. Убит случайно на охоте 2 мая 1875 года».

Вот почему в Чудовской Луке воздвигнут такой памятник поэту.

Эти три истории рассказывают об отношении человека к собаке, о переживании человека, потерявшего своего четвероногого друга. А чувствует ли что-нибудь собака, лишаясь своего хозяина? По-своему отвечает на этот вопрос чудесный французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери. Вспомните, как Лис объясняет Маленькому принцу: «...Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь — мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...»

ПРЕДАН ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА...

Студенты Токийского университета, заканчивая семинар, торжественно поднесли своему любимому профессору Х. Уэно маленького щенка породы акита (наименована по названию префектуры, где разводят собак этой породы). С этим живым подарком профессор вернулся домой в поселок Сибуя — пригород Токио.

Большую радость в дом принес этот щенок. Его назвали Хачико. Грустно было маленькому Хачико, когда по утрам его хозяин уезжал на работу.

Хачико подрастал; вскоре он стал провожать профессора Уэно до станции, дожидался, когда поезд скроется из виду, и спокойно возвращался домой. А к вечеру (как будто кто-то подсказывал ему время) Хачико степенно шествовал на станцию и усаживался так, чтобы видеть оба выхода с перрона. Многие жители специально задерживались, чтобы увидеть, как Хачико встречает своего хозяина. А это, действительно, было трогательно. Увидев друга, пес бросался к нему, прыгал, стараясь лизнуть в лицо, радостно взвизгивая, отбегал, возвращался и снова прыгал... И профессор и Хачико, довольные друг другом, шли домой. Так продолжалось около четырех лет.

В один из дней пес, как всегда, занял свой наблюдательный пост. Прибыл поезд, разошлись пассажиры... Хачико встретил все поезда и уже затемно, не дождавшись друга, растерянный побрел домой.

Необычным было и утро следующего дня. Собаке некого было провожать. Она, как потерянная, бродила по дому, терлась мордой о кресло, где обычно сидел профессор, обнюхивала его домашний халат и тихонько скулила. Но когда наступил вечер, Хачико снова побежал на станцию. Он должен был встретить хозяина. Он просто без этого не мог жить...

В Сибуя уже знали, что профессор внезапно заболел и прямо из университета был отправлен в больницу, где скончался.

Но Хачико этого не знал. Девять лет пес ежедневно проделывал путь от дома до станции и обратно. Старому Хачико становилось все труднее и труднее добираться до железной дороги. Тогда начальник станции устроил для собаки жилье в камере хранения. Дети стали приносить Хачико жидкую еду, так как у него выпали зубы и он не мог жевать. Один из друзей профессора Уэно — врач — подлечивал Хачико, а в будке телефона-автомата повесил объявление с просьбой срочно позвонить, если Хачико станет плохо.

Тронутые преданностью Хачико, дети поселка с помощью родителей и многих граждан Японии, узнавших о Хачико из газет, собрали деньги, и на эти средства скульптором Кумэ был создан памятник, который установлен на перроне станции Сибуя. На его открытие вдова профессора привела старого Хачико, но он, сидя у подножия памятника, не обратил внимания на своего бронзового двойника.

Было это в 1934 году, а в марте следующего года Хачико не стало.

* * *

Зимним вечером 1941 года итальянский рабочий Карло Сориани ка-

ил на своем старом велосипеде домой в небольшой городок Луко-ди-Муджелло*. Уже стемнело, велосипедный фонарик бросал небольшое пятно на дорогу. Тут что-то белое мелькнуло у обочины. Карло остановился и высветил фонариком крошечного, дрожащего от холода белого щенка. Сунув его за пазуху, Карло сел на велосипед и веселее закрутил педали.

Утром семья знакомилась с найденышем. Он был белый с черными пятнышками по всему телу — чистейший дворняга. Накормленный и довольный, он терся о ноги уже знакомого ему по запаху Карло. На семейном совете было решено дать щенку имя Фидо.

Каждое утро Карло отправлялся на работу во Флоренцию. Фидо кидался провожать его, но щенка удерживали. Однако, когда собака подросла, Карло стал брать его до автобуса, с которым уезжал на работу. Фидо привык к месту, где останавливался автобус, и стал не только провожать, но и встречать своего хозяина. Встреча эта доставляла радость обоим.

Беспокойным было это время в Италии, втянутой фашистами в мировую войну. Но уже подымало голову движение Сопротивления.

В последние дни 1943 года жители Луко и Борго были потрясены страшными взрывами авиабомб. В тот вечер с тревогой встречали жители Луко опаздывающий автобус. Пришел не обычный рейсовый, а какой-то другой. В нем было немного пассажиров — те, кто случайно остался живым в разбитом бомбой старом автобусе. Внимательно следил Фидо за приехавшими, а когда все вышли, он забрался в опустевший автобус. Там даже не пахло хозяином. Опустив голову, Фидо медленно побрел домой. Но на следующий день, как обычно, пес отправился к остановке автобуса. Хозяин должен приехать! Фидо не мог знать, что накануне Карло погиб во время авианалета.

Шли годы. Многое менялось в жизни маленького городка. Постарела вдова Сориани, взрослыми стали соседские ребята, игравшие с Фидо двенадцать лет назад, когда он был веселым, счастливым, забавным щенком. Не менялась только уверенность собаки в возвращении хозяина. Почти четырнадцать лет ходил Фидо к остановке автобуса.

О преданности собаки писали газеты и журналы не только в Италии, но и в Париже, и в Москве, в Лондоне и Буэнос-Айресе. Многие кинематографисты, в том числе Воронин из Советского Союза, снимали Фидо.

В конце 1957 года в Борго-сан-Лоренцо на площади Данте состоялось торжественное открытие бронзового монумента знаменитому Фидо (скульптор С. Чиполла). На постаменте надпись: «Фидо. Образец преданности».

Вдова Карло Сориани привезла на машине старого Фидо на открытие памятника, но, видимо, совсем не интересовали его ни скульптура, ни золотая медаль: не было друга...

* * *

А теперь расскажу вам о пастушьих собаках — Бобби и Шепе. Их служба очень тяжела и опасна. Уберечь отару от волков, перегнать ее на новое пастбище — все это дело пастуха. Но без помощи друга-собаки, которая слушается только своего хозяина, он справиться не смог бы.

...Уныло гудел колокол сельской

* Расположен вблизи города Борго-сан-Лоренцо (в 20—25 км от Флоренции).

Преданному Хачико

Фидо и его бронзовое изваяние

церкви. От поселка в сторону Эдинбурга двигалась траурная процессия. За катафалком следовали поселяне, друзья и родственники умершего. Не так уж часто по улицам проходила такая процессия, поэтому из большинства домов выходили люди и тихо спрашивали у провожающих:

— Кого хоронят?

— Нашего сельского пастуха старину Джока. Прямо не знаем, кто теперь будет пасти наш скот...

Необычное шествие привлекло, конечно, сельских собак. Увидев среди провожающих своих хозяев, они подбегали, ласково и приветливо виляли хвостами. Им не было никакого дела до того, кого хоронят.

Хозяева отгоняли своих собак, посылая их домой. И собаки, дойдя до конца поселка, деловито поворачивали к дому. Только одного небольшого черного песика никто не уговаривал вернуться домой, и он продолжал плестись за процессией, которая уже вошла в Эдинбург.

Давно уже перестал звонить колокол сельской церкви, провожая процессию. Теперь ее встречал другой колокол — церкви Эдинбургского кладбища Грейфрайерз.

На свежей могиле вырос холмик. Провожающие положили на него цветы, постояли и стали постепенно расходиться. Кто-то из соседей покойного Джока заметил собаку, усевшуюся недалеко от могилы. Это был Бобби, скайтерьер Бобби, верный пес сельского пастуха. Когда поманили Бобби, позвали его домой, он повилял хвостом, благодаря за внимание, но продолжал сидеть.

Люди разошлись, а Бобби остался. Его друг—старина Джок находился здесь, и Бобби было ясно, что его место около друга...

Наступил вечер. Бобби проголодался, да и пить очень хотелось. Он вышел с кладбища, нашел колодец и напился из лужи, образовавшейся у камня, на который ставили ведра. Его заметили мальчишки. Этого пса они видели впервые. Хозяина нигде не было, и ребята стали подманивать собаку. Бобби с удовольствием подбирал корки хлеба, но с ребятами не пошел, а вернулся на кладбище к Джоку. Так прошел для Бобби грустный день. Было это в 1858 году в шотландском городе Эдинбурге.

Когда на следующий день Бобби направился к уже знакомому колодцу, он встретил вчерашних ребят, да и те узнали его. Так началось их знакомство с Бобби. Ребята подкармливали песика, играли с ним. Но к вечеру Бобби неизменно возвращался к своему другу на Грейфрайерз.

Однажды за Бобби приехали из села, забрали и отвезли к новому пастуху, но Бобби сбежал и вернулся снова в Эдинбург. Теперь о жизни Бобби знали не только эдинбургские ребята, но и взрослые. Да это и не удивительно, ведь уже несколько лет Бобби жил на кладбище.

Но как-то (это случилось в 1872 году) Бобби не появился на улицах города. Он закончил свою жизнь на могиле друга. Весть эта быстро распространилась, и тогда молодые люди, которые еще детьми знали Бобби, решили создать памятник Верности. На площади у кладбища Грейфрайерз был открыт памятник преданному Бобби, ставшему знаменитым на всю Великобританию.

* * *

Если бы не вездесущие мальчишки, эта история вряд ли стала бы известной.

Начались с того, что на железнодорожной станции Форт-Бентона (штат Монтана) появилась никому

Бобби, знаменитый на всю Великобританию

Шеп. «Этот пес преподал нам урок преданности!»

неизвестная собака — факт сам по себе малопримечательный. Она всюду бегала, выискивала еду в пищевых отбросах, но обязательно появлялась на платформе к каждому поезду — пассажирскому или товарному, с опаской обнюхивала пассажиров и снова исчезала. Служащие гнали ее с территории станции, швыряли в нее камни — она поджимала хвост, отбегала, но снова возвращалась.

Откуда она? Кто ее хозяин? Никто этого не знал. То, с каким упорством изголодавшаяся собака держится возле станции, заставило людей задуматься о ее судьбе. Особенно заинтересовался собакой кондуктор одного из поездов Э. Шилдс.

Первые сведения подсказали мальчишки. Они вспомнили, что в августе через станцию проследовала большая толпа, которая спустилась на пристань к Миссури. Несли гроб, его потом погрузили на пароход.

Речники подтвердили, что вниз по Миссури действительно перевезли гроб с умершим пастухом, чтобы похоронить его в родных местах. Видимо, пес (это был колли) — пастуший помощник — остался здесь, не попав на пароход. «А что, если его окликнуть так, как называют пастушьих собак — Шеп?»*. Окликнули. Пес повернул голову и завилял хвостом! «Значит, ты — Шеп!»

Но почему же, потеряв хозяина, пес так внимателен к поездам, а на пристань не приходит? В окрестных селах никто из пастухов не умирал — следовательно, решили железнодорожники, покойного привезли поездом, в который, вместе с провожающими, попал и пес, и для него перестук колес оказался связанным с представлением о хозяине. Возможно?.. Возможно. Видимо, поэтому перед каждым поездом, прибывающим на станцию, появлялся Шеп: он искал своего хозяина.

Железнодорожники были растроганы такой преданностью Шепа. Никто его больше не обижал, не гнал со станции. Наоборот, его подкармливали, о нем заботились. Заметка о Шепе в местной газете сделала его знаменитостью. На станцию стали приходить письма с предложением взять Шепа. Но железнодорожники решили, что отнимать у собаки надежду на встречу с хозяином нельзя, и всем отвечали отказом. А письма все шли. Управлению дороги пришлось назначить специального «секретаря», ведавшего перепиской.

А Шеп? Никто не понимал, каким образом пес узнавал, что к станции приближается поезд. Никто еще ничего не слышал, а Шеп уже безошибочно занимал свой «пост». Он пробегал вдоль платформы, заглядывал в окна вагонов. Он искал. Ведь должен же когда-то появиться его хозяин?!

Пять с половиной лет нес он свою вахту. В студеные дни января 1942 года, обегая очередной состав, Шеп поскользнулся на краю обледенелой платформы, его ударило подножкой вагона... На холмистом берегу Миссури, недалеко от железнодорожной станции, Шеп был похоронен.

Весной того же года на средства, собранные служащими станции, был сооружен памятник верному псу. А на склоне холма, под памятником, железнодорожники сложили из крупных камней имя — Шеп. Буквы настолько большие, что надпись видна издали. А чтобы проезжающим через эту станцию пассажирам ночных поездов был виден памятник, они смонтировали электроподсветку. «Смотрите, люди, этот пес преподал нам урок преданности!»

* От английского shepherd (пастух).

ПЁС НА СУНДУЧКЕ

Как-то мне попала в руки журнальная вырезка. Читаю: «А вот о том, что первый памятник собаке был создан еще в XVIII веке, наверное, мало кто знает. Сооружен он был недалеко от австралийского городка Гандагай, на дороге, соединяющей Мельбурн с Сиднеем».

Меня несколько насторожило известие о том, что первый памятник собаке (первый!) создан в XVIII веке, и не где-нибудь, а в Австралии.

Взял Большую Советскую Энциклопедию. В первом томе на стр. 77 в статье «Австралия» читаю: «К концу XVIII века австралийцы — коренное население Австралийского континента — находились на уровне охотничьего и собирательского хозяйства, не знали земледелия и скотоводства... В 1788 г. в Австралии было основано первое английское поселение в бухте Джексон (современный Сидней). В 1788 году была основана английская каторжная колония».

Кто же в Австралии в XVIII веке задумал памятник собаке? Аборигены? Английские каторжники?

Решил запросить мэра города Гандагай и получил объемистый пакет. Мэр прислал мне множество разнообразных материалов и выразил удивление, что «сведения о памятнике дошли даже до Ленинграда в СССР».

Итак, перенесемся в Австралию. Великолепное шоссе ведет из Сиднея в Мельбурн. На его 500-м километре путников встречает объявление, что в пятистах метрах отсюда находится «Гостиница 5-й мили» — пятой мили от города Гандагая, где их ждут прохлада, отдых и обед.

Вот и небольшое здание с вывеской на крыше и мемориальной доской на стене. Здесь мы и увидим знаменитый на всю Австралию памятник собаке на такер-боксе.

Такер-бокс на австралийском наречии дословно обозначает «сундучок для еды» — обязательная принадлежность путешественников, экскурсантов. В русском языке есть аналогичное понятие — «поставец».

Почему собака? Почему на сундучке? Стоит, пожалуй, заглянуть в ресторан и порасспросить бармена.

— В прошлом веке, — не торопясь начнет он свой рассказ, — когда в здешних местах открыли золото, сюда хлынули буквально толпы золотоискателей. Это были смелые, энергичные люди. Передвигались они со своими семьями в крытых парусиной фургонах; на больших деревянных колесах. Тащили такие фургоны кони или — даже чаще — волы. Сегодня здесь проходит прекрасное шоссе, одно удовольствие — едешь как по полированному столу. А была только тропа, проложенная путниками и повозками. Проходила она по холмам и долинам, по болотам и топям. Трудные были пути. И люди и волы выбивались из сил, особенно когда приходилось вытаскивать завязший в болоте фургон.

На пути путешественников, в пяти милях от Гандагая, находилась построенная предприимчивыми людьми «Гостиница 5-й мили». Как раз на этом самом месте, где теперь стоит наш ресторанчик. Останавливались в ней погонщики скота, переселенцы, золотоискатели, а иной раз и разбойники. Здесь можно было от-

Собаке-пограничнику Дойре

Собаке-сторожу

дохнуть попеть и потанцевать, принять участие в конных соревнованиях.

В это время имущество хозяев фургона охраняли собаки, верные друзья и спутники переселенцев. Много песен и рассказов слагалось в народе о быте переселенцев, и почти всегда в них упоминалась собака, сидящая на сундучке (такер-боксе), в котором хранились запасы пищи. А местный поэт и винодел Д. Мозес даже написал поэму о сидящей на такер-боксе собаке. Неудивительно, что «5-я миля от Гандагая» стала очень популярной не только здесь, в окрестных селах и поселениях, но и в городе Гандагае, да, пожалуй, и по всей Австралии...

Готовясь к празднованию столетия со дня основания Гандагая, местные власти решили соорудить памятник, который был заказан скул[illegible] Раскони. Монумент должен [illegible] увековечить первопроходцев [illegible] мест с их верными сторожами [illegible] друзьями — собаками. В ноябр[illegible] 1932 года при огромном стечении народа состоялась церемония открытия памятника, который вы видите, а спустя почти четверть века, в 1956 году, был открыт этот ресторанчик.

Теперь вам ясно, почему на пятой миле от города Гандагай поставлен памятник собаке, сидящей именно на сундучке — на такер-боксе. Памятник собаке-сторожу.

. . .

С сообщением о памятниках собакам меня попросили выступить перед членами кружка юных собако-

[illegible] когда встреча закончилась и [illegible] уже расходились, одна из девочек раскрыла толстую клеенчатую тетрадь с вклеенными в нее фотографиями и показала не очень удачное любительское фото памятника собаке, о котором я ничего не знал. Снимок был сделан во время экскурсии кружка в питомник, где воспитывались и дрессировались собаки для несения пограничной службы. Но почему появился этот памятник, никто не знал. Где я только не наводил справки, и, наконец, удалось встретиться с бывшим военнослужащим одной из частей, он-то и рассказал мне о собаке-пограничнике.

— Этот памятник увидеть могут не все, потому что установлен он в пограничной зоне. Когда я попал в эту часть, мне показали собаку по кличке Дойра. Это была восточноевропейская овчарка примерно двенадцати лет. Для несения службы она была уже стара, да и зрение ее все ухудшалось. Но Дойра обладала необыкновенно острым обонянием, поэтому ее решили демонстрировать как образец воспитания служебной собаки. Часто ее показывали ребятам из кружка клуба юных собаководов. Так что Дойра продолжала свою «службу» даже будучи совсем старой.

— Вы говорите, что у Дойры было необыкновенно острое обоняние. В чем это проявлялось?

— Ну, к примеру, если просто хорошая собака берет след под слоем снега сантиметров в десять, Дойра чуяла его гораздо глубже, — сантиметров до тридцати. Если обычная собака уже через сутки теряла вы-

ветрившийся след, то Дойра находила его значительно позже. И еще одним интересным качеством обладала Дойра: если собаки обычно идут, все время пересекая линию пути то справа налево, то слева направо — зигзагом, Дойра, взяв след, вела уверенно по прямой.

— Расскажите, пожалуйста, как возникла мысль поставить памятник Дойре и как это удалось сделать?

— Понимаете, в нашей части Дойру очень ценили и любили. Однажды к нам приехали два студента, готовивших дипломную работу. Они писали этюды, делали зарисовки животных, в том числе и Дойры. А когда их попросили вылепить ее скульптурный портрет, они охотно это сделали.

В 1971 году, когда Дойры не стало, решено было поставить на территории питомника памятник. Вот тут и пригодился гипсовый барельеф. Меня послали на завод, где был литейный цех. Я рассказал молодым литейщикам о нашей Дойре и попросил помочь. И ребята в свободное время отлили барельеф и подарили нам. Наши солдаты подобрали подходящий камень — будущую стелу, подготовили бетонный фундамент и, когда прибыл отлитый в бронзе барельеф, установили его на место. Под барельефом знаменитой собаки выбита надпись: «Дойра, 1955 — 1971».

МОИ ГЛАЗА

Из множества памятников, установленных на кладбищах для домашних животных, особо хочется выделить этот. На небольшой мраморной плите с барельефом собаки короткая искренняя и трогательная надпись: «Рейнджер. 1954 — 1969. Мой зрячий пес, мои глаза, мое сокровище. Джон Б. Смит».

...Идет по улице человек в темных очках. В его правой руке палочка. Ровным шагом идет человек, и в том же темпе у его левой ноги шествует собака.

Велико несчастье человека: он лишен зрения. Но идет уверенно. Внезапно собака решительно остановилась и села. Это предупреждение хозяину: «Внимание». Палочкой нащупал человек доски. На тротуаре ведутся работы. Собака осторожно ведет человека по мосткам через траншею. Дальше нужно перейти высокий железнодорожный мост. Подойдя к первой ступеньке лестницы, собака садится. Человек палкой нащупывает ступеньку. Путь продолжается, но когда им предстоит миновать площадку и начать подъем на второй марш лестницы, собака снова садится, предупреждая хозяина о препятствии.

— Какая умная собака! Как это хозяин научил ее так вести себя на улице! — удивляются прохожие.

Нет, это не он научил собаку. Она воспитана в специальной школе по подготовке собак-поводырей. В Швейцарии такая школа была открыта еще в 1927 году, затем появились они в США — в Калифорнии, Нью-Джерси, Мидуэсте. У нас в Подмосковье существует республиканская школа собак-поводырей.

...неподалеку от венгерской столицы оборудована школа, которая занимает площадь около двух гектар. На ее территории имеется макет улицы с переходом «зебра», со светофором и различными препятствиями.

А в Германии организована прямо-таки необыкновенная школа: в ней собак обучают иностранному языку! Дело в том, что заявки на собак-поводырей поступают сюда из разных стран — из Англии, Турции, Швеции, Норвегии и других. Подготовленная для определенного заказчика собака должна понимать команду на языке своего хозяина, а на разных языках по-разному звучат слова команды, пожалуй, кроме одной: «Фу!» Ее понимают все собаки.

Но вот закончилась учеба. В школу приезжает будущий хозяин собаки. Он будет жить здесь около двух недель. Ведь им обоим — и собаке и хозяину — необходимо «сойтись характерами»...

Наконец оба отправляются домой. С этого момента человек вверяет свою безопасность, а возможно, и жизнь новому другу-хранителю. Отныне без него человек не выйдет на улицу. Его пес постепенно озна-

комится со всеми маршрутами хозяина, и потом ему достаточно услышать: «в булочную», «в прачечную» или «на почту» — и он безошибочно поведет человека по нужному адресу, оберегая его в пути.

Незрячий человек назвал своего преданного друга «Мои глаза». Чувства, вложенные в эти два слова, звучат в душах тысяч лишенных зрения людей, поэтому понятно появление в 1930 году на одной из аллей берлинского зоопарка памятника собаке-поводырю в знак благодарности от незрячих берлинцев (скульптор О. Рихтер).

ТОЛЬКО СОБАКА

Здесь рассказано далеко не о всех памятниках собакам, существующих на планете. Их, несомненно, значительно больше. Мне точно известно, что такие памятники существуют, например, на Канарских островах, в Польше, в Германии, Австрии, у нас в Алупке.

Чаще, конечно, памятники ставятся собакам породистым, так сказать собачьей аристократии, но вот один монумент сооружен в память о самой простой бездомной бродячей дворняге.

Аннибале де Пиетро — мэр маленького итальянского городка Манго-Д'Альба, расположенного в 60 километрах от Турина, и его друг — поэт и профессор Орест Галлина сидели за столиком в баре с громким названием «Италия». Они ждали прихода междугородного автобуса из Турина, на котором должен был приехать их друг Гоффредо Чильютти, непоседливый путешественник, любитель и знаток собак.

Гоффредо был уроженцем Манго-Д'Альба, но в свое время переехал в Турин. Однако связи со своими друзьями детства в Манго не терял.

Автобус пришел. Объятия, похлопывания друг друга по плечу, радостные возгласы, и, наконец, все трое уселись за столик.

Мало что изменилось в тихом родном городке, поэтому новости выкладывал главным образом Гоффредо. В последней поездке по Италии самое сильное впечатление на него произвело обилие памятников.

— Кто спорит, друзья, есть у нас бессмертные памятники, такие, как волчица с младенцами-близнецами в Риме и Пизе. Но эти рекламные скульптуры, которые не украшают, а уродуют прекрасные города Италии, — ну, например, памятник шляпе?! Подумайте, громадная шляпа из железобетона! Я видел такие памятники в Кунео, да и не только в Кунео, почти по всей Италии!.. А верному другу человека — собаке я памятника, увы, не встречал...

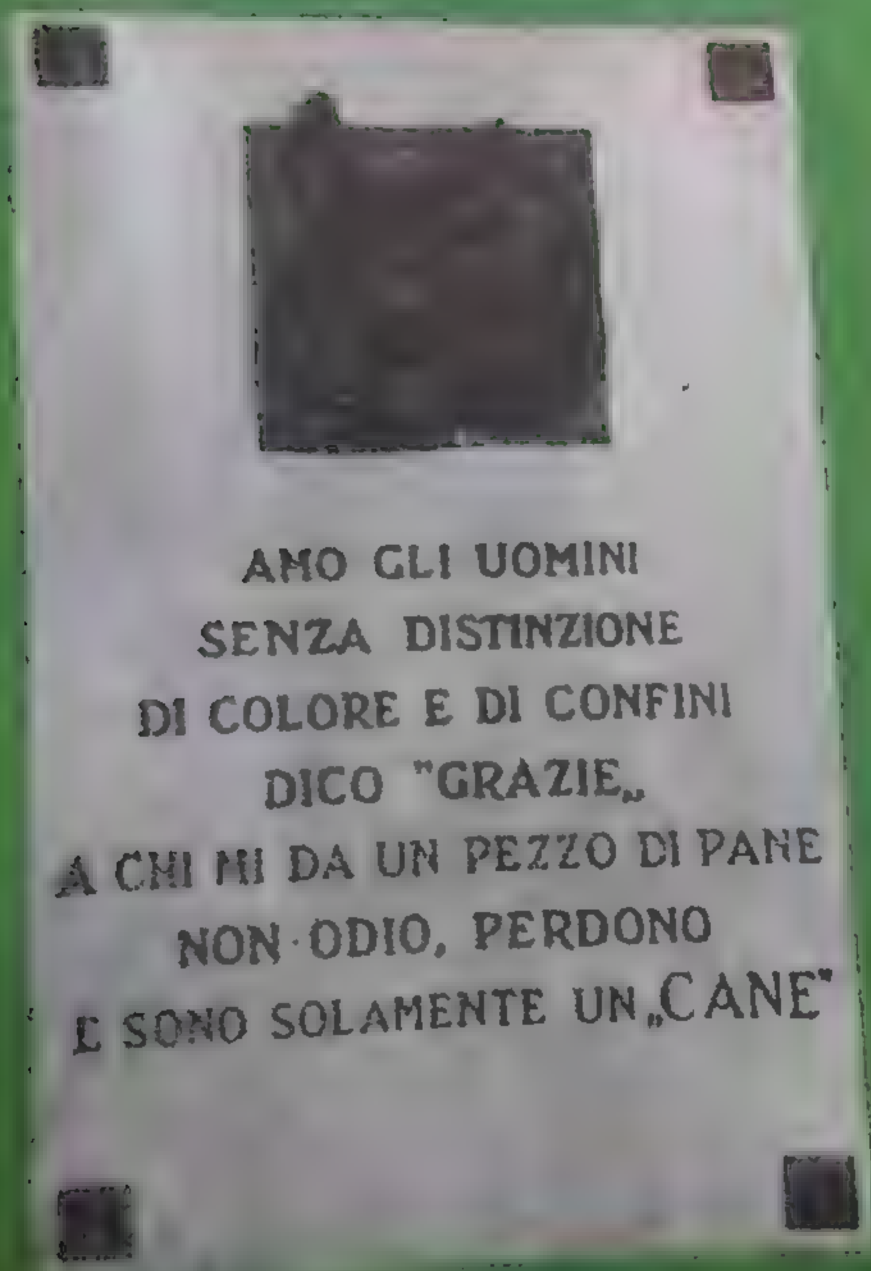
По странной случайности в этот момент заскулила привязанная к ножке одного из столиков дворняга. Гоффредо глянул на пса и поинтересовался, что это за существо и кто его хозяин. Ответил мэр города:

— Со вчерашнего дня он мой. Зовут его Рифифи, так его прозвали дети. Был он бездомным, питался чем попало. А вчера ночью, когда к моему соседу в гараж хотели проникнуть воры, Рифифи своим лаем разбудил хозяина и спугнул злоумышленников. Вы не можете себе представить, как сосед был благодарен

Рейнджеру — собаке-поводырю

«Люблю всех людей...
Я — только собака».
Рифифи-другу.

Собаке-поводырю в Берлине

... взять к себе не захотел. ...ь он мой...

Перебив друга, Гоффредо принялся расхваливать собак, их разнообразную службу людям. Упомянул и памятники собакам, воздвигнутые в разных странах. Тут не выдержало сердце мэра города:

— Послушай, Гоффредо, это же чудесная мысль!..

И трое друзей стали горячо обсуждать, как установить такой памятник в Манго-Д'Альба. К согласию пришли быстро. Поскольку Гоффредо взял расходы на себя, он и возглавил всю предстоящую работу. Памятник был заказан туринскому скульптору Ауданья.

В воскресенье, 17 июня 1962 года, около одного из домов по улице Витторио Эмануэле друзья встретились снова. Но теперь они были в окружении толпы горожан. Мэр предоставил слово Гоффредо, который снял покрывало с мрам... доски на стене дома.

Из мрамора выступило изображение дворняги. Говорят, что все дети, присутствовавшие на открытии, сразу же узнали Рифифи. И в этот день и в следующие дни Рифифи стал самой популярной личностью в Манго: его фотографировали, его лай записывали на пленку, его снимали для телевидения...

А через несколько дней Рифифи освободился от поводка и убежал. Больше его в этих местах не видели.

Но в Манго остался памятник другу человека, собаке-дворняге Рифифи, которая в надписи, начертанной на мраморе, обращается к людям, как бы говоря о себе и о всем собачьем роде: «Люблю всех людей без различия цвета и границ. Говорю «спасибо» тому, кто мне даст кусок хлеба, не ненавижу, прощаю. Я — только собака».

ГЛАВА II

ОТ КОТА ДО КИТА

„ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ"

Бывает, что узнаешь такое, что и верится с трудом, если бы... если бы не конкретные, вполне ощутимые, существующие и поныне следы, подтверждающие, что нечто подобное действительно происходило в жизни.

Рассказом именно о таких двух полусказочных событиях времен средних веков начинается эта глава. Место действия — Британские острова.

Если вам доведется побывать в Лондоне и принять участие в экскурсии по городу, вполне вероятно, что вам покажут памятник на Хайгетском холме. Экскурсовод расскажет, что в XIV веке Лондон был гораздо меньше и этот холм был за чертой города. Тогда здесь стоял большой крест. К нему собирались заболевшие проказой люди, которых выдворяли из города. Теперь на месте креста можно увидеть необычный памятник: за металлической оградой возвышается большой камень с надписью, что он установлен по воле сэра Ричарда Уиттингтона. Но вопреки ожиданию вместо скульптуры самого сэра на камне красуется изваяние кота.

Упоминание о Ричарде Уиттингтоне я встречал в различных изданиях. У этой истории оказалось множество версий. Наконец, мне попался журнал «Новый мир» (№ 7 за 1974 год), где писатель О. Орестов в статье «Другая жизнь и берег дальний» сообщал, что «...в северо-западной части Лондона есть холм, на котором несколько лет назад поставлен памятник коту».

Я решил вплотную заняться поиском наиболее полного изложения истории сэра Уиттингтона, загадочного кота и любопытного памятника. После длительной переписки со знакомыми и незнакомыми людьми я получил исчерпывающие сведения о памятнике. Их прислал мне юноша

имени Джефри Мэтьюз. Это были иллюстрированная книжка об Уиттингтоне, фотография памятника и ряд выписок из книги «История сэра Ричарда Уиттингтона, трижды мэра Лондона».

...В одной деревне жил парень Дик, круглый сирота. Был он беден, жил впроголодь. Услышал он однажды, что в Лондоне мостовые вымощены золотыми камнями. Достать бы такой камень, хотя бы один, и можно вволю поесть. Добрался Дик до Лондона, стал искать золотой камень. И... конечно, ничего не нашел.

Надвигалась ночь. Дик, устав и проголодавшись, присел на ступеньки крыльца какого-то дома и уже было заснул, как вдруг отворилась дверь и вышел хозяин дома. Это был Фитцуоррен — видный лондонский купец. Поначалу он хотел отправить бродягу в тюрьму для бездомных, но пожалел парня и оставил его у себя.

Дика поселили в каморке на чердаке, дали топчан с подстилкой из соломы. Но толком выспаться парню мешали крысы, сновавшие по чердаку. Вскоре за какую-то мелкую услугу на базаре Дик получил пенни. На эту монету он тут же купил себе кота. Теперь жизнь стала чуть веселее — кот быстро расправился с крысами.

Однажды хозяин объявил своим слугам, что отправляет корабль торговать в заморские страны и, если у кого-нибудь есть вещи, которые он хотел бы выгодно продать или поменять, можно отдать их капитану. Когда очередь дошла до Дика, он смущенно протянул капитану единственное свое сокровище — кота, больше у него ничего не было. Капитан улыбнулся, потрепал мальчишку по лохматой голове, но кота взял.

Время шло. Крысы снова обнаглели. Дику стало совсем невмоготу, и он сбежал из купеческого дома. Он вышел из города и, дойдя до холма, уставший и голодный, заснул. Приснилось ему, что сидит он в нарядной, богатой одежде за столом, уставленным вкусной едой, играет музыка, и чей-то голос будто напевает: «Вернись, Дик! Вернись, Дик!»

Мальчик проснулся, а звон все гудел и гудел, точно сон еще не кончился. Только сейчас Дик понял, что это звуки колокола на башне лондонской церкви Боу, а в мозгу с каждым ударом продолжало звенеть: «Вернись, Дик! Вернись, Дик!..» И Дик вернулся.

Однажды хозяин велел всем слугам собраться в зале, где их ждал капитан. Он стал раздавать все, что ему удалось выменять на их вещи. Дику капитан вручил... ларец, наполненный драгоценными камнями и золотом. «За кота?!.» И вот что рассказал капитан изумленным людям.

Когда их корабль достиг наконец самого дальнего острова и пристал к берегу, капитан отправился во дворец представиться королю этого государства и предложить привезенные на обмен товары. Король был рад гостю и устроил в его честь пышный обед. Однако, как только слуги поставили перед гостями роскошные блюда, сотни крыс набросились на стол и в одну минуту все уничтожили. Капитан пришел в ужас, а король был в отчаянии.

— Они сожрут скоро всех нас...

— Но почему же вы не заведете кошку? — удивился капитан.

Оказалось, что на этом острове никто и не слышал о существовании такого зверя. С корабля немедленно принесли кота, и тот очень бы-

Бедгелерт
«Могила Г[illegible]

Кот Уиттингтона

Петух в Габрове

[illegible] расправился с полчищем крыс. Восхищенный король умолил капитана за любые сокровища продать ему кота и, не торгуясь, скупил весь привезенный товар.

Так Дик в одну секунду стал богатейшим человеком в Лондоне.

Вот что вам поведает экскурсовод у памятника коту на Хайгетском холме. Трудно определить здесь границу между вымыслом и реальностью. Однако твердо установлено, что Ричард (Дик) Уиттингтон трижды избирался мэром Лондона. Известно и то, что женился он на горячо любимой им Алисе — дочери своего бывшего хозяина, компаньоном которого стал после столь удачного обмена кота на драгоценности. Уиттингтон умер в 1432 году и похоронен вместе с женой в склепе церкви Св. Михаила Патерностера. Его статуя с котом, установленная в нише ворот, погибла вместе с церковью во время большого лондонского пожара 1666 года.

И представьте себе, через 300 лет, в 1964 году, по инициативе известного детского писателя Дональда Биссета и на его средства был установлен памятник коту (авторы Д. Пенворти и Т. Саутуэлл) на Хайгетском холме, где когда-то стоял крест, — ведь именно там спал мальчик Дик, уйдя из дома хозяина.

Другая история переносит нас в еще более древние времена, к трагическим событиям, разыгравшимся в XIII веке на юго-западе Англии, в Уэлсе, где жил в своем замке веселый принц Люэллин. Страстный охотник, он души не чаял в Гелерте, своем верном псе. Но, вероятно, не меньше Гелерта принц любил своего наследника — малютку сына.

И вот однажды, когда принц собрался на охоту, оказалось, уж не знаю почему, что малютку не с кем оставить. И тогда принц приказал своему сильному, преданному другу лечь около кроватки спящего сына и охранять его. Не могло быть защиты надежнее Гелерта, и отец был вполне уверен в безопасности своего малютки.

Охота продолжалась несколько часов, затравили не одного волка, однако самый опасный ушел, и охотники упрекали принца за то, что не взял он Гелерта. Уж тот не упустил бы вожака.

Раздосадованный неудачей, усталый Люэллин вернулся в замок. Навстречу ему с радостным лаем выбежал Гелерт. Но что это? Морда пса вся была в крови. Ничего еще не понимая, охваченный тревогой, принц бросился в покои сына и в ужасе замер: опрокинутая кроватка была пуста, и на полу темнела лужа крови. Бешенство залило мозг отца. Он выхватил меч и с яростью вонзил его прямо в сердце любимого друга.

Предсмертный хрип пса раздался одновременно с криком ребенка — невредимый, тот лежал за кроваткой, а рядом, с разодранным горлом, лежал огромный матерый волк. Только тут понял человек, что он натворил...

Говорят, что Люэллин до конца дней своих никогда больше не улыбался. Своего верного друга он похоронил в долине и поставил на его могиле надгробие. Место это с тех пор стало называться Бедгелерт, что значит «Могила Гелерта».

ВДИГАЙТЕ СА, ХОРА!

Воспользуемся сказочной возможностью, таящейся в любой книге, и перенесемся через пролив Па-де-Кале, отделяющий Британские острова от Европейского материка. Наше повествование продолжим в Болгарии, в Габрове — городе, снискавшем славу самого веселого и остроумного города планеты.

Как удалось народу сохранить такую неуемную жизнерадостность, прожив под турецким игом без малого 500 лет? Ни насилия, ни запрет на родной язык — ничто не лишило этот удивительный народ жизнелюбия и не убило в нем таланта.

Только в 1835 году в Габрове удалось открыть первую школу, в которой ребят учили читать на болгарском языке. Это, казалось бы, малозаметное событие было результатом огромной, настойчивой работы болгарских просветителей. В жизни народа оно стало началом пути к пробуждению, к развитию его творческих сил.

Прошло еще больше ста лет, прежде чем болгарский народ сбро-

гнет монархо-фашистского режима. И вот тогда ярким пламенем вспыхнули угли народного творчества, тлевшие под гнетом османского ига.

Габровцы решили в честь пробуждения народа воздвигнуть памятник, но обязательно по-габровски, с выдумкой, с юмором.

Во всем мире на заре начинается перекличка петухов. Они первые встречают и приветствуют рассвет. Исчезает тьма, а с ней и вся нечисть — черти, ведьмы, зло... С пением петухов просыпаются люди, начинается новый день. Вот и решили габровцы поставить на высоком холме своего города памятник петуху.

Стоит огромный каменный петух над Габровом и напоминает болгарам: «Вдигайте са, хора!*» — Новый день наступил! Просыпайтесь! Дел много!

А болгарские мамы будят своих малышей, указывая на петуха, и говорят... А вот как они говорят, я — по правде сказать — не знаю. Ведь в разных странах мамы по-разному передают пение петуха. Французские мамы утверждают, что петух поет «ко-ко-ри-ко!». Немецкие — «ки-ки-ре-ки!». Наши, русские, мамы — «ку-ка-ре-ку!», а английские (даже непонятно, как это они такое слышат) — «кок-э-дудль-ду!».

* Вставайте, люди! (Болг.)

Но наверняка габровские мамы рассказывают своим ребятишкам о том, что тот петушок разбудил болгарский народ и созвал его в первую школу, где ребят стали впервые обучать на родном болгарском языке. В переводе на русский язык это звучит несколько лаконичнее:

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно...

Так в Габрове, на площади Георгия Димитрова перед зданием новой школы «Ран Василек» появился в 1971 году памятник петуху. Его автор — софийский скульптор И. Кадийский.

НЕТ ЦИРКА БЕЗ ЖИВОТНЫХ!

Разве найдется кто-нибудь, кто не любит цирк? Сколько радости, веселья получают и взрослые и дети от цирковых представлений. Нарядно, празднично! Сила, ловкость и смелость артистов неизменно покоряют зрителей.

И как просто выглядит каждый трюк... Кажется, пошел бы на арену и у меня получилось бы так же! Сколько ребят, придя домой из цирка, пробуют заставить свою собаку перепрыгнуть через палочку, но ничего не получается. «Неужели моя собака глупее цирковых? Почему там, в цирке, такие же собаки и в футбол играют и на задних лапах танцуют? Что, они умнее моей, что ли?» — так обычно думают все «домашние» дрессировщики. Так думал и я в раннем детстве, когда, влюбленный в цирк, пробовал дрессировать своего кота и, разочарованный неудачами, сменил амплуа дрессировщика на жонглера, пытаясь бросать три шарика...

Я еще не знал тогда, что номер, который длится 10—15 минут, артист готовит месяцами долгой, упорной работы. Что же касается номеров с дрессированными животными, то подготовка их требует не только времени, но и невероятного терпения и, конечно, огромной любви к животному. А сколько смелости и мужества нужно для укрощения диких животных-хищников — львов, тигров, пантер! Какая опасность ожидает укротителя, когда он входит в клетку... Вероятно, нет такого укротителя, который не побывал бы в больнице после «ласки» дикого зверя. Ежедневные и многочасовые репетиции постепенно делают дрессировщика и его воспитанника друзьями надолго, чаще всего — на всю жизнь.

Таким другом своих животных был знаменитый русский артист цирка В. Дуров. Он выходил на арену в костюме клоуна, и его животные — петух и коза, крысы и кошки, морские львы и собаки, барсуки и обезьянки — разыгрывали веселые сцены. Зрителям всегда казалось, что все животные исполняли свою роль с большой охотой, с видимым удовольствием. Пожалуй, это так и было, ибо метод дрессировки животных Дуровым назывался «безболевым»: животные не боялись артиста и выполняли с охотой все то, что поощрялось «вкусностью» из рук их друга-воспитателя.

Дуров прекрасно знал психологию животного и сознательно использо-

вал его привычки и способности. Например, известно, что морской лев, прежде чем полакомиться рыбкой, подбрасывает и ловит ее. Дуров давал льву большой красивый мяч, который тот подбрасывал и ловил на

Памятник-надгробье В. Л. Дурова на Новодевичьем кладбище в Москве

В. Л. Дуров с обезьянкой

Памятник-надгробье В. Ж. Труцци на Волковом кладбище в Ленинграде

[illegible] носа. За успешно исполненный трюк лев получал рыбку. Обратил внимание Дуров и на то, что енот, сидя на задних лапках, смешно перебирает передними лапками корешки растений, личинки. Он научил его перебирать в лохани разные тряпочки, а артист объявлял зрителям, что у зверька сегодня большая стирка!..

На одной из иллюстрированных открыток В. Л. Дуров запечатлен с обезьянкой на плече.

Когда Владимира Леонидовича не стало (он скончался в 1934 году), было решено, что в композицию памятника великому артисту цирка обязательно должны быть включены животные, с которыми он работал. Скульптор И. Д. Шадр, взяв за основу фотографию Дурова с обезьянкой, создал памятник, который и был установлен на Новодевичьем кладбище в Москве. Так была увековечена память о дружбе замечательного русского артиста цирка с животными, с которыми он работал всю жизнь.

Гуманный метод дрессировки используют и продолжатели его дела в Театре зверей имени Дурова в Москве.

* * *

Семья династии цирковых артистов Труцци, переезжая из страны в страну, из города в город, волею судеб оказалась в Полтаве. Здесь в 1889 году родился мальчик, которого назвали Вильямсом.

Мальчик с итальянской фамилией Труцци стал русским артистом, сыгравшим заметную роль в истории советского цирка.

Вся жизнь его связана с цирком, точнее — с конным цирком. С десяти лет он уже участвовал в конных представлениях. Несколько раз падал со скачущего коня, разбивался, лежал в больнице, но снова и снова возвращался к своим любимцам коням, к своему любимому делу.

К началу Октябрьской революции Труцци с остатком своей конюшни оказался на юге России. Он был мобилизован в Красную Армию и как знаток лошадей направлен в кавалерию. После первой мировой войны цирковое искусство в нашей стране почти прекратило свое существование. Многие артисты погибли, не стало и лошадей. Уцелевшие труппы рассеялись по стране.

И все же в Москве в конце 1918 года стали собираться артисты эстрады, тяготевшие к цирку. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, понимавший важность этого искусства, организовал при театральном отделе наркомата секцию цирка. Существовавшие до революции в Москве два цирка были национализированы, и в 1921 году В. Ж. Труцци распоряжением Наркомпроса был назначен заведующим художественной частью московских цирков.

Так после четырехлетнего перерыва Труцци снова вернулся к любимой работе. Блестящий дрессировщик, великолепный наездник, артист огромного личного обаяния (его называли «красавцем конного цирка»), он целиком погружается в работу. Уже в 1925 году Труцци подготовил обширный репертуар и смог гастролировать за рубежом.

В 1929 году Труцци поставил пантомиму «Махновщина». Во время репетиции он простудился, получил очень опасное осложнение на легкие. В октябре 1931 года артист скончался в Ленинграде и был похоронен на Волковом кладбище. И так же, как В. Л. Дурова, авторами памятника решено было не разлу-

чать его с животными, с которыми он работал всю свою творческую жизнь. Поэтому в композиции памятника русскому артисту с итальянской фамилией Труцци включена фигура коня. Артист изображен сидящим на коне — в таком виде он блестяще участвовал в пантомиме «Карнавал в Гренаде» (скульптор Е. В. Пуцилло).

НА ПЬЕДЕСТАЛЕ — ЗМЕИ

В книге польского путешественника А. Фидлера описан такой эпизод: «Мы слышим, как Педро в панике бежит к воде. С позеленевшим от страха лицом он выскакивает из зарослей, прыгает в лодку, резко сталкивает ее с отмели и кричит:

— Чушупи! Она гонится за мной!

За спиной у него слышится какой-то шорох и треск, ветки на земле шевелятся. Змея. Она мелькает в траве, делая большие пружинистые скачки, словно продолжая преследовать Педро. Я узнаю ее по расцветке: это чушупи, светло-коричневый ужас укаяльских лесов, очень ядовитая змея...»

Люди прекрасно знают, что встреча с ядовитой змеей не сулит ничего приятного. А сколько их — змеек, змей и змеищ существует на земле! Эфа, гюрза, кобра, гремучие разных видов, щитомордник, гадюка... Гадюка, гад — так в русском языке называют неприятное, ползущее или прыгающее, шипящее существо. Вот почему зло у разных народов часто представляется в образе змеи (в русской сказке — «Змей Горыныч», в песне — «подколодная змея», в поговорке — «согрел змею у себя на груди»). Да и не только в народном творчестве, но и в искусстве «зло», «враг» предстают в образе змеи.

Во Франции, в городе Лилле есть памятник, в котором огромная змея придавлена к его основанию большим щитом. (К этому сюжету мы еще вернемся в главе «Голубю-солдату».) Змея здесь символизирует прусские войска, вторгшиеся в 1871 году во Францию, а щит у ног фигуры женщины олицетворяет защищающуюся от «гада» Францию.

В Ленинграде на памятнике Петру I конь своим копытом придавил к скале огромную змею — «зло», то есть все то, что мешало Петру осуществлять его прогрессивные, патриотические замыслы.

В одном из залов Государственного Русского музея в Ленинграде можно увидеть картину художника Ф. А. Бруни «Медный Змий». Это огромное полотно создано в 1841 году. В левой части мы видим колонну, на которой водружена металлическая змея. Вокруг колонны — толпы людей, их лица выражают ужас, страх перед жалящими их змеями.

Так художник изобразил эпизод из библейского сказания. «...За ропот Бог послал на народ ядовитых змей, от которых люди заболевали и гибли. Раскаявшись, они пришли к Моисею с просьбой помолиться за них Богу и спасти от змей. Господь ответил Моисею: «Сделай себе змея и выставь его на знамени, и ужаленный, взглянув на него, останется жив...»

Остановиться на этом эпизоде сто-

[illegible], что, по мнению исследователей, событие это трехтысячелетней давности. Как видно, уже тогда существовало на земле скульптурное изображение змеи не как символа зла, а как символа здоровья. А еще через несколько столетий у древних греков в сонме богов появился бог врачевания — Асклепий. Его изображали опирающимся на посох, вокруг которого обвивается змея. Так в дело здравоохранения «вползла» змея — и не как зло, а как добро.

Но и это еще не все. У Асклепия была дочь Гигиея (от ее имени произошло слово гигиена). Ее изображали в виде молодой женщины со змеей, которая тянется к чаше в руках богини.

Существует широко распространенная трактовка образа змеи, тянущейся к чаше: змея ползет к чаше, чтобы излить в нее капельку целительного яда. Такая трактовка существует и в наши дни, когда мы уже знаем целительные свойства змеиного яда.

В грандиозной битве под стенами Трои участвовали два сына Асклепия — Махаон и Подалир. Они представляли медицину в войсках ахейцев. В «Илиаде» Гомера нет ни одного упоминания об употреблении змеиного яда.

Как же следует понимать символы медицины — змею и чашу, — которые пришли к нам из античных времен, когда людям еще не было известно целебное применение змеиного яда?

Современные исследователи в области истории медицины и медицинской эмблемы в частности, склонны рассматривать змею и чашу так: змея, обвивающая посох Асклепия, — это не ядовитый уж (нам известен уж, который называется

асклепиев уж), символизирует она мудрость, знание и бессмертие.

Ну, а чаша? Один из первых советских историков медицины Ф. Р. Бородулин говорит так: «Мы склонны рассматривать эту эмблему как напоминание врачу о необходимости быть мудрым, а мудрость черпать из чаши познания природы».

Медицина открыла целебные свойства змеиного яда. Для изготовления лечебного препарата змею надо прежде всего изловить. Это могут сделать только смелые, опытные люди. И такие люди есть. Но сколько же змей нужно отловить, чтобы удовлетворить потребность в лекарстве? Это — целая проблема. Ведь змея за один укус может дать одну капельку яда, а потребность в нем огромная.

В местах, где водятся пригодные для медицины ядовитые змеи (Средняя Азия, Индия, Бразилия и др.), организованы специально оборудованные змеиные питомники. Там содержат отловленных змей; кормят их, периодически «доят», то есть отбирают у них очередную порцию яда, дают отдохнуть и накопить следующую порцию.

В таком питомнике (он называется серпентарием) содержатся тысячи различных змей, от которых тысячи и тысячи людей ждут спасительного лекарства от самых разных болезней. Вот почему люди выражают свою благодарность змеям, устанавливая монументы, в которых змеи тянутся к чаше. Такой монумент стоит в Ленинграде, в начале проспекта Карла Маркса. На постаменте установлена статуя сидящей богини Гигиеи, ее левая рука с чашей протянута вперед, а по руке, обвивая ее, ползет к чаше змейка (скульптор Д. И. Иенсен).

Другая скульптура, также в Ленинграде, установлена на одном из главных проспектов города — Литейном, у больницы им. Куйбышева (скульптор Н. Ф. Вальтман). На пьедестале — огромная чаша. Обвивая ножку чаши, змея тянется к краю ее. Памятник этот напоминает врачам: будьте мудры при врачевании!

ВЕРНУВШИЕСЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Летом 1977 года ученые всего мира, занимающиеся поисками и исследованием ископаемых животных, были взволнованы известием из Магаданской области...

Бульдозерист Логачев, вскрывая замерзший грунт, наткнулся на нечто, покрытое шерстью. Работу остановили, вызвали ученых, те осторожно размыли слой оледеневшей почвы и извлекли... тело мамонтенка. Видимо, на этом месте он и попал когда-то в беду: то ли провалился в яму, то ли завяз в жидкой глине и не смог выбраться. Случилось это, как определили специалисты, несколько десятков тысяч лет назад.

Останки мамонтов встречались и раньше. Почему же палеонтологи всего мира так заинтересовались находкой? Дело в том, что впервые был найден «законсервированный» в холодильнике вечной мерзлоты совершенно целый детеныш мамонта. Эта находка открыла ученым возможность не только детально изу-

Э. Фальконе. «Медный всадник».
Ленинград

Ф. А. Бруни. «Медный змий».
Гос. Русский музей

Гигиея со змеей. Ленинград

В назидание медикам! Чаша со змеей

чить ткани и содержание внутренних органов животного, но и узнать условия, в которых он жил.

Мамонтенка назвали Димой (по названию ручья, близ которого он обнаружен), теперь он находится в Зоологическом институте Академии наук СССР в Ленинграде по соседству со своим родственником — мамонтом, найденным в подмытом обрыве реки Березовки в 1901 году.

Якутский институт мерзлотоведения Сибирского отделения Академии наук СССР установил перед своим зданием памятник — скульптуру мамонта. Напоминая о пришельце из прошлого, он зовет ученых к раскрытию новых тайн вечной мерзлоты.

Любопытный памятник воздвигнут в 1841 году у села Кулешовка на Украине (Сумская область). Он представляет собой двухъярусный четырехгранный обелиск. На его

гранях начертан текст. Читаем одну из надписей: «На сем месте в 1839 году отрыт остов предпотопного мамонта».

Известно, что мамонты жили на планете в последний миллион лет, на этих гигантов охотились первобытные люди. Но есть на земле следы жизни, существовавшей 100—170 миллионов лет тому назад! Так, в Баварии, в отложениях юрских сланцев были найдены два отпечатка первоптиц. Их назвали археоптериксами, от греческих слов «архайос» — древний и «птерикс» — крыло. Первоптица еще обладала признаками пресмыкающегося (клюв был полон зубов, на передних конечностях сохранились когти), и в то же время она уже имела перья на крыльях и на хвосте, однако летала плоховато — планировала с высоких скал или с верхушек деревьев.

Как же дошли до нас останки археоптерикса? Можно предположить, что два таких существа, планируя, упали в море, пошли ко дну и их занесло там илом. Наносов становилось со временем все больше и больше, увеличивалось давление, благодаря которому в осадочных породах великолепно отпечатались мельчайшие детали строения перьев. Так спрессованные останки дошли до наших дней. Один из отпечатков археоптерикса был приобретен и увезен в Англию, где хранится в Лондонском музее. Другой экспонируется в Берлинском музее. А там, где были обнаружены археоптериксы, воздвигнут памятник. Надпись на нем гласит: «Место, где найден археоптерикс». На высоком каменном постаменте вы видите огромную спираль моллюска аммонита, существовавшего одновременно с археоптериксом. В центре спирали — отпечаток первоптицы.

В разное время и в разных местах планеты ученые находили отдельные кости и даже целые скелеты огромных животных, живших когда-то на суше и в воде. Ученым удалось воссоздать облик этих чудовищ, получивших название динозавры (от греческих слов «дейнос» — ужасный и «заурус» — ящер). Как же они выглядели в натуре? Ответить на этот вопрос помогли ваятели. Одним из них был американец К. Белл. Он решил создать «портрет» диплодока. Высота этого гиганта около 12, а длина от головы до кончика хвоста — 27 метров. Одиннадцать лет работал скульптор в Калифорнийской пустыне, неподалеку от города Палм Спрингс, пока не создал своего железобетонного монстра. К удовольствию городских властей сооружение привлекло множество туристов.

На земле стали появляться целые «города» и парки динозавров. Это большие территории, где на открытом воздухе среди специально подобранной флоры пасутся, купаются разные ископаемые чудовища.

В Италии, близ города Верона, существует такой Парк динозавров, который начал работать в 1976 году. Его архитектор А. Авезани ошибочно утверждает, что этот Парк — единственный в Европе. На территории зоопарка в Сан-Врэне, близ Парижа, также «поселились» доисторические животные из синтетических материалов. В Польше, в зоопарке города Шленска, тоже создают городок динозавров, в котором будут «жить» 15 крупных и 16 мелких ископаемых животных.

В США (штат Юта) в небольшом городке Вернале создан аналогичный Парк динозавров. Интересно, что он расположен недалеко от раскопок костей этих гигантов.

Обелиск в Кулешовке

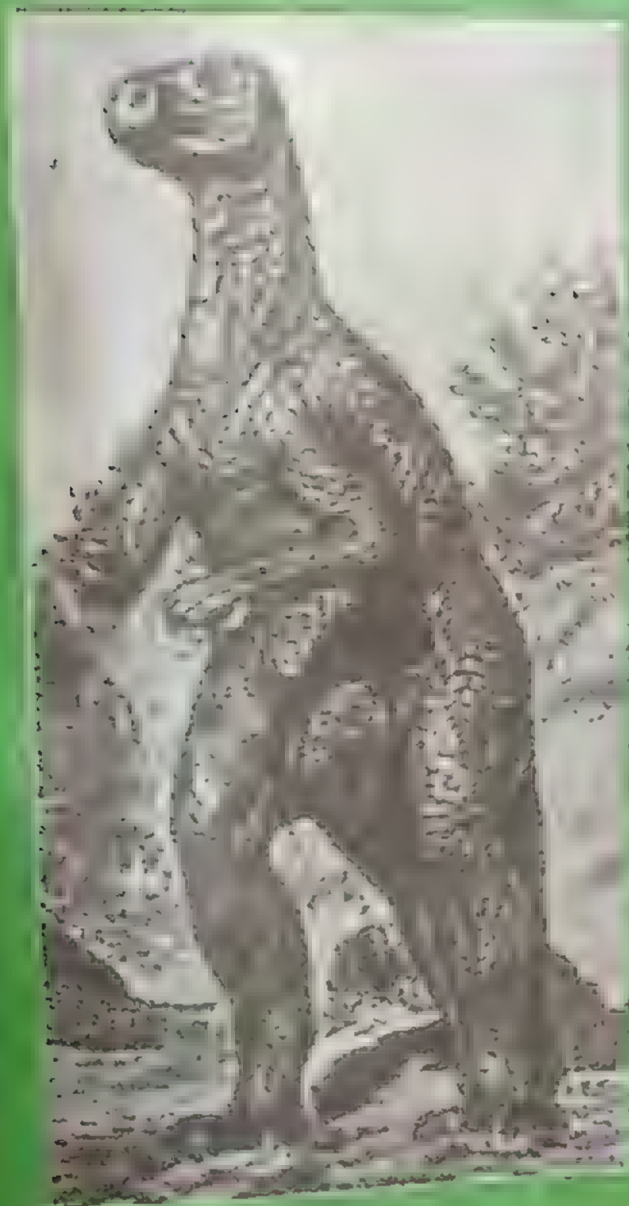
Мамонт в Якутске

Археоптерикс

Динозавр в Калифорнии

Полюбуйтесь, какие чудовища населяли планету, когда нас еще не было

В парке железобетонных динозавров

О китах и китёнышах

О дружбе дельфинов с людьми повествовали еще античные авторы. Сохранился рассказ о мальчике, приручившем дельфина. По утрам мальчик подзывал дельфина к берегу окликом «Симо! Симо!». Угостив дельфина хлебом, мальчик садился на его спину и отправлялся через залив в школу. Точно так же дельфин отвозил мальчика домой.

Другой автор приводит рассказ о такой же дружбе мальчика с дельфином, который катал его на спине. Однажды, попав в шторм, мальчик захлебнулся, и дельфин принес на берег мертвого друга. Дельфин в море не вернулся и умер на суше.

Возможно, что это событие вдохновило итальянского скульптора XVI века Лоренцо Лоренцетти на создание мраморной скульптуры «Мальчик на дельфине», хранящейся в Эрмитаже. Конечно, это не памятник в строгом понимании, однако работа итальянского мастера — свидетельство взаимоотношений человека и дельфина в давние времена.

А уже в нашем веке дружба дельфина с людьми была отмечена, так сказать, юридически. 26 сентября 1904 года губернатор Новой Зеландии принял закон об охране дельфина по кличке Пелорус-Джек. Этот

[illegible] в течение 24 лет сопровождал суда, проходившие по сложному фарватеру пролива Пелорус между Веллингтоном и Нельсоном. Туристы специально приезжали сюда, чтобы увидеть знаменитое животное. Последний раз его видели в конце 1912 года. Еще долго после этого школьники Новой Зеландии распевали «Песню о Пелорус-Джеке» и ели шоколад в форме дельфина.

Позднее, в середине пятидесятых годов, другой дельфин стал не менее знаменит, чем его предшественник. Объявился он в гавани Хакьянга-Харбор у рыбацкого поселка Опонони (северный остров архипелага Новой Зеландии). В то время это был небольшой поселок с почтовым отделением, бакалейной лавкой и несколькими десятками домов. Жили здесь главным образом аборигены — маори.

В 1955 году рыбаки обратили внимание на дельфина: он подплывал к лодкам, сновал вокруг, подставлял спину, чтобы ему почесали ее веслом. Это ему очень нравилось, он провожал рыбаков до самого берега и так привык к людям, что стоило завести мотор лодки, как он тотчас приплывал.

Дельфина стали звать Опо-Джек. Особенно он любил играть с детьми в прибрежной полосе. Ребята становились в круг. Опо заплывал в середину и подкидывал в воздух яркий мяч, который ему бросали ребята. Он подружился с тринадцатилетней Джил Бейкер, катал ее на спине. Если он не видел Джил среди ребят, Опо не успокаивался, пока не находил ее.

Л. Лоренцетти. «Мальчик на дельфине». Гос. Эрмитаж

Опо-Джеку. Памятник в Опонони

Киту и китобоям

Прослышав про Опо, в поселок хлынули туристы, а с ними и предприниматели. Здесь построили отель, кемпинги, бары, палаточные городки. С дельфином играли и взрослые. Они кидали ему мячи, бутылки — он их ловил и выбрасывал обратно.

Был организован комитет по охране Опо-Джека. По примеру с Пелорус-Джеком губернатор Новой Зеландии издал закон об охране жизни Опо. Это было 8 марта 1956 года, а на следующий день Опо не появился у берегов Опонони. Его нашли мертвым на скалах. Никто не мог объяснить причину гибели Опо-Джека. Возможно, что он попал под винт катера...

Все горевали о погибшем, особенно дети. Опо похоронили в поселке. Губернатор прислал телеграмму с соболезнованием. 10 марта спортивная команда девочек вышла на соревнование с траурными повязками на руках. Было решено увековечить дружбу дельфина с детьми. Скульптуру заказали К. Расселу.

Вскоре на берегу Хакьянга-Харбор, в поселке Опонони, перед отелем на высоком постаменте была установлена скульптура: по волнам плывет дельфин, за которого держится мальчик. Так на нашей планете появился памятник, рассказывающий о дружбе дельфина с людьми.

А теперь вспомним строки из сказки П. П. Ершова:

Вот въезжают на поляну
Прямо к морю-океяну,
Поперек его лежит
Чудо-юдо рыба-кит.

Тут уместно напомнить, что кит — это не рыба, а млекопитающее, как и его сородич дельфин. Но если дельфины имеют длину до нескольких метров, то синие киты, например, достигают в длину почти 30 метров и 150 тонн.

Еще в древние времена люди придумали челнок, лодку, а затем и гарпун; стали выходить в море и охотиться на китов.

В Норвегии, в Сандефиорде, скульптор К. Стиин создал памятник киту и китобоям. Если бы он решил изобразить 30-метрового гиганта, так сказать, во весь рост, представляете, какой огромный монумент получился бы! Но художник нашел остроумный выход: он выбрал тот момент охоты, когда кит погрузился в воду и только один хвостовой плавник еще виден над водой. Хвост кита вздыбил лодку с китобоями. Гарпунер стоит на носу с гарпуном в руке, готовый метнуть его, как только кит снова появится на поверхности...

Такой способ охоты продолжался до начала XIX века, когда китобой Скорби изобрел гарпунную пушку. Это было еще примитивное устройство, выбрасывающее с большой силой все тот же гарпун. А в 1864 году появилось усовершенствованное (если так можно говорить о способах истребления животных) орудие. Его сконструировал норвежец С. Фойн: гарпун был оснащен специальной гранатой, которая взрывалась в теле кита.

Добыча китов приняла громадные размеры.

Канадский писатель Ф. Моуэт приводит цифру — 800 тысяч китов ежегодно добывалось в первую треть нашего века. Возникла угроза полного истребления синих китов и финвалов. Чтобы этого не произошло, впоследствии был принят ряд международных конвенций. Отношение к китам стало меняться. (Когда эта книга готовилась к печати, в газете «Труд» от 9 июля 1989 года

появилась любопытная заметка корреспондента из Владивостока Ю. Юдина «Дружба и три кита»:

«Необычный памятник открыт во Владивостоке. Скульптура из дерева изображает трех серых китов, выпрыгивающих изо льда. Внизу — табличка: «Дар от американского народа советским людям»...

Рассказывает автор памятника, скульптор Джери Фейбер, прибывший во Владивосток из штата Миннесота:

— В октябре прошлого года я, как и многие другие американцы, узнал о том, что у берегов Аляски попали в ледовую западню три калифорнийских кита. Тогда на помощь местным жителям, спасавшим животных, пришли экипажи двух советских судов — ледокола «Адмирал Макаров» и теплохода «Владимир Арсеньев». Они пробили дорогу во льдах и спасли китов от неминуемой гибели... И вот ко мне приехал акционер из Чикаго Тимоти Дагген, предложил прекрасную идею — сделать памятник китам и установить его во Владивостоке. Как дар вашим морякам и всему русскому народу. Я сразу же согласился. Ведь это была прекрасная возможность показать русским, что мы, американцы, искренне ценим добрые поступки.

— Сколько времени продолжалась работа над памятником?

— Около пяти месяцев. Совершенно безвозмездно мне помогали сотни жителей нашего небольшого городка Уолкер.

Власти даже разрешили срубить для скульптуры 300-летний вяз в национальном парке. Жители штата собрали деньги по подписке, чтобы четырехметровую скульптуру доставить от моего дома в порт Ванкувер. Там ее погрузили на советское судно «Братск» и привезли сюда, во Владивосток. Я назвал этот памятник так: «Дружба, доверие, мир». — От редакции.) Так любовь к природе объединяет народы.

ГЛАВА III
МОХНАТЫМ, ПЕРНАТЫМ И ВООБЩЕ КРЫЛАТЫМ

ПАМЯТНИК... ВРЕДИТЕЛЮ

Люди создали памятники не только собакам, котам и китам, но, представьте себе, даже насекомым. И самый удивительный среди них — это, пожалуй, памятник долгоносику. Да-да, тому самому, вредителю! По-латыни, кстати, он именуется «антономус грандис», а у нас его называют хлопковым долгоносиком. Величина этого «грандиса» всего 4—5 миллиметров, а бед он может натворить...

Дело было в одном из округов штата Алабама, в Америке. Из года в год здешние фермеры возделывали хлопок, собирали неплохие урожаи и ничего другого сеять не желали.

И вот в 1915 году случилось неожиданное. Хотя сев и уход за растениями провели как положено, удалось собрать только 60 процентов ожидаемого урожая. Выяснилось, что виновник убытков — антономус грандис.

Конечно, фермеры Алабамы применяли все меры для уничтожения вредителя. Но следующей осенью разразилась катастрофа: собрали меньше трети обычного урожая. В подобном положении оказались и соседние штаты — Техас, Луизиана, Джорджия. Люди были на грани полного разорения. Что-то нужно было предпринимать. Но что?

Сейчас трудно сказать, кто подал эту совсем простую мысль:

— Долгоносик любит хлопок? Так не будем сеять хлопок! Обманем долгоносика: попробуем посадить то, чего никогда раньше не сажали, оставим его без пищи.

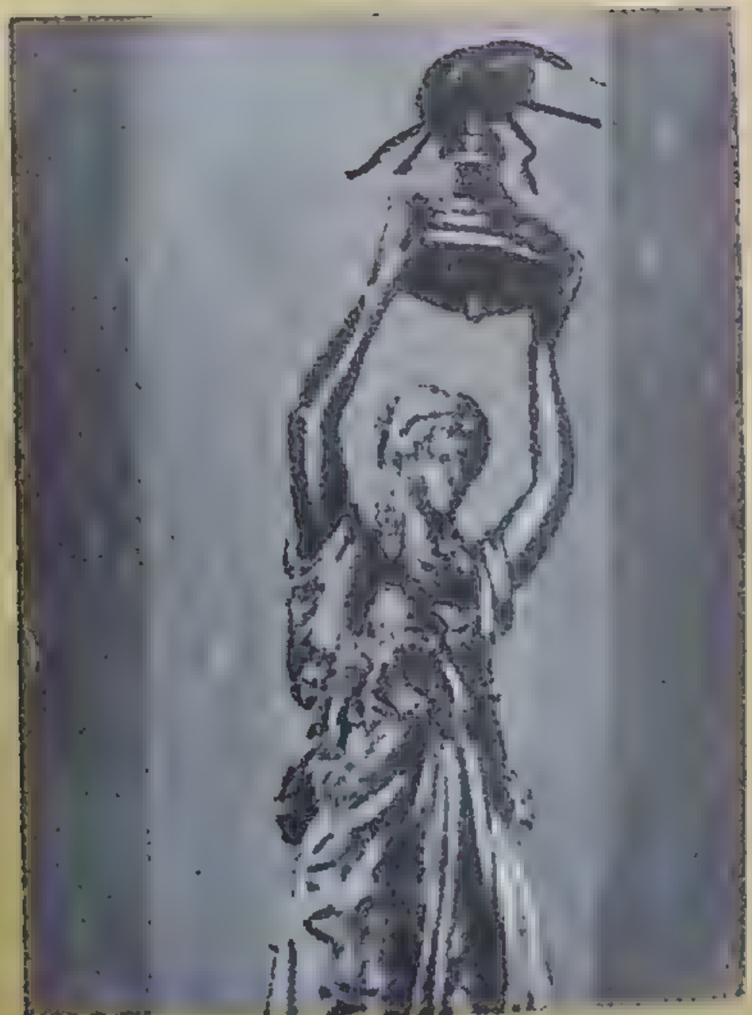
Решено было посадить земляной орех. С тревогой все стали ожидать осени.

И вот наступила пора уборки. Урожай оказался на редкость обильным. Фермеры сразу поправили свои дела.

В декабре 1919 года на площади города Энтерпрайз собрались фермеры и горожане. На высоком поста-

Памятник долгоносику

Фрагмент памятника

[illegible] возвышалась закутанная в белую ткань фигура. Идея создания памятника-фонтана возникла у Флеминга — одного из членов совета города. Фермеры охотно поддержали его и собрали необходимую сумму для создания монумента. И хотя многие жители соседних штатов усматривали в этой идее долю юмора, фермеры Алабамы отнеслись к ней вполне серьезно и искренне. Шутки шутками, но ведь и доныне земляной орех (арахис) — важная статья дохода в Алабаме.

Когда с памятника соскользнула ткань и взметнулись струи фонтанов, перед взорами собравшихся предстала прекрасная статуя богини плодородия Цереры, в ее высоко поднятых руках — большая чаша и на ней — огромный, во много раз увеличенный бронзовый долгоносик. На цоколе надпись: «В знак глубокой признательности долгоносику за указанный путь к благополучию воздвигнут этот памятник гражданами города Энтерпрайз, Коффи район. Алабама».

„Жив, курилка!"

Спустя тридцать лет после того, как Джеймс Кук на корабле «Индевор» высадился на восточном берегу «Терра Аустралия инкогнита» и водрузил британский флаг, сюда прибыли английские ученые. Они обнаружили здесь фауну, неведомую ни Европе, ни Азии, ни Америке. Тогда-то мир узнал о таких животных, как кенгуру, коала, утконос, киви-киви и других.

В сороковых годах прошлого века британские натуралисты Д. Джильберт и Д. Драмонд, обследуя огромную территорию кустарниковых дебрей, услышали звонкое, пронзительное пение и увидели незнакомую птицу. Ее назвали скраббёд. По-английски это значит кустарниковая птица.

1899 год стал для этой певуньи роковым, ее звонкое пение с приходом белых людей прекратилось.

Велико было огорчение орнитологов, но большинство ученых утверждало, что пожары в зарослях кустарников истребили весь вид этой птицы.

Спустя много десятков лет в долине Дрейксбрук (Западная Австралия) была установлена бронзовая мемориальная доска, на которой изображена сидящая на ветке скраббёд. Читаем надпись: «В этой долине Дрейксбрук 3 ноября 1842 года Джон Джильберт, орнитолог Западной Австралии и Джеймс Драмонд — ботаник, во время путешествия от Перта до Огасты, неподалеку от этого места обнаружили неизвестный до сих пор в Западной Австралии вид птицы — Атрихорнис клямосус — сладкоголосую птицу, ютящуюся в кустарниковых зарослях, которую с тех пор встречали крайне редко.

Это посвящение установлено Королевским австралийским Союзом орнитологов и западноавстралийским Обществом историков. 12 сентября 1948 г.».

Такое посвящение ставило «точку» на истории этого вида австралий-

ской птицы. Прошло еще тринадцать лет, подтвердивших мнение орнитологов об исчезновении этой птицы.

Но вдруг совершенно неожиданно в конце 1961 года школьный учитель Х. Вебстер обнаружил в кустарниковых дебрях живую птицу-певунью!

Эта весть вызвала ликование всех орнитологов мира. Птица, которую считали вымершей, жива! Необходимо было принять все меры для ее охраны. И австралийские власти с похвальной оперативностью объявили большую территорию кустарниковых зарослей, где гнездились эти птицы, государственным заповедником.

Отныне рядом с эпитафией, со скорбью возвещающей об исчезновении вида, расположен заповедник — место жизни почти исчезнувших птиц.

Чайки на шаре

В американском штате Юта, в городе Солт-Лейк-Сити, и по сей день высится гранитная колонна, увенчанная большим шаром с двумя чайками на нем. А на цоколе установлены бронзовые барельефы, повествующие об истории, которая началась здесь в середине XIX века.

Как-то на гребне приозерных холмов появилась группа всадников. Это были переселенцы. Некоторые семьи со своим имуществом передвигались в крытых повозках, которые тянули быки, другие везли свой нехитрый скарб в ручных тележках...

На вершине холма все остановились, зачарованные открывшимся перед ними видом: огромное озеро расстилалось внизу, в долине, и конца его не было видно.

— Вот это место! — восторженно произнес вожак переселенцев Брайам Янг. — Лучшего мы не найдем. Здесь и остановимся.

Было это весной 1848 года у Большого Соленого Озера.

Люди немедля принялись за работу. Чтобы выжить, необходимо было посеять хлеб. Плодородные земли долины не подвели новоселов: ожидался хороший урожай. Но вот однажды с дальних полей пришло страшное известие. Тучи саранчи двигались на хлебные посевы, грозя уничтожить весь урожай. Население лагеря бросилось на борьбу со страшным врагом. Саранчу жгли, топтали, но новые и новые полчища ползли на смену уничтоженным. А тут еще откуда-то с запада появились несметные стаи чаек. С громкими криками летели они над полями, закрыв на какое-то время солнце.

— Мало саранчи, еще и птицы летят на наши поля!

Но чайки бросились не на хлеб, а на саранчу. Застыв от изумления, смотрели люди, как чайки расправлялись с грозным вредителем. Это было похоже на чудо!

Когда саранча была уничтожена, птицы улетели. И хотя много хлеба погибло, но и оставшегося хватило колонистам, чтобы прожить первую трудную зиму.

Прошло 65 лет, и благодарные жители города Солт-Лейк-Сити, который вырос здесь, установили памятник в честь чудесных помощниц. И на флаге города изображены две чайки, ставшие для этих людей символом добра и защиты.

ТРАГЕДИЯ В ВИСКОНСИНЕ

На верхнем фото справа вы видите «Мемориал странствующему голубю». Вот какой текст выбит на памятной доске: «Посвящается последнему в Висконсине странствующему голубю, застреленному в Бабкоке в сентябре 1899 года. Этот вид птицы был уничтожен вследствие жадности и бездумности человека. Воздвигнут обществом орнитологов в Висконсине».

Как могло случиться, что был убит последний голубь — последний красавец голубь?! А он действительно был красавцем: длинный хвост, горлышко и грудка кирпичного цвета, розовое брюшко, серо-голубые головка и спинка. Теперь можно увидеть его только в виде чучела.

Голуби эти жили во многих местах Америки, но весною, собравшись в стаи, они направлялись в северо-восточные штаты, в Канаду, где вили гнезда и выводили птенцов.

Бывали годы, когда в этих краях собиралось великое множество голубей. Но в 1871 году в штат Висконсин устремились целые армии пернатых. Птицы летели тучей, одна стая за другой, сливаясь в небе в огромный поток, протяженностью в несколько километров. Местные газеты печатали предупреждения о вторжении огромных стай птиц.

Опустившись на землю, голуби заняли полосу до 115 километров в длину и 30 километров в глубину. Один наблюдатель подсчитал, что на каждом из 25 деревьев в среднем было около десяти гнезд. Таким образом, на всей площади поселилось примерно 138 миллионов птиц. Автор оговорил, что цифры эти весьма относительны, так как сосчитать фактическое число птиц не представлялось возможным, были случаи, когда тонкие деревья ломались под тяжестью гнезд.

А ведь каждая гнездящаяся пара выращивала минимум одного птенца, так что к взрослым особям следует приплюсовать еще почти 70 миллионов птенцов, требующих корма. Итого двести с лишним миллионов голодных, прожорливых голубей!

Чем же они питались? Любимой их пищей были семена дуба, бука, зерна овса и пшеницы, охотно поедали ягоды, фрукты.

Налет голубей в 1871 году на посевы стал катастрофой для фермеров. Рассказывали, что голуби следовали за сеятелями и немедленно выклевывали зерна. Поле приходилось засевать снова, но повторялось та же история. Погибали и молодые всходы.

Отчаявшиеся фермеры присоединились к сотням тысяч охотников, вооруженных сетями и ловушками для ловли голубей. Заодно с ними действовали и индейцы с луками и стрелами.

Началось великое избиение голубей.

Каждый поезд привозил тысячи жаждущих принять участие в охоте. Бойко шла торговля охотничьими припасами. Стрельба начиналась рано утром и заканчивалась в сумерки, когда уже не видно было ни цели, ни собственного ружья. Впрочем, стреляли не целясь, так как птицы

Памяти звонкоголосой птицы. Австралия

Голубка Марта — последний странствующий голубь. США

Колонну венчают чайки. Солт-Лейк-Сити, США

Памятник аэронавтам и голубям в Париже

летели такой густой тучей, что от любого выстрела падало несколько убитых и подраненных птиц.

Индейцы трясли тонкие деревья, и из гнезд вываливались еще не умеющие летать птенцы. В гнезда, которые находились высоко, мальчишки стреляли тупыми стрелами, выбивая оттуда птенцов.

Перекупщики скупали дичь по одному центу за тушку, упаковывали в ящики со льдом и отправляли груз в Чикаго. На местных рынках тушки продавались по 65 центов за дюжину.

Так было весной 1871 года в американском штате Висконсин.

Но в этот год выбить всех голубей не удалось. Уничтожение их продолжалось и в последующие годы. Небольшие стайки появлялись в разных местах США, но их становилось все меньше и меньше. Члены общества орнитологов штата считают, что последний выстрел, уложивший последнего голубя, раздался в Бабкоке в сентябре 1899 года. Эта дата отлита в бронзе на мемориальной доске.

Но оставалась еще одна голубка, жившая в клетке зоопарка в Цинциннати. Ее звали Марта. У нее не было пары, и потомства она принести не могла. Здесь она закончила свой век. С нею исчез на земле этот вид голубя.

«Мемориал странствующему голубю» открыт 11 мая 1947 года в Вайялусинском государственном парке на берегу реки Висконсин у места впадения ее в Миссисипи. Этому событию общество орнитологов штата Висконсин посвятило книгу, открывающуюся такими словами:

«Эта книга посвящена памяти последнего странствующего голубя, убитого в Висконсине... Но это посвящение не этой одной птице, а всему виду. Это памятник не только погибшим птицам, но всем живущим. Любой памятник и любую книгу следует считать созданными напрасно, если они не остановят нас в нашей суетной жизни хотя бы на мгновение для размышления. Разве неправда, что за последнее столетие мы потеряли больше видов птиц, чем за любое из предыдущих? Разве неправда, что пока мы рассуждаем о сохранении видов, многие из них исчезают? Разве можно допустить, чтобы такое положение считалось неизбежным, чтобы мы оставались беспомощными наблюдателями?

Это не жест мягкосердия, навеянный потерей какого-то вида. Это призыв к сильным, которые должны бороться за право их сыновей и дочерей наследовать природные богатства — как это и должно быть. Поэтому наступило время посвятить свои силы сохранению животного мира в естественной среде — всюду, где это только возможно».

ГОЛУБЮ — СОЛДАТУ

По странному совпадению в год, когда в штате Висконсин началось «великое избиение» голубей, в Париже был установлен памятник, и именно голубям. Как же я об этом узнал?

Не припомню, когда я впервые узнал, что в Париже есть памятник животным, да не один, а несколько. Как найти данные о них? Просмотрел сотни книг, журналов, каталоги — и ничего не обнаружил. В Доме дружбы с народами зарубежных стран мне помогли связаться с Обществом «Франция — СССР».

И вот из Парижа пришел ответ: помочь в моих поисках согласилась студентка Жозэль Кей, владеющая русским языком. Сразу скажу, что это было моей большой удачей. С ее помощью я получил сведения и материалы по целому ряду памятников во Франции.

Если сегодня спросить у любого человека, символом чего является голубь, последует четкий ответ: «Символ мира». И действительно, когда в 1947 году в столице Чехословакии открывался I Всемирный фестиваль молодежи и студентов, в один из моментов праздника тысячи голубей вспорхнули над заполненными трибунами стадиона. Покружив, они разлетелись во все стороны, неся на крыльях весть об открытии фестиваля Мира.

Древний миф повествует: бог войны Марс, собираясь на битву, стал облачаться в доспехи. Когда дело дошло до шлема, оказалось, что го-

лубка успела свить в нем гнездо и вывести птенцов. Богиня любви Венера уговорила Марса не трогать голубку, и война не состоялась!

Особенно популярен голубь стал после разгрома фашизма, когда художник Пабло Пикассо, нарисовав белого голубя, подарил его молодежи как символ Мира на земле. Голубь появился на плакатах, на почтовых марках, значках; он стал эмблемой многих форумов людей, отстаивающих дело мира. Такого голубя знают на планете все.

Но мало кто знает голубя в роли... солдата-связиста. Издавна люди обращали внимание на удивительную способность голубей возвращаться в свою голубятню, как бы далеко от нее их ни увозили. Известно, что наши голуби, выпущенные в Берлине, вернулись в Москву, несмотря на бури и шторм над Европой в те майские дни 1945 года.

Люди давно стали использовать голубей в качестве почтальонов, в том числе и для военных целей. За последнее столетие голубям-воинам воздвигнуто много памятников в разных странах. За их верную, а иногда и героическую службу.

* * *

1870 год. В разгаре франко-прусская война. Наполеон III вместе со своей армией в Седане капитулировал и сдался в плен. Немецкие войска подошли к Парижу и блокировали его. Связь гарнизона Парижа с внешним миром прекратилась. Нужно помнить, что радио тогда еще не существовало. Для разведки парижане стали выпускать воздушные шары с аэронавтами и голубями. Ознакомившись с расположением вражеских войск, аэронавты посылали с голубями сведения в штаб. Известно, что парижанами было выпущено около 60 таких шаров. Нетрудно себе представить, какой хорошей мишенью были эти шары для неприятеля...

После войны в Париже на площади Мэйо был воздвигнут памятник аэронавтам, погибшим при защите города, с их голубями (скульптор-архитектор Ф. А. Бартольди). Почти 70 лет простоял этот монумент, напоминая о героях времен франко-прусской войны. Но во время оккупации города по приказу Гитлера он был снесен. Памятника нет, но Ж. Кей удалось разыскать для меня его фотографию (см. стр. 73).

Прошло почти 45 лет, и борьба за передел мира вылилась в первую мировую войну. Хотя в армии уже применяли телефон и телеграф, продолжали использовать для связи и голубей. В войсках Франции и Германии к голубям прикреплялись микрофотоаппараты для съемки вражеских позиций. Появились специальные фургоны — передвижные голубятни. А в германской армии для перехвата голубей-связистов стали дрессировать соколов.

В историю вошли ожесточеннейшие бои под Верденом. И там сыграла свою роль голубиная почта. Память о крылатых помощниках достойно увековечена в монументе, который французы воздвигли в городе Лилле. Памятник представляет собою широко раскинувшуюся стелу с высоким пьедесталом в середине (напоминает перевернутую букву «Т»). По обе стороны стелы помещены барельефы с картинами боя, среди которых — фигура солдата, выпускающего голубя. У подножия памятника, на цоколе, надпись: «Голубю-солдату».

Около полумиллиона голубей участвовали в войне 1914—1918 годов. Только американский экспедиционный корпус — участник боев в Арденнах — имел десять тысяч голубей.

Прошло еще тринадцать лет. В марте 1931 года в столице Бельгии Брюсселе состоялось грандиозное торжество по поводу открытия памятника голубям. На празднество были приглашены голубеводы Италии, Испании, Англии, Франции, Дании и других стран. После того как бургомистр Брюсселя Макс приветствовал собравшихся на площади, он предоставил слово одному из старейших и почетных гостей — героическому защитнику форта де Во полковнику Рейналу.

Вот что он рассказал: «Это было 4 июня 1916 года. Я тогда командовал гарнизоном форта де Во, расположенного на подступах к Вердену. Ко мне прибежал солдат-вестовой и доложил, что немецкие

Один из барельефов памятника в Лилле

Голубю-солдату.
Памятник в Лилле, Франция

Этот брюссельский памятник увековечил в бронзе защитников своей родины — солдат и их «однополчан» — голубей

Голуби Варшавы

войска замкнули кольцо, окружив форт. Они открыли ураганный огонь и пустили отравляющие газы. Я спросил о связи с Верденом. Ответ был неутешителен:

— Телефонная связь прервана и восстановить ее нет возможности.

— А голуби?

— Остался только один!

— Пишите донесение и отправьте с ним.

Вот его текст: «Верден. Штабу войск. Форт де Во окружен. Нас осталось 300 человек. Этот голубь — последний. Противник обстреливает нас ураганным огнем и подвергает газовой атаке. Заверяем — будем сражаться до последней возможности. Начальник гарнизона форта полковник Рейнал».

Все видели, как голубь, поднявшись в воздух, натолкнулся на клубы газового облака и вернулся к месту, откуда его выпустили. Сделав круг над боевыми товарищами, как бы прощаясь с героическим гарнизоном, он затем сильно взмахнул крыльями, преодолел газовое облако и скрылся из виду. Прошло несколько минут, и голубь, выполнив боевое задание, пал бездыханным у ног своего верденского голубевода...»

Когда раздались звуки торжественной музыки и покрывало соскользнуло с памятника, приглашенные на церемонию из разных стран выпустили множество голубей.

На большом цоколе установлена женская фигура с протянутой вперед рукой, на которой сидит голубь. Надпись на французском и фламандском языках: «Голубю-солдату», «Голубеводам Бельгии, павшим за Родину».

Так были увековечены в бронзе защитники своей родины — солдаты и их «однополчане» — голуби (скульптор Футс).

А спустя немногим больше двадцати лет после окончания первой мировой войны фашизм развязал новую, небывалую еще в истории человечества войну. Самая совершенная техника беспроволочной и проволочной связи была взята на вооружение всех стран, участвовавших в войне, но голубиная почта (казалось бы, такая примитивная) продолжала работать.

В Англии издана книга майора В. Османа «Голуби во II мировой войне». Учреждена медаль, которой награждались голуби, наиболее отличившиеся в своей службе. Многих из этих голубей сохранили в качестве музейных экспонатов.

В литературе упоминается голубка, которой в Англии установлен памятник за спасение затонувшей подводной лодки. К сожалению, эти сведения не удалось окончательно проверить.

А вот о двух памятниках голубям, связанных с событиями минувшей войны, рассказать необходимо.

Голуби Варшавы

Наступил 1944 год. Всем было ясно, что разгром гитлеровских войск близок. Сражения шли уже на территории Польши. Вместе с нашими войсками воевали части Первой армии Войска Польского. 17 января 1944 года они вступили в Варшаву. Военный совет фронта докладывал в Москву: «Фашистские варвары уничтожили столицу Польши — Варшаву... Гитлеровцы разрушали квартал за кварталом. Крупнейшие промышленные предприятия стерты с лица земли. Жилые дома взорваны или сожжены... Десятки тысяч жителей уничтожены, остальные были изгнаны. Город мертв».

Тяжелое чувство охватило воинов, вступивших в Варшаву, особенно остро это переживали польские солдаты и офицеры. Закаленные в боях, эти люди плакали, давая клятву покарать фашистов. И чем дальше в город углублялись воины, тем больше нарастал их гнев.

На сохранившемся углу здания вывеска с названием: «Улица Пивней». Табличка есть, а от домов — одни развалины... И вдруг... Что такое? Из-под развалин выбирается женщина. Трудно сказать, сколько ей лет. На ней какие-то лохмотья вместо одежды, волосы растрепанны, она вся в пыли, в грязи. Выбравшись, женщина остановилась, посмотрела вверх, протянула руку... Какие-то крошки выпали из ее ладони на землю, и сразу же невесть откуда стали слетаться к ее ногам голуби. Она кормила голубей, которые не захотели покинуть свою Варшаву. Женщина кормила голубей, хотя ей самой нечего было есть.

Бойцы были потрясены. Нет, не смогли фашисты уничтожить Варшаву, не сломили ее обитателей. Жизнь продолжается!

Солдаты делились с женщиной своими скудными запасами хлеба, сухарей, сахара и с ласковой улыбкой смотрели на сизокрылых птиц.

Польский народ восстановил красавицу Варшаву. И когда отстраивали дом № 6 по улице Пивней, над порталом входной двери была установлена скульптура Г. Космульской — стайка кормящихся голубей (фото на стр. 79).

ЗАЩИЩАЯ ВОРОТА КАВКАЗА

«Жил в Ростове Витя Черевичкин» — так начинается песня композитора М. В. Малкина, которую до сих пор поют ростовские ребята. Действительно, в Ростове-на-Дону жил славный паренек Витя Черевичкин. С малых лет он мечтал о голубях, и друзья — а их у Вити было много — подарили ему пару голубей. Велика была радость мальчика. Он завел у себя в сарае голубятню и стал учить птиц, постепенно осваивая тонкости этого непростого дела.

Запомнился Вите день, когда он получил от Осоавиахима города Батайска, расположенного в 11 километрах от Ростова, несколько почтовых голубей. Его предупредили: «Помни, это почтари. Они у нас приучены так: выпустишь — они в Батайск прилетят, и придется тебе за ними снова приезжать! Знай, голубей водить — это не игрушка. Согласен — бери, а нет — другим отдадим...» Взял Витя голубей. Сколько раз то пешком, то на попутных машинах отправлялся он за своими любимцами, но понимал: это — учеба, тренировка. Нужно воспитывать не только голубей, но и себя. Главное — терпение и доброта.

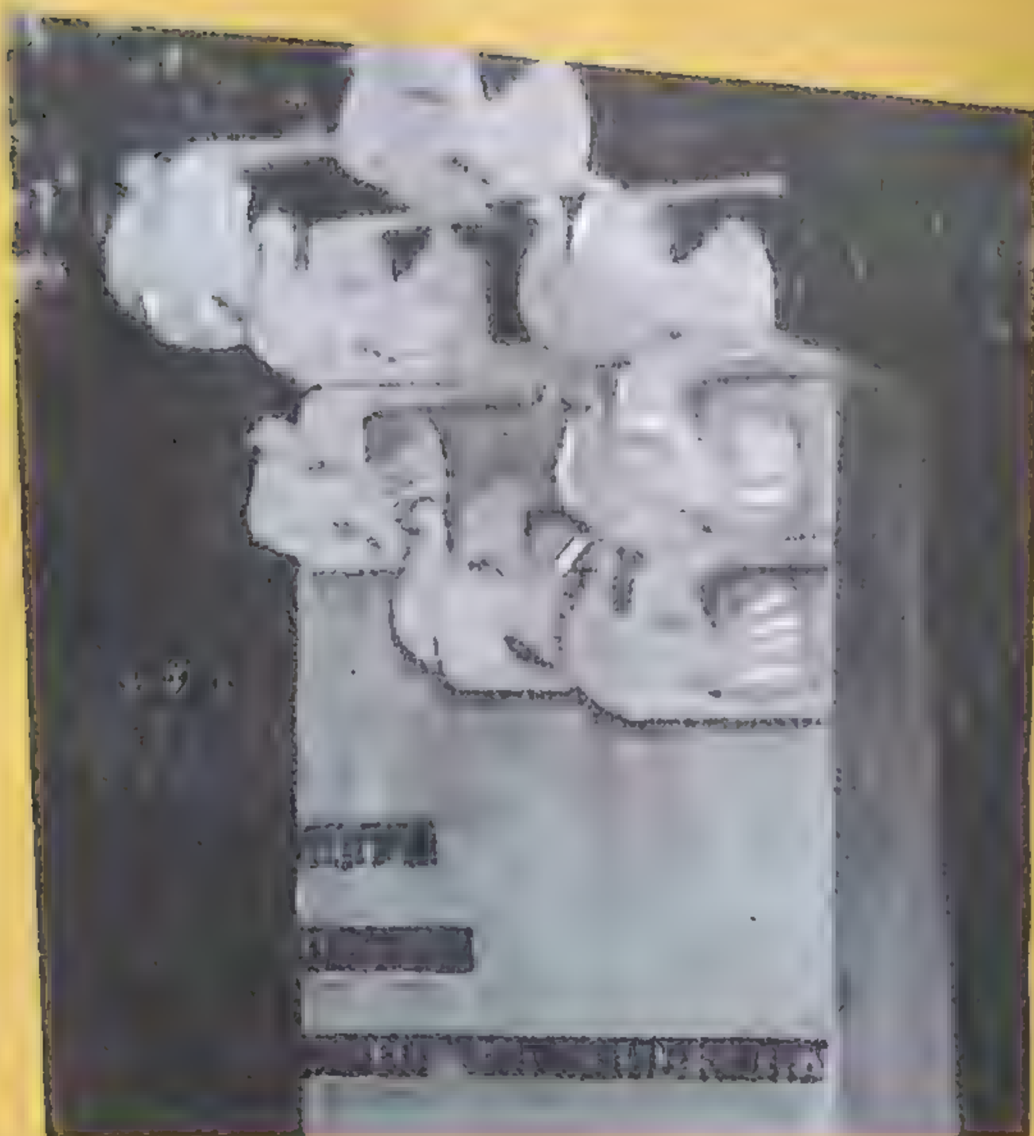
Когда Вите исполнилось 14 лет, праздничного настроения в семье не было. Шла война. Совинформбюро сообщало о боях под Москвой, о блокаде Ленинграда, а 21 ноября 1941 года фашистские войска ворвались в Ростов. Бандиты ревностно выполняли наказ Гитлера: грабить, разрушать, убивать. За сопротивление — расстрел, за хранение оружия — расстрел, за укрывание служебных собак и голубей — расстрел! Это был «новый порядок».

Ненависть к оккупантам подымалась в сердцах ростовских мальчишек. Они срывали со стен приказы гитлеровцев, расклеивали советские листовки, изготовляли свинчатки с впаянными в них гвоздями, чтобы прокалывать шины вражеских машин, собирали сведения о движении поездов с вооружением, о расположении зенитных батарей. Но как передать добытые сведения нашим?..

Вот тогда-то и пригодились голуби, тщательно запрятанные в сарайчике. Витя достал своих батайских почтарей, привязал к их лапкам донесения — через 10—15 минут голуби могут быть уже в Батайске, у наших! Витя осмотрелся — кажется, вокруг никого. Достал из-под телогрейки голубя и выпустил его. Но тут его и захватил немецкий патруль.

Трагически оборвалась жизнь пионера-героя: фашисты расстреляли Витю Черевичкина и уничтожили найденных голубей. Это случилось 28 ноября 1941 года.

После войны улицу, на которой жил Витя, а также городской пионерский парк назвали его именем. У входа в парк сооружена большая стела с надписью: «Парк имени Вити Черевичкина». Стелу венчает барельеф — летящая стая голубей. А на территории парка установлен памятник Вите, средства на его создание получены от сдачи собранного ростовскими ребятами вторичного сырья. На высоком постаменте поясной скульптурный портрет Вити, прижимающего к своему правому плечу голубя (автор И. В. Аведиков).

Стела у входа в парк имени В. Черевичкина. Ростов

Памятник Вите Черевичкину

ЛЕБЕДИ ДРУЖБЫ

Однажды мне позвонил знакомый и поинтересовался, смотрел ли я последнюю передачу «Клуба путешественников» по телевидению. Оказывается, в сюжете о Японии промелькнул памятник лебедю.

Конечно, я немедленно написал в Москву, в редакцию телевещания. Оттуда получил адрес Клуба интернациональной дружбы Хабаровской школы № 51. Члены клуба посоветовали мне связаться с японскими школьниками: от них я могу получить самые подробные сведения. По адресу, который мне сообщили ребята, я отправил письмо и стал ждать ответа. А пока решил разузнать как можно больше о жизни лебедей в Японии, рылся в библиотеках, просмотрел немало книг и журналов.

Родина лебедей, как известно, крайний север Европы, Азии и Америки — за Полярным кругом. В зоне тундры, на берегах огромных рек, несущих свои воды в Северный Ледовитый океан, в начале июня лебеди начинают выводить свое потомство. Упустить сроки нельзя! Ведь вылупившиеся из яиц крошки-лебедята за пять месяцев должны вырасти и превратиться в больших могучих птиц.

Еды — сколько угодно: прибрежные заросли рек и озер, да и болота изобилуют пищей. И растут лебедята, как говорится, не по дням, а по часам. Октябрь не за горами. Лебеди выросли, накопили подкожного жира. Это поможет выдержать труднейший перелет. Ведь здесь, на родине, им оставаться на зиму нельзя. Снег и лед скроют еду, а это — смерть.

Ночные заморозки образуют тонкую ледяную корочку по берегам водоемов. Лебеди собираются в огромные стаи, и вот наступает день, когда они снимаются с родных мест и улетают путем, который выработался за тысячелетия существования их вида.

Часть сибирских лебедей летит через Хабаровск на озера, каких много в Японии. А путь долгий — около трех тысяч километров! Не всем удается долететь...

В Японии наших лебедей называют «ангелами японской зимы», ждут эту красоту, которая осенью опускается на гладь их озер.

И вот еще интересная деталь. Оказывается, на востоке острова Хоккайдо жители Немуро организовали небольшую лечебницу (всего 5—6 вольеров) для заболевших птиц.

А теперь о памятнике нашему лебедю в Японии. Как-то в Хабаровске принимали профсоюзную делегацию из японского города-побратима Ниигата. Среди различных памятных подарков, которыми обменивались на встрече, один вызвал улыбку у хозяев, напомнив им письмо чеховского Ваньки Жукова с адресом «на деревню дедушке». Это был красиво разрисованный конверт с надписью: «Ребятам одной из школ города Хабаровска».

Было известно, что в школе № 51 работает КИД. Сюда и передали письмо. Так кидовцы узнали об истории, которая началась в апреле 1961 года в школе Акацука (префектура Ниигата).

Каждой осенью на берег озера,

Этот лебедь навсегда останется в Японии, напоминая о друзьях, живущих в Хабаровске

Лебедь — символ канадского города Гранд-Прери

Казарка воспета в песнях и легендах индейцев. Памятник в канадском городе Вава

озеро которого расположена эта школа, выходят все ребята со своими преподавателями, чтобы полюбоваться большой стаей лебедей. Птицы опускаются на воду после долгого и трудного перелета. Всю зиму лебеди проведут на этом гостеприимном озере, где в зарослях найдут немало пищи, да и ребята не забывают подкармливать своих любимцев.

Японская зима мягкая, знай себе плавай да сил набирайся. Но вот наступает весна, лебеди начинают волноваться, часто взлетают, собираются в стаю, и приходит день, когда они, сделав круг над озером, улетают на северо-запад.

Однажды весной дети проводили своих крылатых друзей на их родину, в Советский Союз. А на следующее утро в школу принесли двух лебедей. Видимо, браконьеры подранили птиц и их подобрали добрые люди. Один лебедь (его ребята назвали «Сибирский мальчик») вскоре погиб. Другой, названный «Озетта», остался жить в школе. Для него был вырыт на пришкольном участке пруд, за птицей ухаживали, кормили. Вот об этом и было рассказано в письме хабаровским школьникам.

Прошло три года. И опять пришло письмо из Ниигаты, но теперь с грустной вестью: в самом начале 1964 года Озетты не стало. Но не могли японские дети забыть своего любимца, который сдружил их с хабаровскими школьниками. С помощью родителей они собрали деньги, чтобы изготовить памятник «советскому лебедю».

...В конце того же года к школе подъехало несколько автомобилей. Это прибыла приглашенная группа работников советского посольства во главе с послом Советского Союза в Японии. Когда со скульптуры сняли покрывало, все увидели стоящего на круглом постаменте огромного лебедя. Крылья его раскрыты, шея вытянута — вот-вот взлетит и присоединится к улетающей стае... Но нет, не улететь ему на родину, он останется здесь навсегда, напоминая о друзьях, живущих в Хабаровске, которым, как и японским детям, дорога дружба и нужен мир.

ЗА ЧТО? ЗА КРАСОТУ!

Есть в Канаде, в провинции Альберта, городок Гранд-Прери (район реки Пис-Ривер). Неподалеку находится озеро, каких в Канаде огромное множество.

Но именно это озеро с незапамятных времен облюбовали красавцы лебеди.

Можно ли оспаривать красоту лебедей, плавно рассекающих воды! Это совершенство линий, пластичность, величественность. Неудивительно, что жители Гранд-Прери, покоренные этой красотой, решили избрать лебедя символом города и установить своему избраннику монумент.

Стоит на постаменте огромный белоснежный лебедь. Он высоко поднял крылья, как бы приветствуя гостей этого небольшого городка Канады.

* * *

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины...

Великий американский поэт Лонгфелло так начинает свою «Песнь о Гайавате».

Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных:
Читовейк, зуек, там пел их,
Монг, нырок, гусь дикий, Вава,
Цапля сизая, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкодаза...

Наполненные музыкой строки приоткрывают нам картину жизни пернатых на севере Америки. Здесь, в тундре у Северного полярного круга, эти птицы выводят птенцов. Здесь их родина.

В стихах назван среди других гусь дикий Вава. Это целое семейство гусей: гусь серый и голубой, гусь белый и белолобый, а также много разных казарок (это тоже гуси). Канадский гусь, или казарка, — красивая птица с буровато-серой окраской тела, у него черные головка и шея, ослепительно белые щечки и горло.

Казарка воспета в песнях и легендах индейцев. Ведь тысячи птиц, добытых охотниками, стали источником жизни многих племен. Вот почему казарка появилась и в поэме Г. Лонгфелло. Вспомним один из ее эпизодов: в деревне, где жил Гайавата, в его отсутствие появился франт и бездельник По-Пок-Кивис. Обобрав жителей деревни, разбросав все имущество в вигваме Гайаваты, По-Пок-Кивис скрылся. Вернувшийся Гайавата в гневе поклялся покарать негодяя и пустился в погоню.

Задыхаясь, По-Пок-Кивис
Наконец остановился
Перед озером широким,
По которому средь лилий,
В тростниках, меж островами,
Тихо плавали казарки,
То скрываясь в тень деревьев,
То сверкая в блеске солнца,
Подымая кверху клювы,
Глубоко ныряя в воду.

«Пишнэкэ! — воскликнул громко
По-Пок-Кивис. — Превратите
Поскорей меня в казарку,
Только в самую большую —
В десять раз сильней и больше,
Чем другие все казарки!»
(Перевод И. А. Бунина)

А теперь познакомьтесь с казаркой, которая не в десять, а раз в сто больше, чем «другие все казарки».

Это — пятиметровая стальная скульптура птицы на высоком постаменте. Стоит она в провинции Онтарио, в городке, который до сих пор носит индейское название Вава, что значит, как вы уже знаете, дикий гусь.

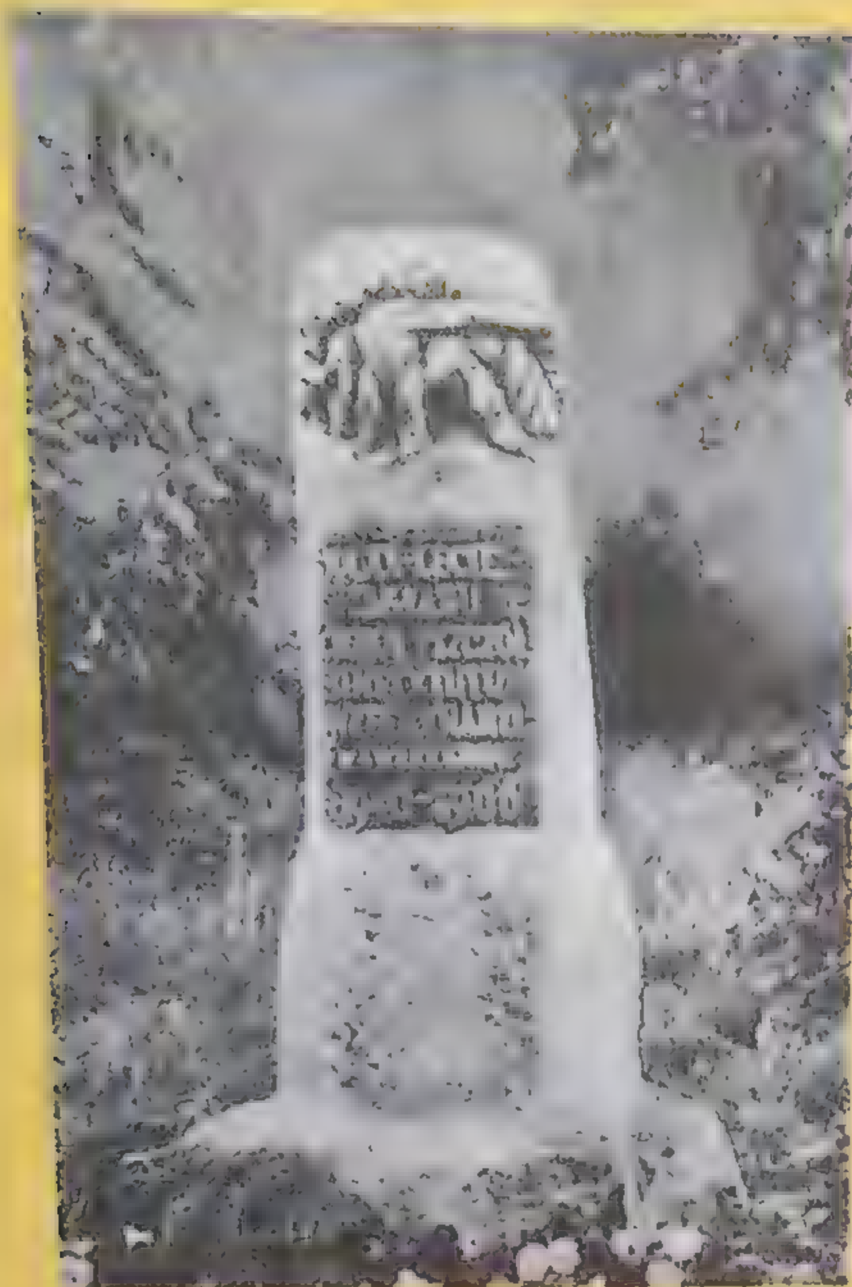
Мохнатое чудо

Эту главу открывал долгоносик, а закончить ее уместно будет рассказом о другом насекомом, чьи заслуги перед человечеством неизмеримо выше.

Как вы, наверное, уже догадались, речь пойдет о пчеле. Это малюсенькое мохнатое существо — целая природная фабрика или даже комбинат. Что человек получает от пчелы? Каждому, несомненно, знаком вкус душистого меда. А кроме того, и мед, и воск, и маточное молочко, и яд, и перга, и прополис — словом, все, что пчелы вырабатывают для обеспечения жизни улья, — все это с успехом используется в медицине. Собирая с цветов нектар, пчела попутно переносит пыльцу и помогает оплодотворить растение, что обеспечивает впоследствии урожай. Недаром сказано народом: «Сколько бы ни было на гречихе цвету — без пчелы урожая нету».

А как замечательно организована жизнь в улье: тут и строители со-

Пчела на памятной стеле в Сважендзе. Польша

Японский памятник — гимн пчеле

Так выглядит барельефное изображение пчелы (фрагмент памятника)

тов, и пчелы, проветривающие домик, и «вахтеры», пропускающие только своих, сборщики нектара и пыльцы с цветов, разведчики, которые выяснив, где находятся места для сбора, своими движениями показывают сборщикам, куда лететь за нектаром.

Разве могли люди не отметить верную службу этих крылатых тружениц? Мне удалось узнать, что это, например, сделано в Польше и Японии. Поиск был долгий. Мои письма прошли цепочку адресатов, пока не достигли цели.

Из Польши мне ответила пани Барбара Ленард, работник отдела учета и охраны памятников. Она прислала набор фотографий старинных ульев (работы польских пасечников), собранных доктором Р. Костецким в городе Сважендз (невдалеке от Познани). Они были установлены в музее на открытом воздухе. Сюда в 1955 году из Ветеринарного института в Пулавах был переведен отдел, изучающий болезни пчел. Празднуя двадцатилетие отдела, сотрудники решили отметить знаменательную дату сооружением памятника (автор — хранитель музея А. Бервид). Это колонна высотой около двух метров из серого гранита, в верхней ее части — барельеф пчелы. Ниже выбита надпись:

«К XX-летию отдела болезни пчел Ветеринарного института в Сважендзе. 1946—1966».

Из Японии я получил ответ от организаторов установки памятника пчеле в городе Гифу. Это был объемистый пакет с таким содержимым:

1. Выписка из газеты, в которой выражалось удивление по поводу того, что «в далеком Ленинграде нашелся человек, заинтересовавшийся нашим памятником!».

2. Чертеж с указанием размеров монумента.

3. История памятника и описание церемонии открытия.

4. Тринадцать различных фотографий памятника.

Торжество открытия его состоялось 23 ноября 1960 года в городском парке. Оно было приурочено к 75-летнему юбилею энтузиаста японского пчеловодства Х. Ватанабэ. Больше 50 лет занимался пчеловодством Ватанабэ — страстный пропагандист и организатор пчеловодства по всей стране. В течение многих лет искал он наиболее медоносную пчелу. По стопам отца пошли и два его сына — Тсутому и Ко. Они изучили литературу о пчелах на английском, немецком, французском и русском языках (кстати, письмо было написано по-русски).

В момент открытия памятника детский хор исполнил «Оду медоносной пчеле», которую сочинил К. Ватанабэ:

Для вас цветут цветы,
А вы помогаете им стать плодами.
Пойте, пчелы, пойте громко
Восторг созидающих людей!
Голубизной неба, сиянием облаков
Любуйтесь
И покойтесь в окружении цветов.
Спите, пчелы, спите спокойно
В благоухании цветов.

(Перевод автора)

Опустилось покрывало, и присутствующие увидели памятник. На мраморной стеле в верхней части вырезаны шестигранники, напоминающие соты, в одной из ячеек которых помещен барельеф огромной пчелы.

Перед стелой на невысоком постаменте мы видим многофигурную композицию: мать, дочь и сын. Их восхищенные взоры обращены к пчеле.

ГЛАВА IV
ЧЕТВЕРОНОГИМ — ЗА ВЕРНУЮ СЛУЖБУ

В первой главе вы познакомились с памятниками верным друзьям человека — собакам. Сейчас мы снова вернемся к четвероногим, вознесенным на пьедестал. Эти монументы — знаки большой человеческой благодарности своим помощникам в труде и в бою, а также тем, кто нас кормит, поит и одевает.

ВЕЛИКОМУ УЧЁНОМУ И ЕГО ВЕРНЫМ ВЕРБЛЮДАМ

Я уже рассказывал о памятнике И. П. Павлову под Ленинградом, где рядом с великим физиологом у его ног сидит собака. Такая же неразделимая связь между человеком и животным выражена в памятнике, который установлен в Ленинграде в саду у Адмиралтейства. На гранитной скале поясной скульптурный портрет, а у ее подножья лежит бронзовый верблюд с поклажей.

Заинтересовавшись этим памятником, я засел в библиотеке Всесоюзного Географического общества за архивные документы, которые помогли мне многое узнать о жизни и деятельности Н. М. Пржевальского.

В 1870 году начался трудный и опасный путь географа, ученого-первопроходца. Путь этот, занявший восемнадцать лет жизни, состоял из четырех экспедиций в пустыню Гоби, в горы Тибета, в Монголию и в Китай. И всюду, куда бы он ни направлялся, ему верно служили «корабли пустыни» — верблюды.

Вот что писал Пржевальский в своей книге «От Кульджи — за Тянь-Шань и на Лобнор»: «Идти с верблюдами весьма трудно, так как приходится пробираться то по лесу или густым колючим кустарником, то иногда по возвышенному тростнику, корни которого, словно железная щетка, изранивают до крови верб-

Памятник-бюст
Н. М. Пржевальскому —
замечательному русскому
ученому-первопроходцу.
Ленинград

Верный спутник путешественника. Фрагмент памятника

люжьи пятки...» И дальше: «Из 24 верблюдов, с которыми мы вышли из Курли, теперь осталось лишь 11».

За все четыре экспедиции Н. М. Пржевальский прошел около 32 000 километров, и всегда с ним были верблюды.

В книгах о Ленинграде, в которых упоминался памятник великому путешественнику, сведения о его создателях оказались весьма противоречивыми. В одной автором этого памятника называют Бильдерлинга, в другой — тоже Бильдерлинга, в третьей — Шредера, в четвертой — Бильдерлинга и Шредера. Причем, у фамилии Бильдерлинг еще «играют» инициалы — вот и разбирайся, как хочешь!..

В Библиотеке Академии наук СССР я разыскал подшивку петербургских газет за 1892 год.

Читаю репортаж о процедуре открытия:

«Этот памятник, подобно Иссык-кульскому, воздвигнут по рисунку товарища и друга Н. М., А. А. Бильдерлинга. Он состоит из изящной гранитной скалы, увенчанной колоссальным бронзовым бюстом Н. М.;

У подножия скалы лежит навьюченный верблюд натуральной величины.

На лицевой стороне скалы написано:

Пржевальскому
первому исследователю
природы Центральной Азии,

а с задней стороны:

Императорское
Русское Географическое Общество
на приношения почитателей,
1892 г.

Бюст и верблюд изваяны известным скульптором академиком Шредером, отлиты на заводе К. Берто (бывший Шопен); гранит из финляндских каменоломен Р. И. Рунеберга, которым исполнены все каменные работы».

Так в Петербурге, у Адмиралтейства, 20 октября 1892 года был открыт этот памятник. И создателями его, таким образом, являются: автор проекта (рисунка памятника в целом) — А. А. Бильдерлинг, автор бюста Н. М. Пржевальского и фигуры верблюда — скульптор И. Н. Шредер и автор гранитного постамента — Р. И. Рунеберг.

ГИГАНТАМ АФРИКИ

У нас, да и во всех странах Европы, Америки и Австралии слонов можно увидеть только в зоопарке или в цирке. А в природе их можно наблюдать в Юго-Западной Азии (например, Индия, Вьетнам, Ньянма), либо в Африке.

Африканских слонов так и называют африканскими, а вот азиатских часто называют индийскими. В чем же разница между ними? Африканский слон крупнее азиатского и — что виднее всего с первого взгляда — имеет большие уши, значительно больше, чем у азиатского. Конечно, есть и другие различия, но это вопросы для специалистов, а нас интересуют некоторые особенности жизни слонов.

В Азии научились приручать слонов. Послушные гиганты переносят на себе огромные тяжести, расчищают непроходимые джунгли, работают на лесопильных заводах, перетаскивая тяжелые бревна.

Люди использовали силу слонов не только в мирном труде, но и в военных целях. Еще в III веке до новой эры в войнах участвовали слоны, да и во время второй мировой войны (1939 — 1945) в Азии слоны служили в армиях.

Художник В. Н. Зачиняев, который работал во Вьетнаме, рассказал о встрече со слоном по кличке Лонг-Чанг, что по-вьетнамски означает «седой волос». Этот слон участвовал в освободительной войне против колонизаторов и награжден орденом Сопротивления I степени, а после войны, продолжая свою службу людям, был отмечен еще одной наградой — орденом Труда.

Но, несмотря на то что слоны играют огромную роль в жизни азиатских стран, памятника им в Азии нет.

В Африке слоны не работают, а просто живут себе. Однако именно здесь им ставят памятники. Мне известно уже два: один — в Гвинее (Форекарья), другой — в Кении (Найроби).

Гвинея — большая страна на западе Африки. В прошлом здесь столкнулись интересы двух европейских государств — Португалии, которая уже в XV веке проникла сюда, и Франции, несколько позже проявившей интерес к земле, богатой бокситами, железными рудами, алмазами, золотом.

В результате к концу XIX века одна часть Гвинеи стала португальской колонией со столицей в Биссау, а другая — французской со столицей в Конакри.

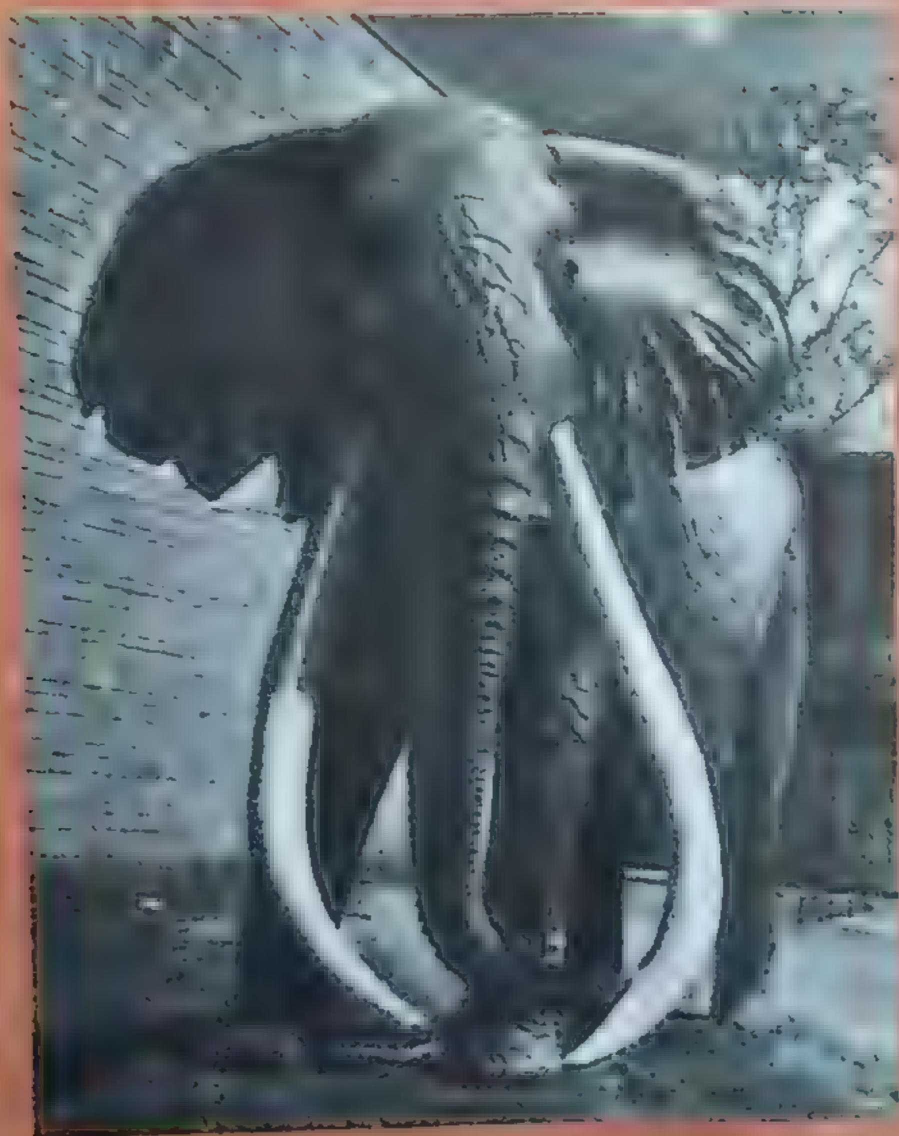
2 октября 1958 года французская Гвинея подняла флаг независимости и была провозглашена республикой. Символом демократической партии, взявшей власть в свои руки, стал слон (по-гвинейски — сили). Если раньше слон был для африканцев символом мужества, силы, то теперь с его изображением стали отождествлять сущность основного лозунга страны: «Труд, справедливость, солидарность».

С провозглашением независимости изображение головы слона появилось в заголовке газеты, денежную единицу назвали сили.

Демократы воздвигли в городе Форекарья памятник слону, который установлен на прямоугольном постаменте. Слон изображен почти в натуральную величину с высоко поднятым хоботом.

Слон — символ Гвинейской Республики

Ахмед — гордость животного мира Кении. Как живой стоит трехметровый гигант, «король слонов», в Найроби, перед входом в Национальный музей

Совсем другая история у памятника, установленного в Восточной Африке, в городе Найроби, столице Кении.

Северная часть Кении — это цепь вулканов среди равнин, покрытых застывшими потоками лавы. Склоны вулканов поросли густыми лесами. Здесь расположен знаменитый национальный заповедник Марсабит, где в полной безопасности обитают слоны, антилопы, жирафы и многие другие виды африканской фауны. В кратерах прежних вулканов образовались озера, из которых животные получают прекрасную воду, кругом в изобилии имеется растительная пища.

В Кении живут самые крупные слоны. Среди них есть гиганты, которые известны в Африке «персонально» — по именам. Таков был знаменитый Сулейман. Хотя в Марсабите живут самые крупные слоны, но даже среди этих «самых» Сулейман был «самый-самый». Когда он состарился, по каким-то никому неведомым законам слоновьей жизни, Сулейман отобрал себе из молодых слонов двух телохранителей (кенийцы называют их рабами), которых звали Мухамед и Ахмед. Они стали не менее знамениты, чем Сулейман.

После того как Сулеймана не стало, оба его телохранителя смогли вести свободную жизнь. Они выходили из зоны безопасности и привлекали к себе внимание охотников за ценнейшей слоновой костью. Около двадцати лет назад Мухамед стал жертвой браконьеров. Масса его бивней превышала 100 килограммов.

Тогда охотники переключились на Ахмеда, обладателя уникальных бивней (длина около 3 метров, масса 130 килограммов). Огромные бивни мешали Ахмеду передвигаться по кустарниковым зарослям. Он принужден был высоко задирать голову, чтобы не запутаться, и это утомляло его.

Поскольку Ахмеду угрожала опасность, правительство Кении издало закон об охране слона-великана.

В старости Ахмед, как и его бывший «хозяин», завел себе двух телохранителей. Устав, он укладывал свою голову с тяжеленными бивнями на спину одного из телохранителей и отдыхал. Вскоре Ахмед погиб. Его чучело было выставлено в музее. Из синтетического материала соорудили в натуральную величину «портретную» скульптуру Ахмеда. Как живой стоит трехметровый гигант, «король слонов» в Найроби, перед входом в Национальный музей Кении. Стоит слон, которого президент Кении Джомо Кениата назвал гордостью животного мира Кении и достоянием всего человечества.

ХАВРОНЬЯ ПО-ДАТСКИ

Трудно поверить, но честное слово, памятник свинье стоит в городе Орхус (Дания) на площади против ратуши. Масса туристов приходит сюда, чтобы полюбоваться на этот, вероятно, единственный в своем роде памятник: на пьедестал вознесена огромная вислоухая мамаша, окруженная девятью уморительными поросятами.

Но может быть, это вовсе не памятник, а просто декоративная скульптура, каких на земле множество? Может быть, скульптор М. Боггильд решил пошутить? Нет, это не шутка. Это памятник.

Чтобы понять смысл памятника свинье, следует, хотя бы кратко, познакомиться с условиями жизни Дании. Эта страна бедна полезными ископаемыми, но богата обширными лугами и плодородными почвами. Половина всего, что продает страна за границу, — это сельскохозяйственные продукты, из которых не менее половины приходится именно на свинину. Около десяти миллионов свиней ежегодно превращаются в знаменитый датский бекон, который экспортируется в Англию, Германию, Чехо-Словакию и ряд других стран. Как тут не выразить свою благодарность «вислоухой с пятачком»? Вот датчане и вознесли ее с потомством на пьедестал.

УС МЭМ

Если говорить о крупном рогатом скоте, то начинать следует с коровы.

В литературе я наткнулся на сведения о том, что знаменитой рекордистке корове Мелбе XV в Америке установлен памятник. Поиск этого памятника привел меня в библиотеки ленинградского института растениеводства им. Н. И. Вавилова и института разведения и генетики сельскохозяйственных животных (город Пушкин). Следов памятника Мелбе XV я не нашел, но узнал о других памятниках коровам.

В Москве, на ВДНХ, установлен памятник корове Послушница-II работы скульптора Б. Д. Королева. Она дала за год 16 000 литров молока.

А в Канаде рекордистка Скэгвейл Грейсфул Хетти (как будто это имя, отчество и фамилия) за год дала почти 20 000 литров. Это по пять с половиной ведер в день — не корова, а молочная фабрика.

Но первое место в мире держат коровы небольшого государства Нидерланды (Голландия). На севере этой страны находится провинция Фрисландия. Здесь выведена голштин-фризская порода, знаменитая своей высокой удойностью.

В 1954 году в городе Леуварден был установлен памятник корове. (Работа скульптора Г. Адзма.) Голландцы с нежностью и признательностью называют его «ус мэм» — «наша мать», «наша кормилица».

Не оставлял я и поиск американского памятника. И наконец, мне удалось получить любопытные сведения, связанные с коровой Мелбой

В Дании на пьедестал вознесено целое свиное семейство!

Эта корова дала 16 000 литров молока за год. Москва, ВДНХ

Корова-кормилица — «ус мэм». Голландия

XV. В 20-х годах возник спор между Шотландско-австралийской компанией (владелицей Мелбы) и канадской фермой в Британской Колумбии (владелицей коровы Агассиз Сегис), которую из коров считать чемпионкой по удою. Департамент сельского хозяйства Австралии организовал специальную комиссию, и после тщательного расследования чемпионкой мира была признана Мелба XV. Но памятника ей, как мне сообщили, ни в Америке, ни в Австралии нет. Зато из переписки я узнал о двух памятниках коровам на территории США.

Если из Сиэтла (штат Вашингтон) проехать несколько десятков километров на восток, перед путешественником откроется панорама ухоженных бирюзовых пастбищ, разделенных белыми заборчиками на огромные квадраты, где пасутся черно-белые коровы. По другую сторону шоссе, на склоне холмов раскинулись здания широко известной Карнейшн милк-фарм.

При въезде на территорию фермы на высоком постаменте возвышается памятник корове. На пьедестале укреплена бронзовая плита с надписью о том, что это памятник корове по кличке Сегис Пиетерти. Что же это за ферма и какова история памятника?

В 1899 году Э. Стюарт основал Карнейшн компани по выработке сгущенного молока. Это был небольшой завод в городке Кент близ Сиэтла, положивший начало развитию

крупнейшего молочного производства в США. Сюда завезли коров и быков голштин-фризской породы, которые стали родоначальниками племенного стада фермы. От быка Кинг-Сегис родилась корова Сегис Пиетерти. Дояр К. Гокерел сумел сделать стадо на редкость высокоудойным. Начиная с четырех часов утра, он доил своих подопечных точно через каждые 6 часов. Сегис стала давать за каждый удой около 13 литров молока. В 1920 году она превзошла все ожидания, дав за год около 17 000 литров. Это был мировой рекорд, который держался 16 лет. Ей — первой, давшей небывалый удой, — Э. Стюарт установил бронзовый памятник при въезде на ферму.

Другой памятник корове голштин-фризской породы установлен на территории штата Северная Дакота. Вот вкратце его история. Местный купец Янг на рубеже нашего века привез из штата Висконсин несколько коров. Обилие молока, получаемого Янгом от стада, повлияло на развитие животноводства в штате. В 1910 году четырнадцать фермеров обзавелись стадами коров этой породы, а через пятьдесят лет здесь уже насчитывалось 25 крупных ферм.

Фермеры штата не могли не выразить признательность своим удивительным стадам. В 1974 году на холме близ города Нью-Сейлем появилась скульптура коровы. В отличие от множества других памятни-

ков здесь статуя установлена не на постаменте, а прямо на земле. Железобетонная скульптура огромна: ее высота 10, длина 15 метров.

Статуя видна за 7 — 8 километров всем, кто едет по шоссе. Называют этот памятник «Большая корова на холме». Автор уникального сооружения — скульптор Вир Янг из Висконсина. Любопытно, что учащиеся Нью-Сейлема взяли для своей спортивной формы черно-белые цвета, и их команды называются «Нью-Сейлемские голштинцы».

Как-то один из моих приятелей сообщил, что в «Зарубежных письмах» Мариэтты Сергеевны Шагинян есть сведения о памятнике корове во Франции. Я взял 5-й том собрания ее сочинений и в очерке «На «Волге» по Франции» с большим удовольствием прочел:

«...Вода, вода, влага в небесных тучках, влага в зелени, словно вся Бургундия — не что иное, как одна обширная пойма, один нескончаемый заливной луг.

По справочнику Бургундия — район сельского хозяйства. Подобно тому, как в Ленинграде Иван Петрович Павлов поставил необычный памятник собаке — помощнице в открытии условного рефлекса, — в Бургундии вас тоже встречает необычный памятник — черная статуя коровы. Это почти единственная здесь корова, предпочитающая стоять, а не лежать...»

Проезжая мимо завода «Ле Крёзо», писательница отмечает: «Этот завод совсем близко на Центральном канале, в двух шагах от «черной коровы».

Раз завод рядом с памятником, я решил обратиться прямо туда. Ответ получил от туристского бюро города Сольё, находящегося примерно... в 70 километрах от завода.

Вот что я узнал. Сольё знаменит своим породистым рогатым скотом, особенно быками. На традиционной весенней ярмарке 24 марта устраивается карнавал с веселыми инсценировками, гадалками, продавцами «чудодейственных» эликсиров от всех болезней. Называется ярмарка «Праздник бургундских быков». Вечером, после торгов, начинается празднество, на котором можно испробовать великолепное жаркое, которое запивают знаменитым «бургундским».

Уроженец Сольё скульптор-анималист Ф. Помпон подарил городу свои произведения. А его скульптуру быка решили поставить на площади. Видимо, повышенная скорость «Волги» ввела М. С. Шагинян, принявшую быка за корову, в заблуждение.

* * *

Индейцы горды скальпами,
Пастух швейцарский — Альпами,
Швейцарками здоровыми
Да дойными коровами.

Так писал более ста лет назад поэт А. К. Толстой и был совершенно прав... Но наступил XX век, и развитие промышленности Швейцарии привело к экологической драме. Откроем статью С. Джанелла «Алюминиевый меч над Швейцарией»: «Дымовые трубы трех промышленных предприятий, расположенных в кантоне Вале, ежегодно выбрасывают 450 тонн фтористых соединений в виде газов и пыли. Заражена не только атмосфера. 1500 тонн этих отравляющих веществ ежегодно выбрасывается в воды Роны... Гибнет скот. Болезнь поражает кости животных и приводит к выпадению зубов...» («За рубежом», 1977, № 49).

Вот что происходит на юге Швей-

«Большая корова на холме». Нью-Сейлем, США

Сегис Пиетерти — первая корова США, установившая мировой рекорд

Бургундский бык из Сольё. Франция

«Ностальгия» в парке города Риен. Швейцария

царии. А на севере? Неподалеку от Базеля есть небольшой город Риен (около 20 000 жителей), который некогда снабжал чудесным молоком жителей всей округи. Теперь молочное хозяйство города почти заглохло. Пастбища оказались пересечены новыми асфальтированными дорогами, да и молоко от коров, питающихся травой, удобренной химикатами, стало не тем, каким раньше.

И вот в 1975 году в парке города Риен был открыт памятник корове, его автор — скульптор Г. Педретти. Фотография памятника была напечатана в газете «Ля Национе», а затем появилась в немецких, итальянских, английских газетах, в нашей «Комсомольской правде».

Конечно, эта скульптура по всем признакам напоминает корову. Но до чего же она отощала!.. Одно воспоминание о прежней стати. Недаром, видимо, автор назвал свое произведение «Ностальгия» (от греческих слов «ностос» — возвращение и «алгос» — боль, в переносном смысле — тоска по чему-то безвозвратно утраченному).

ПОТОМКИ ИМПЕРАТОРА В АВСТРАЛИИ

Сто с лишним лет назад из Англии в Австралию переехал Г. Пеппин, человек предприимчивый и энергичный. Приобрел он у местного фермера большой земельный участок. Место это — Ванганелла — находится в Новом Южном Уэльсе, в 25 километрах от города Дениликуин. Здесь прекрасные пастбища для овец, завезенных из Англии еще в XVIII веке.

Быстро развивающаяся текстильная промышленность Англии нуждалась в огромном количестве тонковолокнистой шерсти. Эту ситуацию учел Пеппин, занявшись разведением тонкорунных овец. Для улучшения породы он выписал из Франции несколько баранов породы рамбуйэ, среди которых был знаменитый баран Император.

Так началось создание породы, которая затем стала называться пеппин.

Мериносы этой породы давали большой настриг великолепной шерсти. Вскоре и другие австралийские овцеводы обзавелись такими животными. К 1972 году в Австралии было свыше 160 миллионов голов овец, а настриг шерсти приблизился к миллиону тонн! И Англия, всемирно известная своими высококачественными шерстяными тканями, охотно покупала австралийскую шерсть.

Сегодня по численности овец и настригу шерсти Австралия занимает первое место в мире. Вот почему в 60-х годах на средства, собранные овцеводами, на каменный пьедестал была вознесена скульптура овцы (автор С. Хаммонд). На каменном цоколе памятника посвящение: «Здесь, в Ванганелле, в 1861 году, Георг Пеппин и сыновья основали породу мериносов. А через столетие установлен этот памятник, который служит напоминанием о большом вкладе ныне известной породы пеппин в австралийскую индустрию шерсти и говорит о неоплатном долге каждого австралийца породе мериносов».

Труженик-мул, Швейцария. В горной местности нет для человека надежней помощника, чем осел или мул

А это другой памятник ослику-солдату, но уже в Риме, в парке Боргезе

«Человек и ослик». В этом мельбурнском памятнике увековечен волнующий эпизод: раненого австралийского солдата вывозят с поля битвы

В 60-е годы на средства, собранные австралийскими овцеводами, создается скульптура животному, обеспечивающему богатство страны. Мериносная овца

НЕЗАМЕНИМЫМ ТРУЖЕНИКАМ

В горной местности нет для человека надежней помощника, чем осел или мул.

Ослик — невелик ростом, уши у него длинные, хвост гладкий с кистью волос на конце. Мул (помесь лошади и осла) — ростом повыше, уши покороче, хвост, как у лошади — волосяной от корня. Мул сильнее ослика. Используются они как под вьюками, так и в упряжке. А завьючивают их в зависимости от груза. Со спины свешиваются по обе стороны животного либо большие корзины, либо торбы (мешки). Маленький ослик может нести груз весом 60—80 килограммов, а в упряжке до 2,5 тонн.

Что, к примеру, делать крестьянину, у которого виноградники расположены на гористых склонах далеко от широких дорог? А ведь туда нужно подвезти и удобрения, и инвентарь, а порой и ребят, которых нельзя дома оставить. Когда созреет урожай или придет сенокос — все нужно вывезти домой, да еще припасти хвороста на зиму... Вот тут-то на помощь приходит незаменимый ослик или мул. У них крепкие и очень цепкие копытца, они очень осторожны, но смело идут по такой тропке, по которой не каждое животное сможет пройти.

Таким помощником и изображен мул на памятнике в швейцарском городе Сьон — главном городе кантона Вале.

Уж кто-кто, а кантональный ветеринар Каппи лучше всех знал своих «пациентов», знал, как ценят мулов их хозяева — местные крестьяне. И именно он предложил выразить благодарность рабочим мулам. Скульптор Э. Сандоз решил изобразить животное в момент работы: в гору идет мул, на нем сидит крестьянка, с боков мула свисают торбы, в которых сидят малыши, а девочка постарше уцепилась за хвост мула — так ведь идти в гору легче...

Но не только в мирных условиях использовались мулы и ослы. В горах мулы и ослы были почти единственным видом транспорта для перевозки боевого снаряжения, раненых, продовольствия.

Неоценимую помощь оказали мулы и ослы итальянской армии во время первой мировой войны. В знак благодарности четвероногим помощникам скульптор П. Каноник подарил Риму бронзовую фигуру ослика (судя по хвостику, это не мул). Памятник установлен в 1938 году в парке Боргезе. Ослик-солдат изображен идущим по камням, на его спине в специальном креплении лежит ствол горной пушки.

Событиям той же войны посвящен памятник, установленный в далекой Австралии, в Мельбурне... На маленьком ослике верхом сидит теряющий сознание раненый, ко-

торого поддерживает другой солдат, идущий рядом. Нелегко длинноухому, кажется, что вот-вот подогнутся маленькие ножки ослика, но он упорно шагает вперед... На гранитном пьедестале текст: «Человек и ослик. Галлиполи, апрель 25 — май 19, 1915 в память о доблести и в знак сострадания к австралийскому солдату».

...Одним из очагов первой мировой войны был район Босфора и Дарданелл, принадлежащий Турции. На господство в этом районе претендовала Англия. Мощный флот англичан подошел к берегам Турции, но, встреченный сильным огнем береговых батарей, потерял три боевых корабля и отступил.

Тогда решено было овладеть проливами с помощью десанта. Для высадки выбрали тянущийся на многие километры пляж Галлипольского полуострова. Сюда направился корпус солдат, мобилизованных в Австралии и Новой Зеландии, с лошадьми и осликами.

25 апреля 1915 года началась высадка многотысячного десанта. Все военное снаряжение доставляли к месту боев с помощью осликов, а на обратном пути они вывозили раненых. И для людей и для животных это были очень трудные дни. Не хватало еды и питьевой воды. Плачевны были и результаты всей операции — потеряв в боях свыше 140 тысяч человек, английские войска покинули полуостров.

Полный драматизма эпизод, изображающий вывоз раненого австралийского солдата с поля битвы, увековечен в мельбурнском памятнике «Человек и ослик».

РОГАТЫМ КРАСАВЦАМ

В городе Родос, на севере греческого острова Родос, более двух тысяч лет назад возвышалось на берегу одно из «семи чудес света» — бронзовая пятидесятиметровая статуя бога солнца Гелиоса, вошедшая в историю как Колосс Родосский. Он был разрушен землетрясением и погребен под волнами...

Задолго до этих событий, когда греки впервые появились на острове, они назвали его Офиусса (от греческого «офис» — змея). От местных жителей, которые первыми ступили на эту землю, они узнали, что раньше остров кишел змеями. Тогда эти люди, прекрасно знавшие природу, завезли на остров оленей — злейших врагов змей. Они затаптывали их копытами, забивали рогами, и люди смогли заселить остров. Эта легенда передавалась из уст в уста, из рода в род, из поколения в поколение и дошла до наших дней. И хотя остров давно уже называется Родос, слава о подвиге оленей продолжает жить.

Итальянцы, владевшие островом с 1912 года, не забыли истории и поставили оленям памятник. По обе стороны мола они установили 8-метровые колонны. На одну из них водрузили статую рогатого оленя, а на другую — статую волчицы, кормящей Ромула и Рема (символ Рима). Но когда в 1945 году союзники вернули Греции Додеканесские острова, включая и Родос, правители города — греки — сняли с колонны статую волчицы и на ее место установили фигуру безрогой самки оленя.

Слава о подвиге этих животных продолжает жить в Родосе

На огромный камень вышел лесной богатырь... Памятник лосю в Мончегорске

* * *

Другой «рогатый красавец» стоит в «стране полуночного солнца» — у озера Имандра, на крайнем севере Европы.

В 1919 году в эти края прибыла группа ученых во главе с академиком А. Е. Ферсманом. Здесь открыли богатейшие залежи крайне нужных стране полезных ископаемых — меди, кобальта, железа, никеля, апатитов. Вскоре началась разработка этих богатств. В 1930 году сюда приехал С. М. Киров с группой архитекторов и градостроителей. Обсуждался вопрос, где строить город для рабочих, добывающих богатства недр Кольского края. Архитектор С. Е. Бровцев рассказывает, что когда кто-то предложил строить город там, где идут разработки, Киров категорически отверг это, так как рудники находились в заболоченных местах. «Город будем строить, — сказал Сергей Миронович, — в хорошем, красивом и по климатическим условиям здоровом месте, чтобы люди, которые будут здесь жить, радовались прекрасной природе здешних мест».

Выбор пал на прибрежную территорию самого большого озера в Мурманской области Имандра. Архитекторы делились с С. М. Кировым своими соображениями. Вот здесь, по этому спуску к озеру, будет проложена широкая улица, здесь, на горе, будет большая площадь. А кто-то добавил: «И в центре ее — памятник Кирову». — «Киров тут ни при чем», — сердито возразил Сергей Миронович.

В этот момент с сопки на просеку из чащи вышла семья лосей. Животные остановились, посмотрели на нежданных гостей, повернулись и скрылись в глубине леса.

«Вот кому нужно поставить памятник — хозяину здешних лесов! Ведь мы его попросим уступить нам эту территорию». Это пожелание С. М. Кирова строители запомнили, и в 1958 году, в день празднования 25-летия выросшего здесь города Мончегорска, на площади встал памятник лосю (скульптор Б. Я. Воробьев). Это не декоративная скульптура — это память о далеких событиях, ставших нашей историей.

На огромный камень вышел лесной богатырь. Он смотрит на город, раскинувшийся в местах, бывших его владениями. Люди потеснили животных, но не обидели их.

В восемнадцати километрах от Мончегорска раскинулся огромный Лапландский заповедник, в котором есть и горы, и леса, и тундра, и болота. Живите, звери, — здесь вас никто не тронет.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ТАБУН

Любовь к коню человек пронес через многие века — с тех самых пор, когда он начал приручать это великолепное произведение природы, — умное, верное, трепетное. Воздвигая монумент коню-любимцу, люди тем самым увековечивают и свой труд, свой успех, потому что выведение породы, красота, грация, гармония, резвость, сила коня — все это дело рук человека. Дело его творчества, знаний, терпения и любви. Вот что такое памятник коню.

Их на земле немало — и в нашей стране и за рубежом. Пусть эти стра-

ницы станут площадью, на которую мы соберем небольшой табун памятников коням. И каким коням!

* * *

Триумф Абсента. 21 августа 1935 года на Красную площадь в Москве въехала необыкновенная кавалькада: тридцать два всадника в пестрых халатах, в огромных папахах. Это были туркменские колхозники, которые еще 30 мая выехали из Ашхабада. Верхом на конях они проделали труднейший путь до Москвы. То был экзамен и людям и коням на выносливость, силу, мужество, настойчивость. Их путь прошел через Каракумы, солончаки Устюрта, через Заволжские степи.

Не было воды — они рыли в пустынях колодцы, отдавали коням воду из своих фляжек. Они прошли 4300 километров за 84 дня.

Среди участвовавших в пробеге был конь по кличке Араб. О его потомстве сегодня можно говорить с гордостью. Как это принято, в кличках его потомства должна быть буква «А». Так было и в 1952 году, когда на конном заводе в Джамбульской области родился жеребенок, которого назвали Абсентом.

Уже через 6 лет началось триумфальное шествие этого коня ахалтекинской породы. Его всадник — заслуженный мастер спорта С. Филатов стал в 1958 году чемпионом Европы по верховой езде, а в 1960 году — обладателем Большой золотой медали на римской Олимпиаде. «Очень благодарен коллективу, вырастившему моего Абсента — отличную лошадь, которая ни разу не подвела меня», — заявил он после победного выступления. Успех сопутствовал всадникам на Абсенте и в двух последующих Олимпиадах — в Токио и Мехико.

Вот почему люди, воспитавшие этого коня, решили увековечить его память и воздвигли на территории Луговского конного завода статую (работа скульптора-анималиста Э. Гилярова).

Орловский рысак Улов. Не менее замечательным был другой конь — Улов, воспитанник одного из старейших русских конных заводов — Хреновского.

Резвость этого коня была фантастичной. Памятник Улову (автор Э. Гиляров) изображает коня в стремительном беге; установлен он перед фасадом заводоуправления весной 1975 года. Это гордость коллектива за породу коней, которых за 200 лет существования завод вывел и воспитал. Сегодня кони орловской породы знамениты на весь мир.

Конь из Баболны. Много лет конный завод в Баболне (Венгрия) разводит знаменитых коней арабской породы. Они не раз выручали венгерских гусар в нескончаемых войнах за независимость.

В честь верных боевых друзей — арабских коней — в 1956 году венгерские коневоды воздвигли в Баболне памятник (скульптор И. Сабо). Он установлен во дворе конюшни сельскохозяйственного комбината. У основания памятника выбита надпись: «Самому верному другу».

Тяжелоупряжные кони. В нашем табуне памятников есть гость из Дании. Но сначала несколько слов о породе таких коней. Не ожидайте от них резвости, их не пустят на соревнование в беге на быстроту. В быту их называют тяжеловозами. Это кони-богатыри, силачи. В нашей стране тяжеловозов разводят конные заводы Украины и Прибалтики. Каков предел силы такого коня?

В 1965 году латвийский жеребец Алказарс провез девять тонн на

Абсент

Улов

Памятник коню
из Баболны.
Венгрия

Символ
Москва, ВДНХ

Тяжелоупряжным коням —
благодарные датчане

расстояние свыше полутора километров. Это был небывалый рекорд. Но через 11 лет он был перекрыт на Всесоюзных соревнованиях во Пскове: лошадь Сильва такой же груз перевезла на расстояние больше двух километров. Вот вам и «одна лошадиная сила»!

Для таких коней есть еще один вид состязаний: «стронуть» с места. Здесь же, во Пскове, в 1978 году конь Замайка «стронул» с места 24-тонный груз. Вот каких богатырей выращивают люди...

На славу потрудились тяжеловозы в Дании. С их помощью крестьяне расчищали поля от крупных валунов. Они же помогали тащить волоком суда, тянуть их по рекам. Многие века по городским улицам и сельским дорогам катились подводы и повозки, влекомые тяжеловозами. Вот почему в знак благодарности таким коням датчане воздвигли им памятник в городе Раннерс. Создала его талантливый скульптор Э. Скоу. Монумент открыт в 1969 году.

Чемпионы в бронзе. В честь легендарного Квадрата сооружены целых два памятника — один на ВДНХ и второй — на территории Московского конного завода. К сожалению, ни тот, ни другой не передают масти этого красавца. Был он гнедой (красно-коричневый с черными гривой и хвостом, ноги в белых «чулках»). Его фигура, установленная на ВДНХ, — светло-серая (выполнена из цемента), а на другом монументе — черная (бронза). Квадрат — неоднократный чемпион своей породы. Его резвость долгое время считалась эталоном, трудно достижимым рубежом.

А вот сосед Квадрата на ВДНХ, другой чемпион — Символ. Этот

золотисто-рыжий жеребец буденновской породы — питомец завода имени 1 Конной армии (Ростовская область). Автором этих двух памятников является также скульптор Э. Гиляров.

Стремительный Метеор. Памятник этому коню, работы скульптора Г. Кока, установлен в немецком городе Киль. Жил он с 1943 по 1966 год, из которых 11 лет (1950—1961) участвовал в спортивных соревнованиях. За это время его тренер и наездник Ф. Тидеман трижды завоевывал медали на Олимпийских играх и 150 раз выходил победителем на различных соревнованиях в Европе и в Америке. Конечно, голые цифры не могут передать удовольствия и восторга зрителей — очевидцев соревнований, когда слившиеся воедино всадник и лошадь в стремительном галопе несутся к очередному препятствию, взвиваются и с маху перелетают его...

Метеор стал гордостью окружного коневодства. Вот почему в 1959 году ему был установлен памятник.

«Венец творения» — лошадь Халла. Письмо из Германии — от мэра города Варендорф порадовало меня воспоминанием о детстве, когда я увлекался чтением сатирической книги Д. Свифта «Путешествия Гулливера». Помните, он писал: «Слово гуигнгнм на местном языке означает «венец творения». Так называет себя народ лошадей, самый разумный в этой стране». На конверте стоял штемпель специального гашения — лошадь в прыжке через барьер и надпись: «Варендорф — город лошади».

Свою спортивную карьеру Халла начала на четвертом году жизни. Ее прочили в военную кавалерию,

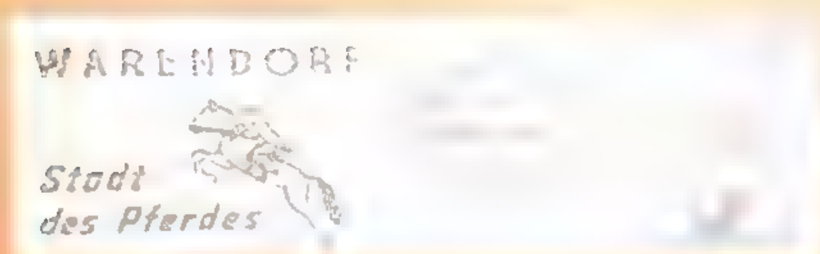

Вот она — знаменитая Халла, только в бронзе

Стремительный Метеор

Этот оттиск делает на конверте специальная франкировальная машина

Памятник коням-донорам в Польше

но на соревнованиях она оказалась на двенадцатом месте. Тогда владелец лошади Г. Фирлинг поручил воспитание ее опытному Г.-Г. Винклеру. Это была счастливая встреча: способностям лошади помогли раскрыться внимание, опыт и такт тренера.

Правда, на первых порах Халла снова потерпела неудачу, когда ее тренировали на выездку, — сказались темперамент и нервозность лошади. Вот тогда-то Винклер и начал тренировать ее на конку́р — преодоление препятствий.

Если бы Халла могла говорить, она бы, вероятно, сказала, что Винклер никогда не подавлял ее гордость. Но и лошадь отвечала ему верностью, она весьма красноречиво выражала это своим поведением: кроме Винклера, сесть кому-нибудь другому в седло никогда не удавалось.

С Винклером в седле Халла совершила триумфальное шествие по многим странам: с 1952 по 1960 год успех сопутствовал этой паре в 128 соревнованиях, среди которых — мировое первенство, Олимпийские игры. Широка и география их побед: Нью-Йорк, Рим, Мадрид, Париж, Роттердам, Бильбао, Ницца, Лондон, Торонто, не говоря уже о соревнованиях внутри своей страны. Когда в возрасте 33 лет Халла пала (1978 г.), перед входом в здание германского Олимпийского комитета по конному спорту в Варендорфе была установлена бронзовая фигура знаменитой лошади — работа скульптора И. Илэ.

На открытии памятника Винклер сказал: «Я никогда не забуду Халлу и благодарен судьбе за то, что я пережил за эти годы жизни и работы с ней». Для него Халла была «венцом творения».

Кони-доноры. Во многих странах коней используют в качестве доноров. Выбирают самых лучших, здоровых во всех отношениях животных. Медики вводят им в кровь возбудителей таких страшных болезней, как столбняк, гангрена, дифтерия, ботулизм (консервный яд) и многих других. И когда в крови коней вырабатываются защитные антитела против этих болезней, у них берут кровь для приготовления сыворотки. Одна лошадь дает за свою жизнь 16—20 тысяч доз сыворотки. Берут у коней и желудочный сок, 5—7 литров за один сеанс. У нас по всей стране организованы биофабрики, получающие желудочный сок у коней-доноров. Самой крупной из них является фабрика в Орске. В совхозе «Ручьи» под Ленинградом с 1973 года существует цех желудочного сока, в котором содержится 35 коней-доноров. Полученный продукт используется для лечения не только людей, но и животных.

В Польше около полувека с конями-донорами работал ученый З. Рогинский. Он основал Биоветеринарный институт в Двалеве, где помощниками ученых стало более 5000 коней.

Чувство благодарности к животным привело его и профессора Марину Внук к мысли создать памятник коням-донорам.

Нашлись и средства для осуществления мечты Рогинского: ряд организаций внес свою лепту, а выпускники Варшавской Академии искусств А. Паства и А. Мыяк выполнили замыслы ученых-биологов.

30 декабря 1969 года на территории парка Биоветеринарного института был открыт памятник коням-донорам.

ГЛАВА V

И ОНИ УДОСТОЕНЫ

Если что и объединяет истории, собранные в этой главе, то это, пожалуй, присущий всем им элемент курьезности, необычности, способный подчас озадачить или насмешить читателя.

ПАМЯТНИК... ЗАЙЦУ

— А памятник зайцу есть? — выкрикнула из зала курносая девчушка на одной из моих встреч с ребятами. Вопрос был задан явно с подвохом: уж каким только животным не ставили памятников, но вот уж зайцу-то наверняка нет.

Сидевшие в зале и взрослые и дети весело засмеялись, одобряя каверзный вопрос. И вдруг, неожиданно для всех, да и для себя самого, я уверенно ответил:

— Есть!

Смех мгновенно оборвался, и в зале наступила тишина. Кое у кого задержалась на лице недоверчивая улыбка. Я выдержал паузу и продолжил:

— ...Но рассказывать об этом памятнике сегодня не буду — уже нет времени. Скажу только, что стоит он в немецком городе Каальна-Майне...

Вы спросите, почему я тогда остановился? Дело в том, что у меня

еще не было неопровержимых доказательств — фотографий, а без них я дал себе слово никогда ни о каких памятниках не рассказывать.

Но вскоре из Кааль-на-Майне я получил и фото и сведения о памятнике.

...Давным-давно Германия состояла из множества разрозненных княжеств, вечно враждовавших между собой. Больше всего от междоусобиц страдало беднейшее население — ремесленники и крестьяне. Грабили их безбожно и чужие князья и свои.

Когда жить становилось невмоготу, погружали бедняки оставшееся барахлишко и ребятишек в фургоны и уезжали искать место, где можно было бы спокойно работать и как-то прокормиться. Ехали обычно, не удаляясь от рек, потому что без воды человеку не прожить.

Однажды большая группа бедняков в нескольких фургонах медленно передвигалась по берегу реки Майн. Кони, надрываясь, тащили фургоны по песчаной полосе. Люди, выбиваясь из сил, помогали коням. Но вот появились небольшие кустики и неожиданно из-за них выскочил заяц, за ним другой. Оказалось, что в этих местах их очень много. Вот это была радость! Больше того — это было спасение. Скудные запасы, взятые с собой, уже подошли к концу. Здесь бы и остановиться, но некоторые еще сомневались:

— Смотрите, на этих песках ничего не растет, кроме жалких кустиков!

— Да, — возражали им, — но зайцы-то живут, значит, находят пищу. Здесь тихо, река близко, рыба будет и зайцев много...

Поспорили, посудачили и решили: жить будем здесь. В округе новых поселенцев прозвали «каальские песчаные зайцы». А они посмеивались над этой дразнилкой и работали в поте лица, не покладая рук: удобрили земли, посадили деревья, разбили огороды, завели скотину, построили добротные дома и, наконец, украсили свой городок парком. А в герб города включили изображение зайца. Все это было давным-давно.

А уже в наши дни, в 1952 году, граждане города Кааль-на-Майне поставили на постамент огромную фигуру зайца (скульптор Кроккель). Сидит он в центре площади, гордый такой, внимательный и как будто спрашивает: «А помните ли вы, уважаемые граждане, кому обязаны своим существованием?»

Африканским маготам — граф из Виндхаузена

«Каальским песчаным зайцам» поставлен этот памятник в Германии, на площади города Кааль-на-Майне

Бесхвостые маленькие маготы — один из видов макаки

АФРИКАНСКИЕ МАГОТЫ

В конце XVIII века, возвращаясь из Африки, граф Мартин фон Шлиффен привез в свое поместье Виндхаузен, что находится недалеко от Касселя, несколько маленьких бесхвостых обезьянок. Это были маготы — один из видов макаки. Они распространены в странах Северной Африки (Алжир, Тунис, Марокко). Кстати, небольшая группа этих бесхвостых обязьян обитает на скалах Гибралтара под охраной подразделений военно-морских сил Великобритании, так как считается, что маготы — это талисман и пока они тут, присутствие Британии на Гибралтаре неколебимо.

Граф велел приготовить в парке поместья хижины и пещеры для маготов. Поначалу крестьяне из ближайших сел приходили в парк поглазеть на невиданных зверьков, угостить их сладостями. Обезьянки брали фрукты любой из своих четырех конечностей; еще забавнее было, кода обезьянка прыгала кому-нибудь на плечо и обнимала за шею. Все это было в диковинку.

Маготы быстро акклиматизировались, размножились, и вскоре стадо насчитывало уже более пятидесяти обезьян.

По приказу графа маготы пользовались по всей территории усадьбы неограниченной свободой и постепенно, как и следовало ожидать, расшалились.

Однажды Троль — самый крупный в стаде магот — выкрал из люльки младенца и забрался с ним на фронтон замка. Хорошо, повар графа влез на крышу и стал подманивать к себе Троля, бросая ему винные ягоды. Магот оставил младенца и принялся собирать лакомства. Ребенок был спасен.

Как-то после длительного отсутствия граф в прекрасном настроении возвращался в свой замок. Первым увидел приближающийся экипаж вожак Троль. Он спрыгнул с дерева и бросился навстречу карете. За ним пустилась вся ватага. Граф вышел улыбаясь и принялся оделять обступивших его обезьян сладостями. В сопровождении всей «свиты» граф пешком отправился через парк, а навстречу ему уже спешил взволнованный управляющий. Оказывается, пока хозяин был в отъезде, его любимцы стали разбойниками.

Обезьяны буквально опустошали огороды и сады. Срывая плоды с деревьев, они швыряли ими в прохожих, прыгали им на спину и вцеплялись в волосы. Как-то маготы забрались через открытое окно в комнату графа, стащили со стола шкатулку с дукатами, влезли на крышу и стали расшвыривать монеты, наслаждаясь их звоном.

А недавно в деревню прибежала девушка — платье на ней было изодрано, лицо расцарапано, вырван клок волос. Так с ней расправились обезьяны. Терпению крестьян пришел конец. Похватав колья, они примчались в усадьбу — вот тут-то и разыгралось целое побоище. Многих обезьян перебили, но сильно пострадали и люди. Теперь и хозяина поминают недобрым словом.

Граф считал, что обезьяны, как дети, заслуживают снисхождения, забывая, что и к детям, и к животным нужно относиться прежде всего разумно. Только сейчас начал он по-

нимать, как преступно было его легкомыслие. Всю ночь граф провел без сна. На заре он вызвал егеря, приказал застрелить уцелевших маготов и уехал в Кассель. Вернувшись в Виндхаузен через несколько дней, он повелел поставить на холме, где захоронены маготы, памятник.

На низком постаменте установлена колонна, обрубленная сверху (символ оборвавшейся жизни), на которой высечен текст, сочиненный графом:

«Здесь покоятся обратившиеся в прах последние из нескольких поколений африканцев, давно прижившихся в этих землях. Любовь и привязанность к своему покровителю обернулись трагической битвой в столкновении между разгневанными крестьянами и разбушевавшимися любимцами. Смертный приговор стал уделом отцов и сыновей, матерей и младенцев. Человек не считается с тем, что его ближний по роду, который от нас, обладающих речью, отличается тем, что у него на две руки больше, но который, как и человек, — только в обезьяньей шкуре — от рождения наделен хитростью, смесью добра и зла, заслуживает снисхождения десятипалого наблюдателя».

ГДЕ ЖЕ ОНА ЗАРЫТА?

«Вот где собака зарыта!» Смысл этой поговорки известен: «Вот в чем суть дела, в чем истинная причина». И «зарытая собака» здесь ни при чем. Но почему именно собака?..

В аналогичных английских и французских поговорках нет никакой «захороненной собаки». Англичане в таких случаях говорят: «Вот где жмет башмак», а французы: «Вот горшок с розами». И только у немцев есть поговорка, дословно совпадающая с нашей: «Да ист дер хунд беграбен», или «Да лигт дер хунд беграбен».

Так все-таки, почему «зарыта собака»? Откуда такое точное совпадение и фразы и смысла в немецком и русском вариантах? Где зародилась поговорка, где и по какому случаю прозвучала эта фраза впервые?

Тайну происхождения этой поговорки раскрывает публикация в одном из номеров «Недели» (№ 12 за 1968 г.), где рассказывается о надмогильной плите с надписью, начинавшейся словами: «Здесь зарыта собака», и указано место и время захоронения.

Вдоль северо-западных склонов гор, покрытых знаменитыми Тюрингенскими лесами (Германия), тянется двухкилометровая деревня Винтерштайн. Здесь сегодня расположен курорт Табарц: тихий, утопающий в зелени уголок, великолепный парк с ухоженными дорожками и указателями расстояния до различных мест курорта. Один из указателей приводит к могиле, отмеченной каменной плитой. Вот выбитый на ней стихотворный текст (по-старонемецки): «В 1630 году 19 марта была здесь зарыта собака, чтобы ее не сожрали вороны. Ее имя было Штуцель и была она известна всей округе своей верностью господину и госпоже, не раз доказав это на деле».

Тут же на плите вы видите барельефное изображение Штуцеля. В верхних углах высечены буквы, которые расшифровываются так: слева — «Кристоф фон Вангенхайм — егермайстер саксонского князя», справа — «Анна фон Вангенхайм, урожденная фон Зеебах».

Существует предание, что написанное для надгробия стихотворение поместилось на камне не полностью и даже известен текст отсутствующего четверостишия:

Он бегал в Фриденштайн не раз,
Он в одиночку нес наказ,
Он точным действием отмечен
И в камне сем увековечен.

Итак, место, «где зарыта собака», известно!

О Штуцеле сложено немало легенд. В одной рассказывается, что Штуцель выполнял роль почтальона в любовной переписке между придворной дамой из замка Винтерштайн и обитателем замка Фриденштайн (близ города Гота). По другой легенде, Штуцель ежедневно относил из замка Винтерштайн в замок Фриденштайн пленному воину поклажу с продуктами и при этом проявлял такую хитрость, что стража не могла его захватить.

Сегодня трудно судить о правдоподобности преданий. Но одно неоспоримо: преданной и исполни-

[illegible] собаке Штуцель ее хозяева Вангенхаймы установили 360 лет назад памятную доску, благодаря которой мы сегодня знаем, «где зарыта собака». А вот каким образом этот текст перекочевал в русский язык, стал поговоркой и, нужно спросить у филологов.

ЛЕВ И УКРОТИТЕЛЬ

Как-то, просматривая немецкий журнал «Дас Тир» («Зверь»), издаваемый профессором Б. Гржимеком, я обнаружил фотографию надгробия в виде лежащего льва. Могила эта находится в Лейпциге, на кладбище Иоганнесфридхоф. В поисках подробностей я набрел на немецкое издание книги А. Лемана «Животные-артисты. Рассказы дрессировщика», где сказано следующее:

«Хозяин цирка Крейцберг был также и дрессировщиком львов. В 1874 году он подвергся нападению льва и был так поранен, что скончался. На новом кладбище Лейпцига стоит цоколь из песчаника с плитой перед ним, на которой надпись. Сегодня прочесть ее невозможно. На цоколе лежит статуя льва, и, хотя в народе ходят слухи, что это могила льва, никто из жителей не знает, что здесь похоронен укротитель Крейцберг».

Действительно, вряд ли на кладбище, где хоронят людей, допустили бы положить льва. Но тогда возникает вопрос: а для чего же статую льва-убийцы уложили на могилу своей жертвы? В назидание? Может быть, и так...

СИМВОЛ СВОБОДНОГО ЗВЕРЯ

В поисках памятников животным, воздвигнутых в Испании, по совету моих друзей, работников Ленинградского зоопарка, я написал в дирекцию знаменитого на весь мир заповедника Доньяна. Директор Хозе Вальверде прислал мне слайд необыкновенного памятника, о котором я раньше не слыхал. Это была скульптура рыси, сидящей на постаменте. Создана она скульптором Р. Хейнардом; ее установили на территории заповедника как символ свободного зверя в свободной среде.

Трудно сказать, умышленно или случайно в бронзовой отливке оставили отверстие. Обнаружившие его пчелы, видимо, нашли, что это самое удобное и безопасное место для улья. Здесь, по всем правилам пчелиной архитектуры, они и создали себе жилье.

Их, конечно, можно было бы оттуда выкурить, но пчелы попали под закон охраны всего живущего в заповеднике! Любопытно, что на морде бронзовой рыси виден какой-то налет. Вероятно, это следы прополиса или воска.

Легендарному Штуцелю. Памятная доска указывает место, «где зарыта собака...»

Скульптура рыси — символ свободного зверя.

Памятник дрессировщику (?)

ГЛАВА VI
ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ

До чего же точна народная поговорка: «Что написано пером, того не вырубишь топором». А если не только написано, но и напечатано в тысячах, а то и в сотнях тысяч экземпляров книг, журналов и газет,— никаких топоров не хватит! Конечно, все, что достоверно и справедливо, надо, наоборот, защищать от топора, но как быть, когда возникает ошибка и начинает кочевать из издания в издание, из одной книги в другую, по пути обрастая всякими впечатляющими деталями, так что даже породивший эту ошибку не узнал бы ее в окончательном варианте, превратившемся в сплошную небывальщину.

Эта глава выполняет одну, и только одну, задачу: внести ясность в сведения о некоторых монументах, упомянутых в статьях и книгах.

ПЕТУХ ИЗ МЮНСТЕРА

В газете «Комсомольская правда» читаю: «В немецком городке Мюнстер стоит памятник петуху, воздвигнутый в честь эпизода средневековой давности. Четыреста лет назад осажденный, умиравший от голода город на крепостную стену выпустил петуха. Петух был единственный в крепости. Но неприятель решил, что в городе много припасов, и снял осаду».

Сходная заметка помещена в журнале «Огонек» (№ 19 за 1967 год): «Когда командующий армией, которая в средние века осадила немецкий город Мюнстер, увидел на городской стене петуха, он пришел к выводу, что его план взять город измором провалился, и снял осаду. На самом же деле к тому времени в городе не осталось никаких продуктов, и этот петух был последней птицей. Благодарные жители поставили петуху памятник».

Памятник петуху — это любопытно. Жаль, что фотографии ни в одной из этих публикаций не было. Не оказалось такой фотографии ни в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ни у знакомых мне коллекционеров. Написал в Лейпциг своему коллеге по увлечению М. Холю: «Нет ли у вас города Мюнстера, в котором установлен памятник петуху?»

Получаю ответ: «У нас в Германской Демократической Республике Мюнстеров вообще нет, но я пошел

на почту и в толстом справочнике почтовых отделений довоенной Германии нашел, что на территории ФРГ есть 17 Мюнстеров! Посылаю тебе адреса только четырех, напечатанных жирным шрифтом...»

Откуда в одной стране 17 городов с одинаковым названием? Дело в том, что «мюнстер» в переводе означает монастырь. В средние века Германия состояла из княжеств, которые часто враждовали между собой. Кроме замков повсюду строились монастыри с мощными крепостными стенами, окруженные рвами с водой. Ремесленники и крестьяне, жившие вокруг, в случае войны спасались в монастырях. В XIX веке Германия стала единым государством, а мюнстеры остались Мюнстерами.

Я послал одинаковый запрос непосредственно бургомистрам четырех городов. Было это в сентябре 1973 года, а спустя три недели я получил ответ, который меня и поразил и растрогал. Бургомистр К. Дибург сообщал: «...Никакого памятника петуху в нашем городе нет, но нас это так заинтересовало, что мы размножили ваше письмо и разослали во все Мюнстеры в надежде, что в каком-нибудь из них такой памятник найдется». Затем стали приходить письма из других Мюнстеров с более или менее однотипными отетами: «Ах, как это интересно, но...» И вот, наконец, из Мюнстера Вестфален от директора зоопарка Вайсмана пришло письмо, в котором лежали две фотографии скульптуры петуха и фотокопии

В благодарность кактобластису австралийцы построили мемориал (Квинсленд)

Петух — спаситель Мюнстера

«Кактусовая моль»

страниц из книги «Мюнстер полон удивительного». Так я узнал предание о петухе, спасителе Мюнстера.

...Четыреста лет назад Мюнстер был блокирован врагами. Они не спешили штурмовать город — жители сдадутся сами, когда наступит голод. И действительно, медленно, но верно приближалась катастрофа. У советника города чудом еще уцелел, сохранился петушок. Но вот и до него дошла очередь. Советник уже вышел с ним во двор, но петушок, будто почуяв недоброе, вырвался, взлетел на крепостные ворота и так раскричался, что собрал две толпы. В осажденном городе голодные граждане огорчались: «Последняя еда улетает!» А по другую сторону ворот солдаты говорили: «Сколько времени здесь торчим, думая, что в городе голод, а там запросто петухи летают!» Сняли они осаду и ушли.

Граждане Мюнстера выбрали этого советника бургомистром, и тот в память о чудесном спасении заказал знаменитому золотых дел мастеру И. Роуэлу из Нюрнберга большого серебряного с позолотой петуха, который и поныне хранится в ратуше. Петух этот раскрывается, и в нем находятся две чаши — большая и малая. Существует в Мюнстере традиция: каждый вновь избранный бургомистр, вступая в должность, обязан осушить большую чашу, наполненную вином. И каждого почетного гостя города ждет та же процедура. Не удалось только уточнить, какую именно чашу должен выпить гость — большую или малую?

Безусловно, серебряный петух не попадает в разряд памятников, о которых у нас шла речь. Но легенда о его происхождении, по-моему, заслуживает внимания.

ИЗБАВИТЕЛЬНИЦЕ ОГНЁВКЕ

В одной солидной книге о животных встретилось мне такое сообщение: «В Австралии, на берегу реки Дарлинг, в городе Бунарга, штат Квинсленд, стоит мраморный памятник гусенице бабочки кактусовой моли».

Я представил себе высокий берег реки и возвышающийся величественный мраморный монумент. Правда, в других книгах об этом факте говорилось более скупо: «В благодарность за избавление от страшной напасти и был воздвигнут памятник в городе Бунарга». Или: «В знак большой признательности население штата Квинсленд воздвигло кактобластису памятник».

Я обратился в Австралию с просьбой прислать фотографию этого памятника. И, как обычно, в ожидании ответа стал изучать литературу в поисках нужных сведений. История его оказалась чрезвычайно интересной и поучительной.

В январе 1788 года на юго-востоке Австралии, где вскоре возник поселок Порт Джексон, а позднее вырос город Сидней, причалил английский корабль.

Прибывшие колонисты привезли с собой кактус. Это экзотическое ра-

стение многим понравилось, и обладатели его стали дарить направо и налево черенки. А кактусу очень понравился австралийский климат. Попавший из комнатных горшков в открытый грунт, он почувствовал себя как на родине в Южной Америке и стал быстро разрастаться. Из всех сортов особенно хорошо себя здесь чувствовал кактус с латинским названием опунция. Из-за грушевидной формы в быту его стали называть «колючей грушей».

Радовались гостю и фермеры животноводческих районов. Разросшийся кактус становился прекрасной колючей изгородью, защищавшей пастбища и угодья от вторжения диких животных.

Но к середине XIX века радость фермеров сменилась беспокойством: уж больно быстро кактус стал занимать и поля и пастбища. Уже в 1879 году пришлось начать борьбу с кактусом. Его затаптывали, жгли, срезали, а он разрастался все больше и больше. Теперь не только Новый Южный Уэльс, но и соседние штаты — Виктория и Квинсленд — были «оккупированы» этим сорняком. К началу XX века он завоевал около четырех миллионов гектаров!

В штате Квинсленд организовали опытную станцию по изучению способов борьбы со страшным иммигрантом. Была снаряжена экспедиция на родину кактуса, в Южную Америку. Из Уругвая и Аргентины в Австралию доставили для опытов несколько насекомых — врагов кактуса. В результате ученые пришли к выводу, что гусеница бабочки огневки является самым серьезным врагом кактуса.

1925 год стал переломным в этой истории. Из Южной Америки пришла посылка, в которой находилось около трех тысяч яиц огневки. Их поместили в лабораторию, и вскоре из них появились гусеницы. А к осени гусеницы превратились в бабочек.

Эта невзрачная бабочка (размах крыльев всего 2—3 сантиметра) живет всего несколько дней и может снести от 70 до 100 яиц. В сентябре лаборатория имела уже более ста тысяч яиц, а второе поколение дало два с половиной миллиона яиц! Наступила пора вводить это войско в бой.

В 1926—1927 годах на пораженной кактусом площади было размещено около десяти миллионов яиц огневки. Когда из яиц, которые бабочка откладывает на шипы кактуса, вырастают гусеницы, они прогрызают кожуру растения и уничтожают всю мякоть вплоть до корней.

Через год с небольшим огромное количество кактуса погибло. Но бой продолжался. К 1940 году от колоссальной площади в 260 тысяч квадратных километров, пораженных кактусом, остался небольшой островок размером в несколько сот квадратных километров. Можно было считать, что борьба выиграна.

Так вредитель — бабочка огневка, или, как ее называют, «кактусовая моль» (по-латыни кактобластис какторум), стала могущественным оружием в борьбе с зеленым агрессором. Вот почему австралийцы решили в благодарность кактобластису построить мемориал в Квинсленде. Фотографию эту я получил из Австралии. Скромный мемориал-холл никак не напоминает мраморный монумент, о котором писалось в книге. Сюда, как в свой клуб, съезжаются время от времени фермеры, чтобы провести собрание, посмотреть спектакль, потанцевать и помянуть добрым словом невразрачную бабочку огневку — избавительницу от страшной напасти.

Воробей вошёл в историю

Вот что мне пришлось как-то прочитать: «Обыкновенные воробьи выручили однажды из беды жителей американского города Бостона, истребив неисчислимые полчища гусениц. В благодарность бостонцы поставили в главном парке города памятник воробью». Сообщения об этом появились в ряде книг.

Я запросил моих американских корреспондентов, которые уже не раз меня выручали, и те обратились в Публичную библиотеку города Бостон (штат Массачусетс), а также в местный Музей науки и через некоторое время получили ответ, что памятника воробью в Бостоне обнаружить не удалось. Не успокоившись на этом, они послали запрос в организацию «Глоуб», которая наводит справки по любым темам во всем мире. И там следов памятника не нашли.

Но через некоторое время аме-

Английский воробей снова завладел моим воображением. Это случилось, когда один из корреспондентов прислал мне журнал «Нью-Йоркер» за май 1978 года с обширной статьей, в которой изложена история появления воробья в США.

Как это часто бывает, все началось совершенно случайно. Американский профессор Скиннер как-то встретился с капитаном английского торгового флота. Во время беседы капитан обратил внимание на гусеницу, ползшую по костюму профессора.

— В Англии, — сказал капитан, — этого случиться бы не могло, у нас такие насекомые мгновенно уничтожаются воробьями.

Немедленно Бруклинский институт, где работал профессор, тут же дал заказ капитану срочно привезти из Англии корзину этих полезных птичек. И вот пароход «Европа» из Лондона причалил к Нью-Йоркскому порту. На его борту большая клетка с воробьями. Теперь пароходы регулярно доставляли из Лондона крылатый груз. Он пришелся как нельзя кстати.

В Бруклине все деревья, украшавшие бульвары, совершенно лишались листвы. С обнаженных сучьев на тротуар падали гроздья объевшихся гусениц, кишевших под ногами прохожих.

Как освободителя от этой напасти встретили американцы маленькую невзрачную птичку. Воробьи сотнями уничтожали гусениц. Их приветствовали, им строили домики. В Бостон воробьи попали в 1850 году. Утверждают, что, придя в восторг от таланта европейской птички, бостонцы поставили ей памятник. Эти сведения проникли и в нашу литературу. Однако, как вы уже знаете, они пока не подтвердились.

Бурный восторг американцев стал постепенно затихать. Дело в том, что гусеницы в основном шли на корм птенцам, а взрослые воробьи предпочитали зерно и плоды. Они выклевывали семена из-под сеялок, разоряли сады и виноградники. Через месяц их ряды множили подросшие птенцы.

Фермеры возроптали. Недовольны были и горожане. Памятники, скульптурные украшения зданий — все загажено, желоба и водосточные трубы забиты гнездами. Положение стало действительно катастрофическим. В 1899 году в Бостоне, да и во многих других местах, был объявлен поход против воробьев.

Наконец, в 1900 году, по докладу министерства сельского хозяйства, Конгресс США издал закон, запрещающий ввоз в США воробьев. Предписывалось либо уничтожать привезенных птиц, либо отправлять их обратно за счет хозяина груза.

Но на этом история с воробьями в США не кончается. В 1916 году (опять случайно!) два инспектора Управления сельского хозяйства из Нью-Джерси обнаружили на корнях ввезенного из Японии растения личинки опасного жука. Особенность этого вредителя была в том, что никакая птица не хотела его есть. За исключением... воробья!

Вот тут-то и пришлось восстанавливать репутацию воробья. В 1960 году Конгресс США внес «исправление» в закон от 1900 года и вновь разрешил свободный ввоз в страну воробьев. Но теперь в этом уже не было необходимости, так как своих воробьев хватало.

А памятник воробью, возможно, и был в Бостоне лет сто назад, но сегодня американцы найти его не могут.

ГЛАВА VII
САМОЕ ОПАСНОЕ

Наше путешествие по векам и странам подходит к концу. Осталось рассказать еще о четырех памятниках: волку, медведю, чайке и бизону. Им и посвящена эта последняя глава. А почему она так названа — вы скоро узнаете.

ПОСЛЕДНЕМУ ВОЛКУ

В лесу под Дрезденом уже два века стоит памятник человечьей спеси. На пятиметровом цоколе — фигура сидящего волка. Привожу полностью весь длинный текст, высеченный на гранях пьедестала: «11 ноября 1740 года в период правления высочайшего могущественного князя Фридриха Августа короля Польского по высочайшему приказу и указанию главного придворного егеря Карла Готлиба фон Лейбница и егеря двора и земель Карла Людвига фон Вольферсдорфа по донесению его королевского и курфюрстского высочества камер-юнкера главного лесничего Дрездена, Морицбурга и Радебурга с Лausницем Рудольфа Зигмунда фон Настиц на угодиях Лаусница по признанию и свидетельству Иоганна Кристофа Шварца был застрелен волк весом 82 фунта, до этого в течение 56 лет не наблюдавшийся в вышеозначенных местах. На охоте и при загоне присутствовали (следует четыре имени — главного лесничего, лесничего, стремянного и охраняющего границы угодий к востоку от линии Лаусниц — Окрилла, примерно посередине, между этими двумя пунктами)... Реставрирован по приказу короля Фридриха Августа III».

Не нужно много фантазии, чтобы представить себе, как загнанный до полусмерти волк выбежал на поляну и угодил под выстрел какого-то «его высочества»...

ПОСЛЕДНЕМУ МЕДВЕДЮ

В давно прошедшие времена — дело происходило в Германии — обер-егерь А. Иммиш решил увековечить свой «геройский» поступок надписью, высеченной на огромном валуне: «Обер-егерь Андреас Иммиш уложил здесь в 1678 году последнего медведя».

Коротко, но, к счастью, неверно: живы еще медведи! Как видите, не всякий памятник рожден чувством благодарности. И не всякий памятник вызывает добрый отклик, ведь и память бывает недобрая. Этот памятник вопреки первоначальному замыслу для нас — как предостережение. Остановится нынешний мальчишка перед валуном, прочтет хвастливую надпись обер-егеря, и защемит, пожалуй, у него сердце. Посмотрит он в раздумье на свою рогатку, повертит ее в руке, да, может быть, и закинет подальше в кусты. Ведь небо-то без птиц — не небо, как утверждает поэт, и земля без зверей — не земля!

ПАМЯТНИК НА КОЛЁСАХ

Не удивляйтесь — есть и такой! Однако прежде чем рассказать о нем, придется вернуться лет на сорок назад.

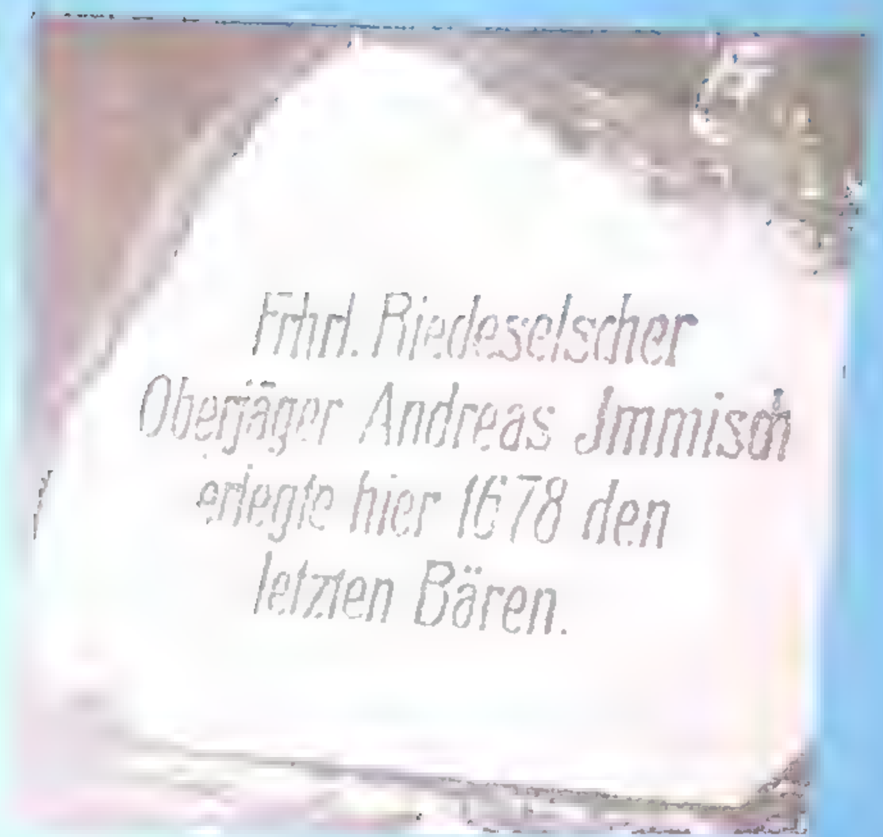
...В апреле 1947 года весь мир с волнением следил за необыкновенным путешествием шестерки отважных во главе со знаменитым норвежцем Туром Хейердалом. На бальсовом плоту «Кон-Тики» они отчалили от берегов Перу и пустились в просторы Тихого океана. Затем последовали путешествия Хейердала на папирусных судах «Ра», «Ра-2» и, наконец, на «Тигрисе».

Мы не будем касаться проблем, интересовавших Т. Хейердала, и открытий, которые он сделал в результате своих удивительных путешествий. Но на одном наблюдении, изложенном им в докладе 7 июня 1972 года на научной корференции в Стокгольме, мы остановимся. Вот о чем говорил Т. Хейердал:

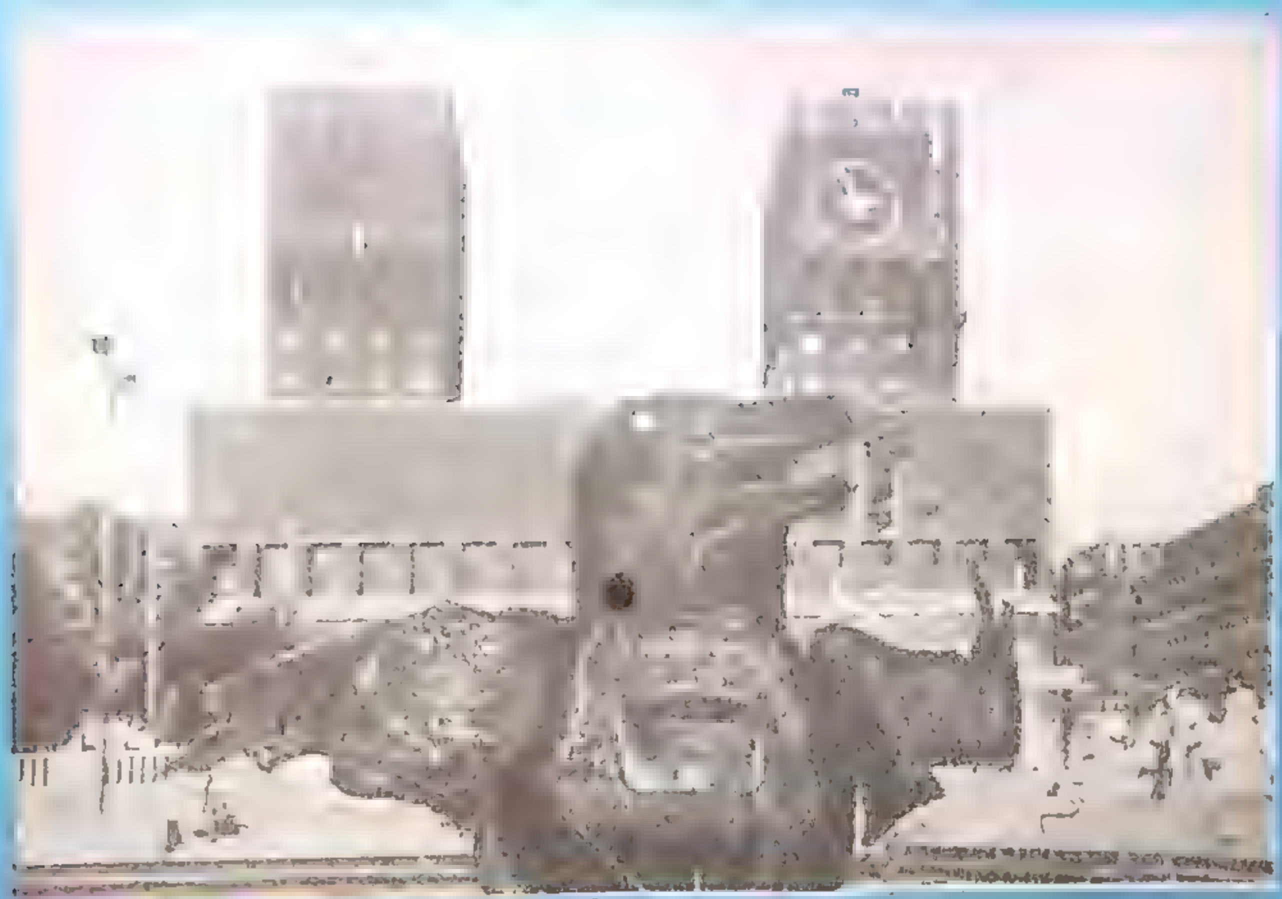
«В 1947 году, когда бальсовый плот «Кон-Тики» за 101 сутки прошел около 8000 километров в Тихом океане, экипаж на всем пути не видел никаких следов человеческой деятельности ...океан был чист и прозрачен. И для нас было настоящим ударом, когда мы в 1969 году, дрейфуя на папирусной лодке «Ра», увидели, до какой степени загрязнен Атлантический океан. Мы обгоняли пластиковые сосуды, изделия из нейлона, пустые бутылки, консервные банки. Но особенно бросался в глаза мазут. У берегов Африки, посреди океана, в районе Вест-Индских островов мы целыми днями наблюдали картину, которая больше всего напоминала акваторию какого-нибудь крупного порта; до самого горизонта поверхность моря оскверняли черные комки мазута — с булавочную головку, с горошину, даже с картофелину...»

Последнему волку. В лесу под Дрезденом уже два века стоит этот памятник человечьей спеси

Поистине «геройский» поступок человека! Здесь в 1678 году уложили последнего для этих мест медведя...

...ира — памятник-предостережение. В Северном море эта птица находится уже на грани полного исчезновения

Откуда в океане сгустки нефти?

В погоне за ростом прибылей постоянно увеличивается емкость нефтеналивных танкеров. Сейчас строятся суда вместимостью 300 тысяч тонн, а в Японии построен танкер на 500 тысяч тонн! С этой же целью — извлечь максимум доходов — нарушается безопасность буровых работ. В результате — нередкие катастрофы с танкерами, просачивание нефти из скважин.

В апреле 1969 года английский танкер «Гамильтон-Трейдер» столкнулся в Ливерпульском заливе с каботажным судном. Несколько тысяч тонн нефти быстро расползлось по акватории залива, принеся смерть всему живому

[illegible]ежцев давно беспокоит ненадежность [illegible]едобывающих установо[illegible] [illegible]эном море. Особенно т[illegible]торые эксплуатируются ино[illegible]ими фирмами. Так возникло [illegible]во защиты от загрязнения [illegible]ана и Северного моря.

[illegible] преля 1977 года в 21. 00 по норе[illegible]жскому радио начали передавать [illegible]атирическую постановку Э. Мишель, в которой шла речь об аварии на одной из подобных буровых установок. Слушатели смеялись. Они не знали, что ровно через полчаса, в 21. 30, на месторождении «Экофикс» на одной из платформ, принадлежавшей американской фирме «Филипс Петролеум», прорвется мощный фонтан нефти. «Эту аварию, — заключила иностранная пресса, — следует оценивать как одну из самых тяжелых катастроф в истории и крупнейшей аварией на месторождении Северного моря».

Семь с половиной суток извергалась нефть из недр. Морская поверхность площадью около четырех тысяч квадратных километров оказалась покрытой нефтью.

Это было время нереста рыбы. Все гибло — икра, планктон, молодь. Птицы, вымазанные нефтью, не могли взлететь. Места, где норвежцы всегда ловили треску и сельдь, оказались покрытыми нефтью. Огромное смертоносное пятно поползло к берегам Швеции и Дании...

Один из членов общества защиты вод океана от загрязнения Мариус Хейердал построил удивительный монумент: огромная фигура кайры (около 8 метров высотой) из полиэфира и алюминия. Эта фигура могучей, черной, с раскрытыми крыльями птицы, поставленная на колеса, может передвигаться по суше, а на поплавках легко идет по воде. Мариус выбрал именно кайру, потому что в Северном море эта птица уже на грани полного исчезновения.

М. Хейердал объехал со своей кайрой все северные страны, побывал в Англии, в Лондоне, где так же, как и в других странах, распространял обращение Норвежского общества. «Мы убеждены, — говорилось в нем, — что будущее человечества поставлено на карту и в семидесятых годах должен разрешиться вопрос — будет прикончена жизнь в северных морях или океан по-прежнему будет источником жизни для всех нас...» Так два однофамильца — норвежцы Тур и Мариус Хейердал соединили свои громкие голоса в защиту Природы.

ШЕСТИДЕСЯТИ МИЛЛИОНАМ БИЗОНОВ

Говорят, если у курицы с четырьмя цыплятами забрать одного, мамаша-кура забеспокоится. Она ощутит недостачу. Но если у этой же курицы из десяти цыплят забрать даже двух — она не заметит пропажи: все равно цыплят много. Для нас — людей — также существует предел реального ощущения количества, и тогда мы говорим: «это много», «невероятно быстро», «масса народа» и т. д.

Приведу пример. Можно ли себе представить, сколько это — 60 миллионов пшеничных зерен? Каждый ответит: «Очень много». Уточним. Агрономическая наука считает, что для посева требуется 300 зерен на один квадратный метр. При такой норме для 60 миллионов зерен потребуется полоса, равная Невскому проспекту в Ленинграде.

Теперь вообразите такое превращение. Каждое зернышко обернулось бизоном. Да, огромным бизоном. И их — 60 миллионов! Вы, наверное, подумали, что я потерял чувство меры. Такого количества бизонов и быть не может! Вы правы, теперь не может. Однако такое количество — и именно бизонов — было, и не так давно, всего около ста лет назад. Они бродили по прериям и лесам Северной Америки от Мексики до Канады. Бизоны были источником существования для всех индейских племен, аборигенов Северной Америки.

В 60-х годах прошлого столетия началась прокладка трансконтинентальной железной дороги, которая должна была соединить берега Атлантического и Тихого океанов. Тысячи людей были привлечены на строительство (а их нужно кормить).

Масса этого монумента в Джеймстауне — 60 тонн. Один грамм бетона в память об одном бизоне? Возможно, это случайное совпадение...

Буфалло Билл — гроза бизонов

Охота на бизонов

Были организованы целые отряды охотников для отстрела животных. Это было нетрудно — «мясо» бродило рядом. Нужны были только порох, пули и ружья.

С этого момента и началось в Америке великое избиение бизонов. Многие животные падали тут же, другие — раненые — убегали в глубь прерий и там погибали. Объявился и «специалист» — охотник, вошедший в историю. Его звали Буфалло Билл. За полтора года он подстрелил около 4200 бизонов! В среднем по восемь животных ежедневно.

Построенная железная дорога рассекла огромное скопление животных на две части, которые в истории называют «Южное стадо» и «Северное стадо». Работа по уничтожению бизонов значительно облегчилась. Строительство железной дороги было завершено в 1869 году. За время ее строительства уничтожить всех бизонов не удалось. Но пришла техника — поезд! Бизонов стали бить из окон вагонов, с крыш проходящих поездов. За период с 1872 по 1874 год было убито пять с половиной миллионов животных. В 1873 году «Южное стадо» прекратило свое существование. Наступила пора приняться за «Северное». С убитых животных снимали шкуру, а тушу оставляли тут же, на месте. Шкуры отправляли на выделку.

Передовые американцы понимали, что такое зверское избиение грозит исчезновением бизонов, а главное, может привести к гибели индейцев. Они пытались провести через Сенат закон об охране бизонов, но проект этот был отвергнут.

Генерал Шеридан (ярый противник проведения закона) заявил: «Наоборот, каждому убившему бизона нужно выдать орден с изображением умирающего от голода индейца, ибо истребление бизонов — лучший способ борьбы с индейцами».

В 1873 году (переходя на язык Фенимора Купера) один «краснокожий брат» по имени Бродячий Койот, поймав двух молодых бизонов (бычка и телочку), спрятал их. Через 23 года в его «тайном» стаде было уже около 300 голов! Их у него купило правительство и отправило в Иелоустонский национальный парк. Это крупный заповедник США, такой же, как «Вуд-Буффало» в Канаде, где также охраняются остатки бизоньего стада. И хотя бизоны занесены в Красную книгу, сегодня можно сказать: этот вид животных пока еще сохранен.

Так неужели описанные выше события никак не увековечены? В штате Северная Дакота, в городе Джеймстаун существует школа для детей-калек, которой с 1950 года руководит благородная женщина, доктор Анна Карлсон. Она любезно откликнулась на мою просьбу и познакомила с достопримечательностями города.

В школе, которой она руководит, ребят учат и лечат всеми современными методами. Здесь, на окраине города, создан музей под открытым небом, в котором можно увидеть первую станцию железной дороги, церквушку, бревенчатый ресторан, такую же школу — все в том виде, в каком это было во время строительства железной дороги, то есть в 60-е годы прошлого века.

Ну, а бизон?.. Есть и бизон. Его тоже «построили». Создал его в 60-х годах уже нашего века скульптор Э. Петерсон. Скульптура сделана из металла (каркас), облеплена бетоном и затем раскрашена. Ее высота 9 метров, а длина — 16; масса монумента 60 тонн.

САМОЕ ОПАСНОЕ

Есть в Нью-Йоркском зоопарке каменный павильон. Прочная, толстая решетка бронирует застекленную витрину, а прикрепленная надпись гласит: «Самое опасное животное на Земле».

Когда посетитель с опаской приближает лицо к решетке, он видит в полутемной нише самого себя: задняя стенка клетки — зеркало.

Значит ли это, что каждый, кто увидит себя в зеркале, и есть самое опасное существо?

Вероятно, нет. Персонально — нет. Но как представитель человечества...

В этом смысле надпись, увы, справедлива.

В стихотворении Р. Рождественского «Монолог царя зверей» лев обращается к человеку:

Пусть тебе повстречается голубь,
хлебнувший отрав,
Муравейник сожженный,
Разрытые норы барсучьи,
Оглушенная семга,
Дрожащий от страха жираф,
И подстреленный лебедь,
И чайки —
по горло в мазуте.

И дальше звучит предупреждение:

Ты — хозяин.
Мы спорить с тобой
не хотим и не можем.
Но без нас —
ты представь! —
Разве будет землею
земля?

Вопрос охраны природы, охраны животного мира нашей планеты стал общечеловеческим, глобальным, и сегодня это — одна из основных проблем на Земном шаре.

Трудно, очень трудно добиться того, чтобы человек всегда оставался ЧЕЛОВЕКОМ. Но будем верить, что наступит такой день, когда в торжественной обстановке люди — за ненадобностью! — разрушат небольшой павильон в Нью-Йоркском зоопарке с надписью: «Самое опасное...». За это надо бороться. И такое время обязательно придет.

Нью-Йоркский зоопарк. «Самое опасное животное на Земле».
Трудно добиться, чтобы человек всегда оставался ЧЕЛОВЕКОМ...

КТО ШАГНЁТ ДАЛЬШЕ?

Когда мне предложили познакомиться с человеком, собирающим сведения о памятниках животным, я поначалу, не скрою, скептически отнесся к этому. Увы, не раз приходилось знакомиться с «интереснейшей» коллекцией, которая на поверку оказывалась элементарным подбором иллюстрированных открыток или вырезок из газет.

...В квартире на Васильевском острове в тот вечер я засиделся допоздна и ушел оттуда откровенным почитателем того дела, которому отдал многие годы жизни Владимир Захарович Бульванкер.

По горячим следам я тогда написал о нем несколько очерков. Один из них, напечатанный в январе 1975 года в «Ленинградской правде», вызвал много откликов, звонили и писали незнакомые люди, благодарили за интересное «знакомство».

Владимир Захарович был незаурядным рассказчиком. Его мудрая логика, поразительная работоспособность, завидное терпение покоряли каждого, кто с ним общался. А собранная им коллекция — это пусть небольшой, но самый настоящий исследовательский центр, оснащенный специальной и справочной литературой, библиографическими данными, добротным изобразительным материалом.

В. З. Бульванкер — ровесник века — прожил сложную и поучительную жизнь. От природы наделенный артистическим даром, музыкальностью, умением расположить к себе людей, он многие годы отдал просветительской деятельности. Особенно любил Владимир Захарович работать с детьми.

В течение ряда лет В. З. Бульванкера приглашали работать в Ленинградский зоопарк, где он помогал проводить ребячьи праздники «День птиц», «Новогодняя елка», зоовикторины, карнавальные шествия со зверями... Вот тогда-то и узнал он о том, что в мире существуют памятники животным — четвероногим, птицам, насекомым. И это его настолько заинтересовало, что он целиком отдался новому увлечению, ставшему с тех пор главным делом его жизни.

Теперь неутомимого исследователя можно было постоянно видеть среди читателей Государственной публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук СССР, музея Института экспериментальной медицины. Вот когда пригодились знания и навыки, полученные в школе переводчиков, которую он в свое время окончил. Ведь знание трех иностранных языков — это большое подспорье в обширной переписке, которую теперь приходилось ему вести. Многолетняя переписка В. З. Бульванкера с людьми разных стран могла бы лечь в основу отдельной и увлекательнейшей книги.

Прошли годы, и тема, казавшаяся когда-то мелкой и узкой, обросла таким многообразным материалом, что ей стало тесно в четырех стенах квартиры. Собралось столько интереснейших фактов, что желание поделиться своими новыми знаниями с окружающими, большими и маленькими, заставило коллекционера искать слушателей. Вскоре такие беседы начали приносить отдачу — появлялись новые материалы о памятниках животным.

Так родились небольшие очерки об отдельных памятниках, написанные и самим Владимиром Захаровичем, и в содружестве с журналистами. Они публиковались

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190